
UNIVERSITY OF TORONTO DUPL
3 1761 00290310 2

ВЪ ГОДЪ ВОЙНЫ

СБОРНИКЪ

АРТИСТЪ СОЛДАТУ.

Подъ редакціей
Л. Ю. Рахмановой и А. В. Руманова.

1915 г.

Типографія Акц. Общ. Типографскаго Дѣла, 7 рота, 26.

Отъ Редакціи.

Идея изданія сборника вызвана исключительно желаніемъ принести посильную помощь жертвамъ войны. Мысль эта, сочувственно встрѣченная многими писателями, могла осуществиться благодаря любезному содѣйствію Акц. о-ва типографскаго дѣла, Россійскаго о-ва писчебумажнаго дѣла, художественно-графическаго заведенія „Уніонъ", а также А. Е. Розинера и В. Н. Гордина, принявшихъ дѣятельное участіе въ собираніи матеріала.

Составители сборника не претендуютъ ни на единообразіе плана, ни на цѣльность художественнаго впечатлѣнія.

Весь сборъ поступитъ въ пользу Союза (Артистъ — солдату).

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

ГОРОДЪ ЖЕНЕВЬЕВЫ.

Не стремися въ тотъ городъ, гдѣ царитъ Женевьева.
Госпожа Женевьева безпощадна во гнѣвѣ.
Ей не скажешь спасиба, госпожѣ Женевьевѣ,
Не похвалишь тотъ городъ, гдѣ царитъ Женевьева,
Непреклонная, злая, но прекрасная дѣва,
Что мечтаетъ жестоко о кровавомъ посѣвѣ.
Не стремися въ тотъ городъ, — гдѣ царитъ Женевьева.
Госпожа Женевьева безпощадна во гнѣвѣ.

5/18 мая 1914 г.
Парижъ.

ИВ. БУНИНЪ.

НОВЫЙ ЗАВѢТЪ.

Съ Іосифомъ Господь бесѣдовалъ въ ночи,
Когда Святая Мать съ Младенцемъ почивала:
— Іосифъ! Близокъ день, когда мечи
Перекуютъ народы на орала.
Какъ нищая вдова, что плачетъ въ часъ ночной
О мужѣ и ребенкѣ, какъ пророки
Мой древній Домъ оплакали со Мной,
Такъ проливаетъ міръ кровавыхъ слезъ потоки.
Іосифъ! Я расторгъ съ Іаковомъ завѣтъ —
Исполни въ радости Господнее велѣнье:
Встань, возвратись въ Мой тихій Назаретъ
И всей землѣ яви Мое благоволенье!

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ.

СКРИПКА.

Смычокъ запѣлъ. И облакъ душный
Надъ нами всталъ. И соловьи
Приснились намъ. И станъ послушный
Скользнулъ въ объятія мои...
Не соловей -- то скрипка пѣла.
Когда жъ оборвалась струна,
Кругомъ рыдала и звенѣла,
Какъ въ вешней рощѣ, тишина...
Какъ тамъ, въ рыдающіе звуки
Вступала майская гроза...
Пугливыя сближались руки,
И жгли смеженные глаза.

Т. ЩЕПКИНА-КУПЕРНИКЪ.

ПѢСЕНКА БЕЛЬГІЙСКИХЪ СОЛДАТИКОВЪ.

Мы дѣти Бельгіи несчастной!
Мы отъ земли видны едва,
Но захватилъ насъ врагъ всевластный...
Разъ-два, разъ-два!
У насъ отъ родины осталась
Морской полоски синева:
Вся Бельгія — врагу досталась...
Разъ-два, разъ-два!
Гроза прошла надъ нашимъ краемъ,
Но въ дѣтствѣ радость все жива,
И мы попрежнему играемъ...
Разъ-два, разъ-два!
Пугаютъ нѣмцы насъ разстрѣломъ,
Они не терпятъ баловства...
Но мы храбры въ упорствѣ смѣломъ:
Разъ-два, разъ-два!
Мы собираемся гурьбою
Тайкомъ у городского рва,
И тамъ играемъ межъ собою:
Разъ-два, разъ-два!
Разорены у насъ избушки,
И кровью залита трава...
Куски шрапнели — намъ игрушки...
Разъ-два, разъ-два!

Отцы ушли: мы безъ защиты.
Уже давно идетъ молва,
Что очень многіе убиты...
Разъ-два, разъ-два!
И наши матери въ печали
Плести забыли кружева.
И въ домѣ пѣсни замолчали...
Разъ-два, разъ-два!
Но по ночамъ, уже въ постели,
Мы слышимъ матерей слова:
„Живите для великой цѣли!"
Разъ-два, разъ-два!
„О, сыновья, скорѣй растите,
И за поруганнаго льва
Врагу надменному отмстите!"
Разъ-два, разъ-два!
И говоримъ мы съ поцѣлуемъ:
„Дай, мама, вырасти сперва —
И край родной мы отвоюемъ!"
Разъ-два, разъ-два!

З. ГИППІУСЪ.

ТОГДА И ОПЯТЬ.

Хотѣлось намъ тогда, чтобъ помолчали
Поэты о войнѣ.
Чтобъ пережить хоть первыя печали
Могли мы въ тишинѣ.

Куда тебѣ! Набросились звѣрями:
Война! Войнѣ! Войны!
И крикъ, и кличъ, и хлопанье дверями...
Не стало тишины.

А послѣ, вдругъ, — таковъ у нихъ обычай, —
Военный жаръ исчезъ.
Изнемогли они отъ всякихъ кличей,
Отъ собственныхъ словесъ.

И, юное безвременно состарѣвъ, —
Идутъ, бѣгутъ назадъ,
Чтобы запѣть, въ туманѣ прежнихъ маревъ,
На прежній ладъ...

АННА АХМАТОВА.

Цѣлый годъ ты со мной неразлученъ,
А, какъ прежде, и веселъ и юнъ.
Неужели же ты не измученъ
Смутной пѣсней затравленныхъ струнъ,

Тѣхъ, что раньше, тугія, звенѣли,
А теперь только стонутъ слегка,
И моя ихъ терзаетъ безъ цѣли
Восковая, сухая рука?

Вѣрно мало для счастія надо
Тѣмъ, кто нѣженъ и любитъ свѣтло,
Что ни ревность, ни гнѣвъ, ни досада
Молодое не тронутъ чело.

Тихій, тихій... И ласки не проситъ;
Только долго глядитъ на меня
И съ улыбкой блаженной выноситъ
Страшный бредъ моего забытья.

Слѣпнево.

В. ПЯСТЪ.

А. А—ой.

— Здравствуй, желанная дочь
Славы, богини-властительницы!
Въ каждомъ кивкѣ твоемъ — ночь
Жаждетъ луны-побѣдительницы, —
Славы любимая дочь.

Ночь. И сама ты — звѣзда,
Блескомъ луны затмевающая.
Вотъ, ты зажглась навсегда.
Вотъ, ты, на тверди мерцающая,
Огромная звѣзда.

ИВ. ТХОРЖЕВСКІЙ.

Сердце строже и безмолвнѣй:
Злыя вѣсти о войнѣ
Чертитъ смерть — зигзагомъ молній
На кровавой пеленѣ...

Сколько тайныхъ, неизбѣжныхъ,
Бередящихъ душу ранъ!
Сколько струнъ, когда-то нѣжныхъ,
Рветъ всесильный ураганъ!

Но волшебны панорамы
Разгорѣвшейся борьбы,
И сквозь бредъ всемірной драмы
Ярче замыселъ Судьбы:

Это — жертва всесожженья,
И въ дыму ея, въ крови, —
Блескъ побѣды, лучъ сближенья,
Новый, яркій день Любви!

БОРИСЪ САДОВСКОЙ.

С. П. РЕМИЗОВОЙ-ДОВГЕЛЛО.

(Сонетъ).

Въ тебѣ цвѣтутъ преданья вѣщихъ дней.
Глаза твои, улыбкой сердце нѣжа,
Мнѣ говорятъ о пущахъ Бѣловѣжа,
О славѣ войнъ и спорахъ королей.

Въ дыму вѣковъ они все вѣчно тѣ же,
Твоя жъ корона спѣлый снопъ кудрей.
Какъ сердце при тебѣ горитъ нѣжнѣй,
Какъ помыслы чисты и думы свѣжи...

Твой свѣтелъ жребій, радостенъ твой путь.
Живой огонь твоя лелѣетъ грудь,
Священный Зничъ пылаетъ въ холодъ невскій.

Имъ озаренъ любимый нашъ пѣвецъ:
Въ его терново-розовый вѣнецъ
Вложила ты свой скипетръ королевскій.

ЮРІЙ ВЕРХОВСКІЙ.

Мой другъ, я не знаю, какое
Волненье тревожитъ меня;
Но, если бы могъ я въ покоѣ
Дождаться привѣтнаго дня!
Чуть слышно и сладко звеня,
Раскрывшись въ зарницѣ мгновенья,
И пѣсней маня и дразня,
И тѣша миражемъ видѣнья, —
Какія-то зыбкія звенья
Влекутся межъ ночью и днемъ —
И нѣтъ ни борьбы, ни забвенья
Въ томящемся духѣ моемъ.
Но ты не забудешь о немъ;
Ты сердца коснешься рукою, —
Мы скоро вдвоемъ отдохнемъ,
Съ разсвѣтомъ предавшись покою.

Пока ты злобу на людей
Питаешь слѣпо и безумно,
Какъ невзначай дикарь-злодѣй
Безумствуетъ, горя темно и неразумно, —
Души спокойствіемъ и миромъ овладѣй;
Иначе — будетъ слишкомъ поздно:
Вражда сильнѣйшая тобой,
Какъ закипѣвшій жаркій бой,
Какъ вихорь — завладѣетъ грозно, —
И, смертной раной измождёнъ,
Ты будешь вѣчнаго страданія добычей —
И ядъ презрѣнія въ крови твоей зажженъ,
И пламень думъ твоихъ сомнѣньемъ пораженъ,
И недовѣрье — твой обычай.

П. ПОТЕМКИНЪ.

ЛЮБОВЬ.

I.

Пришла и постучала въ дверь
И, распахнувъ, вошла.
Дохнула холодомъ потерь,
Какъ горній снѣгъ бѣла,
И прохрипѣла мнѣ: „Повѣрь,
Я радость принесла.
    И красенъ былъ прогнившій взглядъ,
    И носъ былъ, какъ сморчокъ,
    И гнутый посохъ, словно гадъ,
    Свивалъ свой завитокъ,
    И въ страхѣ грянулъ я назадъ,
    Какъ сломленный цвѣтокъ.
Но съ мертвой ласковостью губъ
Она открыла ротъ
И прохрипѣла: „Ты мнѣ любъ,
Ты нуженъ мнѣ, — ты тотъ!
Къ тебѣ съ уступа на уступъ
Влеклась я цѣлый годъ“.
    И въ страхѣ я вцѣпился въ край
    Ея одежды. Вновь
    Она сказала: „Я — твой рай,
    Люби, не прекословь“.
    И я взмолился: „Отвѣчай,
    Кто ты?“ — „Кто я? — Любовь!“

II.

И вотъ сегодня, въ часъ закатный,
Она пришла ко мнѣ опять.
Я слышалъ стукъ ея трехкратный,
Но не посмѣлъ ее узнать.
Былъ взглядъ ея, что крылья птицы,
Воздушенъ, легокъ и остеръ.
И жгли подъятыя рѣсницы,
Какъ погребающій костеръ.
Вѣнецъ царицъ сіялъ на косахъ,
Какъ юный день цвѣло лицо,
Въ змѣиной выгнутости посохъ
Свивалъ блестящее кольцо.
„Меня узналъ ты?“,— такъ спросила
И простучала ручкой дверь...
„Другой къ тебѣ я приходила
И вотъ пришла такой теперь“.
И я склонился на колѣни
Услышать слабое прощай,
И за окномъ метнулись тѣни
И потускнѣлъ веселый май.

2.

Каждый день все одно и то же
Каждый день все бои и бои.
Ахъ, когда же наступятъ, о Боже,
Дни благiе Твои?
Цѣлый день я не отрываясь
Все вяжу, или шью да крою...
Скоро ль врагъ погибнетъ, отчаясь
Побѣдить въ нашемъ краю?..
Помню я подъ окномъ березку,
Какъ бѣла была у нея кора...
Не одну вѣрно льетъ она слезку
Теперь отъ утра до утра:
Вѣрно пули ее пронизали,
Вѣрно раны ея горятъ...
Помню въ день, когда мы уѣзжали,
Былъ такъ свѣтелъ ея нарядъ!
Удивленно солнце глядѣло
На нее, на возы, на людей,
Почему вдругъ кишмя закишѣла
Дорога среди тополей?
Почему вдругъ всѣ потянулись,
То́чно стая испуганныхъ птицъ?
Почему вдругъ поля всколыхнулись
И деревья попадали ницъ?

Почему точно громъ разорвался,
Надъ полями, хоть ясенъ день?
Отчего на дорогѣ остался
Мальчикъ въ шапочкѣ набекрень?
Отчего онъ застылъ недвижимо,
И рука отлетѣла прочь?
Или сномъ непреодолимо
Сковала глаза ему ночь?
Отчего такъ горестно плачетъ
Надъ нимъ, надъ заснувшимъ, мать?
Солнце! Солнце! Что это значитъ?
Знаешь ты? Да какъ же не знать!
И нахмурилось солнце и слезку
Уронило съ высокихъ небесъ
На прострѣленную березку,
На опечаленный лѣсъ...
И съ тѣхъ поръ, какъ сюда попала,
Я все шью цѣлый день напролетъ,
Чтобъ душа только не вспоминала,
Какъ березка тамъ слезы льетъ.

Г. Г.

ВАЛЬСЪ ШОПЕНА.

Кажется, вся ты — изъ звуковъ. Они
Вкругъ тебя ночи витаютъ и дни.
Жадно имъ внемлешь... Но сердце болитъ:
Чудный аккордъ въ небеса улетитъ,
Дивныя струны звучать перестанутъ
Тишь и безмолвье пустыни настанутъ.

* * *

Кажется, будто ты вся — изъ цвѣтовъ,
Лилій и розъ бѣлоснѣжныхъ,
Въ небѣ рисунокъ изъ облачковъ
И золотистыхъ и нѣжныхъ.
Все-бъ любовался, но страшно: видѣнье
Можетъ растаять, исчезнуть въ мгновенье.

* * *

Кажется, вся соткана ты изъ сновъ,
Сновъ золотыхъ и мечтаній,
Сказочныхъ красокъ, несбыточныхъ грезъ
И затаенныхъ признаній.
Грезишь тобой — и не хочешь проснуться:
Отъ упоенья такъ страшно очнуться.

МОРАВСКАЯ

ВОЙНА ИЗДАЛИ.

1.

Надъ горной дачей низко провода,
Дрожатъ на проволокѣ брызги фонтана.
Луна сіяетъ нѣжно, какъ всегда,
Но все кругомъ встревожено и странно.
И вечеръ ясный сердце намъ не тѣшитъ.
Гудятъ столбы, какъ раздраженный улей...
Я знаю, частыя бѣгутъ теперь депеши:
„Вашъ сынъ сраженъ. Вашъ братъ контуженъ пулей“.
Фонтанъ на провода роняетъ слезы,
Шакалы плачутъ протяжно, какъ въ бреду...
И словно кактуса ѣдкія занозы
Мнѣ ранятъ сердце въ тропическомъ саду!

В. АРЕНСЪ.

ФОНТАНКА.

Вечерѣетъ... И въ Фонтанкѣ
Отраженные огни,
Какъ лукавыя приманки,
Соблазняютъ насъ они.
Подъ мостомъ тягучей лентой
Тихо плещется рѣка,
Огоньки, какъ позументы,
И манятъ издалека.
Не Венеція, я знаю,
Эта сѣрая вода,
Но тоской по ней сгораю,
Полюбила навсегда.
И усталыми глазами
Провожаю здѣсь въ тиши
Нагруженныя дровами
Тупоносыя баржи...

НИКОЛАЙ ЧЕРНЯВСКІЙ.

НИКОЛА.

Студеница траву пополола,
Раскидала вездѣ пустыри.
— Что приносишь, святитель Никола?
— Кровь родную, родная, бери.

Просочились червонныя капли
Сквозь прорѣхи Николиныхъ рукъ
У чела краснопёрыя цапли
Сочетали мерцающій кругъ.

Улетѣли въ студеныя выси.
— О родная земля, не тужи!
Разбѣжалися красныя рыси,
Расползлися рудые ужи.

АЛЕКСАНДРЪ ТИНЯКОВЪ.

НИКОЛАЕВСКІЙ СОЛДАТЪ.

Въ холодъ, въ оттепель и въ зной
Мимо сѣрыхъ, дымныхъ хатъ
Ходитъ бравый отставной
Николаевскій солдатъ.

И хотя на-дняхъ ему
Стукнетъ восемьдесятъ пять,
Бодро носитъ онъ суму
И не хочетъ помирать.

А когда бываетъ пьянъ,
Онъ поетъ про старину:
Про Малаховскій курганъ,
Про Венгерскую войну.

И когда — съ огнемъ въ глазахъ —
Говоритъ онъ про враговъ,
Нападаетъ жуткій страхъ
На смиренныхъ мужиковъ.

Рты раскрывъ, они глядятъ,
Какъ въ нихъ мѣтитъ костылемъ
Расходившійся солдатъ,
Точно въявь онъ предъ врагомъ.

А когда японецъ намъ,
Обезумѣвъ, сталъ грозить,
То старикъ пришелъ къ властямъ
И сказалъ: „Хочу служить!“

Видѣлъ я потомъ: рыдалъ
Старый, будучи не пьянъ,
И — рыдая, повторялъ:
„Наши сдали Ляоянъ!“

А. КУПРИНЪ.

ВЪ МЕРТВЕЦКОЙ.

(Отрывокъ).

На другой день, въ понедѣльникъ, къ десяти часамъ утра почти всѣ жилицы дома, бывшаго мадамъ Шайбесъ, а теперь Эммы Эдуардовны Тицнеръ, поѣхали на извозчикахъ въ центръ города, къ анатомическому театру, всѣ, кромѣ дальновидной многоопытной Генріетты, трусливой и безчувственной Нинки и слабоумной Пашки, которая вотъ уже два дня какъ не вставала съ постели, молчала и на обращенные къ ней вопросы отвѣчала блаженной, идіотской улыбкой и какимъ-то невнятнымъ животнымъ мычаніемъ. Если ей не давали ѣсть, она и не спрашивала, но если приносили, то ѣла съ жадностью, прямо руками. Она стала такой неряшливой и забывчивой, что ей приходилось напоминать о нѣкоторыхъ естественныхъ отправленіяхъ во избѣжаніе непріятностей. Эмма Эдуардовна не высылала Пашку къ ея постояннымъ гостямъ, которые Пашку спрашивали каждый день. Съ нею и раньше бывали такіе періоды ущерба сознанія, однако они продолжались недолго, и Эмма Эдуардовна рѣшила на всякій случай переждать: Пашка была настоящимъ

кладомъ для заведенія и его поистинѣ ужасной жертвой.

Анатомическій театръ представлялъ изъ себя длинное одноэтажное темно-сѣрое зданіе, съ бѣлыми обрамками вокругъ оконъ и дверей. Было въ самой внѣшности его что-то низкое, придавленное, уходящее въ землю, почти жуткое.

Дѣвушки одна за другой останавливались у воротъ и проходили черезъ дворъ въ часовню, пріютившуюся на другомъ концѣ двора, въ углу, окрашенную въ такой же темно-сѣрый цвѣтъ съ бѣлыми обводами.

Дверь была заперта. Пришлось итти за сторожемъ. Тамара съ трудомъ разыскала плѣшиваго древняго старика, заросшаго точно болотнымъ мохомъ сваляной сѣрой щетиной, съ маленькими слезящимися глазами и огромнымъ въ видѣ лепешки бугорчатымъ, скрасно-сизымъ носомъ.

Онъ отворилъ огромный висячій замокъ, отодвинулъ болтъ и открылъ ржавую, поющую дверь. Холодный, влажный воздухъ вмѣстѣ со смѣшаннымъ запахомъ каменной сырости, ладана и мертвечины дохнулъ на дѣвушекъ. Они попятились назадъ, тѣсно сбившись въ робкое стадо. Одна Тамара пошла, не колеблясь, за сторожемъ.

Въ часовнѣ было почти темно. Осенній свѣтъ скупо проникалъ сквозь узенькое, какъ бы тюремное, окошко, загороженное рѣшеткой. Два-три образа безъ ризъ, темные и безликіе, висѣли на стѣнахъ. Нѣсколько простыхъ, дощатыхъ гробовъ стояли прямо на полу, на деревянныхъ переносныхъ дро-

гахъ. Одинъ посрединѣ былъ пустъ, и открытая крышка лежала рядомъ.

— Кака-така ваша-то? – спросилъ мило сторожъ, и понюхалъ табаку. — Въ лицо-то знаете, ай нѣтъ?

— Знаю.

— Ну, такъ мотри! Я тебѣ ихъ всѣхъ покажу. Можетъ быть, эта?..

И онъ снялъ съ одного изъ гробовъ крышку, еще незаколоченную гвоздями. Тамъ лежала одѣтая кое-какъ въ отрепья морщинистая старуха съ отекшимъ синимъ лицомъ. Лѣвый глазъ у нея былъ закрытъ, а правый таращился и глядѣлъ неподвижно и страшно, уже потерявшій свой блескъ и похожій на залежавшуюся смолу.

— Говоришь, — не эта? Ну, мотри... На тебѣ еще! — сказалъ сторожъ и одного за другимъ показывалъ, открывая крышки, покойниковъ, — все, должно быть, голытьбу: подобранныхъ на улицѣ, пьяныхъ, раздавленныхъ, изувѣченныхъ и исковерканныхъ, начавшихъ разлагаться. У нѣкоторыхъ уже пошли по рукамъ и лицамъ сине-зеленыя пятна, похожія на плѣсень, — признаки разложенія. У одного мужчины, безносаго, съ раздвоенной пополамъ верхней заячьей губой, копошились на лицѣ, изъѣденномъ язвами, маленькими бѣлыми точками черви. Женщина, умершая отъ водянки, цѣлой горой возвышалась изъ своего дощатаго ложа, выпирая крышку.

Всѣ они наскоро послѣ вскрытія были зашиты, починены и обмыты замшельнымъ сторожемъ и его товарищами. Что имъ было за дѣло, если, порою, мозгъ попадалъ въ желудокъ, а печенью начи-

няли черепъ и грубо соединяли его при помощи липкаго пластыря съ головой?! Сторожа ко всему привыкли за свою кошмарную, неправдоподобную, пьяную жизнь, да и кстати у ихъ безгласныхъ кліентовъ почти никогда не оказывалось ни родныхъ, ни знакомыхъ...

Тяжелый духъ падали, густой, сытный и такой липкій, что Тамарѣ казалось, будто онъ точно клей покрываетъ всѣ живыя поры ея тѣла, — стоялъ въ часовнѣ.

— Слушайте, сторожъ, — спросила Тамара, — что это у меня все трещитъ подъ ногами?

— Трыш-шитъ? — переспросилъ сторожъ и почесался, — а воши, должно быть, — сказалъ онъ равнодушно. — На мертвьякахъ этого звѣрья всегда страсть сколько размножается! Да ты кого ищешь-то, мужика аль бабу?

— Женщину, — отвѣтила Тамара.

— И эти все, значитъ, не твои?

— Нѣтъ, все чужіе.

— Ишь ты!.. Значитъ, мнѣ въ мертвецкую иттить. Когда привезли-то ее?

— Въ субботу, дѣдушка, — и Тамара при этомъ достала портмоне. — Въ субботу днемъ. На-ко тебѣ, почтенный, на табачокъ!

— Это дѣло! Въ субботу, говоришь, днемъ? А что на ей было?

— Да почти ничего: ночная кофточка, юбка нижняя... и то и то бѣлое.

— Та-акъ! Должно, двѣсти семнадцатый номеръ... Звать-то какъ?..

— Сусанна Райцына.

— Пойду погляжу, — можетъ, и есть. Ну-ко вы, мамзели, — обратился онъ къ дѣвицамъ, которыя робко жались въ дверяхъ, загораживая свѣтъ. — Кто изъ васъ похрабрѣе? Коли третьяго дня ваша знакомая пріѣхала, то, значитъ, теперича она лежитъ въ томъ видѣ, какъ Господь Богъ сотворилъ всѣхъ человѣковъ, — значитъ, безъ никого... Ну, кто изъ васъ побойчѣе будетъ? Кто изъ васъ двое пойдутъ? Одѣть ее треба...

— Иди, что ли, ты, Манька, — приказала Тамара подругѣ, которая, похолодѣвъ и поблѣднѣвъ отъ ужаса и отвращенія, глядѣла на покойниковъ широко открытыми свѣтлыми глазами. — Не бойся, дура, — я съ тобой пойду! Кому жъ итти, какъ не тебѣ?!

— Я что жъ?.. я что жъ? — пролепетала Манька Маленькая едва двигавшимися губами. — Пойдемъ. Мнѣ все равно...

Мертвецкая была здѣсь же, за часовней — низкій, уже совсѣмъ темный подвалъ, въ который приходилось спускаться по шести ступенькамъ. Сторожъ сбѣгалъ куда-то и вернулся съ огаркомъ и затрепанной книгой. Когда онъ зажегъ свѣчку, то дѣвушки увидѣли десятка два труповъ, которые лежали прямо на каменномъ полу правильными рядами — вытянутые, желтые, съ лицами, искривленными предсмертными судорогами, съ раскроенными черепами, со сгустками крови на лицахъ, съ оскаленными зубами.

— Сейчасъ... сейчасъ... — говорилъ сторожъ, водя пальцемъ по рубрикамъ. — Третьяго дня...

стало быть, въ субботу... въ субботу... Какъ, говоришь, фамилія-то?

— Райцына, Сусанна, — отвѣтила Тамара.

— Рай-цына, Сусанна... — точно пропѣлъ сторожъ, — Райцына, Сусанна. Такъ и есть. Двѣсти семнадцать.

Нагибаясь надъ покойниками и освѣщая ихъ оплывшимъ и каплющимъ огаркомъ, онъ переходилъ отъ одного покойника къ другому. Наконецъ, онъ остановился около трупа, на ногѣ котораго было написано большими черными цифрами: 217.

— Вотъ эта самая! Давайте-ка я ее вынесу въ колидорчикъ, да сбѣгаю за ея барахломъ... Подождите!..

Онъ, кряхтя, но все-таки съ легкостью, удивительною для его возраста, поднялъ трупъ Женьки за ноги и взвалилъ себѣ его на спину головой внизъ, точно это была мясная туша или мѣшокъ съ картофелемъ.

Въ коридорѣ было чуть посвѣтлѣе, и когда сторожъ опустилъ свою ужасную ношу на полъ, то Тамара на мгновеніе закрыла лицо руками, а Манька отвернулась и заплакала.

— Коли что надо, вы скажите, — поучалъ сторожъ. — Ежели обряжать какъ слѣдуетъ покойницу желаете, то можемъ все достать, что палагается, — парчу, вѣнчикъ, образокъ, саванъ, кисею, — все держимъ... Изъ одежды можно купить что... Туфли вотъ тоже...

Тамара дала ему денегъ и вышла на воздухъ, пропустивъ впередъ себя Маньку.

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

РОССІЯ ВЪ ПИСЬМАХЪ

ЖИЧЛИВАЯ ЖЕНА.

Письма 1783—1835 г.г.

28 іюня 1783 г. ногайскій ханъ Шагинъ-Герей отрекся отъ своего ханства, и Крымъ сталъ русскимъ. Не Крымъ ужъ, татарское царство, — Таврида. А Исай Ивановичъ Бровцинъ съ братьями своими и не думалъ возращаться въ свой вяземскій Каменецъ, оставаясь попрежнему на царской службѣ подъ начальствомъ Никифора Θеодоровича гдѣ-то тамъ, на Черноморьѣ, куда съ недѣлю идетъ письмо.

Не возращался Исай Ивановичъ и, когда вернется домой, — никто вѣрнаго ничего не зналъ, ни старицкій ландратъ Преображенскаго полку отставной капитанъ Гаврила Михайловичъ Савиновъ, ни вяземскій комиссаръ Θеодоръ Михайловичъ Гурьевъ, ни сосѣдъ Тимоθей Ивановичъ Грибоѣдовъ, и ни въ Смоленскѣ, ни въ Вязьмѣ, ни въ Старицѣ, ни въ Бѣломъ, нигдѣ ничего не знали, не знала и Ма̀ря Бровцина, жичливая (усердная) жена, и только одно сказывали, что годовать ему въ его „безвѣстномъ походѣ“.

Частыя и продолжительныя войны, отрывая на ратное поле мужей отъ дома, ставили жичливыхъ женъ на стражѣ покинутыхъ безглавыхъ очаговъ. И веденіе хозяйства женами въ XVII и XVIII вѣкѣ — дѣло заурядное: конечно, попривыкнешь и ничего но на первыхъ порахъ приходилось ихъ сестрѣ туго.

Вотъ ужъ пятое письмо посылаетъ Мàря свѣту своему, другу своему и государю, и все безотвѣтно. А на ней домъ, все хозяйство и всѣ дѣла хозяйскія — земля и люди, и хлѣбъ, и скотъ, хлопоты, заботы и напасти всякія: за Биберовскія пустоши требуютъ, Лукашонка и шесть крестьянъ за карауломъ держатъ, и титовскій Ѳедька подъ пыткой повинился — воровъ укрывалъ, а за разграбленное ворами съ нея требуютъ, и гоняетъ она Игнатья изъ Каменца въ Вязьму, добиться ничего не можетъ — къ Приказу не допускаютъ, въ шею гонятъ! — и никого у нея нѣтъ, никто ей не поможетъ, и всѣ друзья подьячіе лицемѣры, а рожь не сжата, а сѣно не кошено, паводки (разливы) безпрестанные, и яровые подмокли, и мельница не работаетъ, и ужъ третью недѣлю голова у нея болитъ, и конь бурый палъ!

Въ Каменцѣ, въ домѣ не одна Мàря, съ ней ея сестры и братъ Богданъ Лыкошинъ. Въ дворнѣ — люди: Микишка, Нестерка, Куземка, Ѳедька, Ивашка, Прошка, Трошка, Матюшка, Ивка, Якушка, Сенька, Ефимка, все каменецкіе, а есть и не наши — волошка Лиска, она же Лисафка — досталась ли въ приданое она Мàрѣ съ благословеніемъ родитель-

скимъ вмѣстѣ съ опашенью черчатой настрафильной, съ серьгами — двойчатки жемчуги, съ тѣлогріей киндяшевой рудожолтой теплой на зайцахъ, эта самая Лиска—„голова людей“ турецкаго полону, или Исай Ивановичъ завезъ ее изъ своихъ безвѣстныхъ походовъ... Въ домѣ, слава Богу, хранимо все Богомъ, въ домѣ растетъ дочка — Машенька. А какія смѣшныя у Машеньки маленькія ручки! — подъ письмомъ ручка ея обведена и зачернена черниломъ, а пальчикъ большой страсть оттопырка! Машенька дѣлаетъ кружевца къ платочку — батюшкѣ своему упоминокъ (гостинецъ).

Письмо пишетъ Богданъ Лыкошинъ со словъ сестры Мàри, но своимъ слогомъ, и только всего нѣсколько строкъ (я выдѣляю ихъ пробѣломъ) пишетъ своеручно сама Мàря: старательно, крупно, не скорописью, почти полууставомъ, выводитъ она букву за буквой, слово за словомъ, строчку за строчкой, — и непривычно ей и головушка болитъ, — и она выводитъ усердно букву за буквой это письмо свое другу своему и свѣту необъявное.

Марья (Мàря) Васильевна Бровцина—урожденная Лыкошина. Родъ Лыкошиныхъ идетъ изъ Польши, родоначальникъ Илья Григорьевичъ Лыкошинъ — польскій шляхтичъ, его сынъ Борисъ въ 1655 г. поступилъ на русскую службу, а сынъ Бориса Леонтій получилъ жалованное помѣстье. У Леонтія было два сына — Степанъ и Иванъ, у Ивана — Василій, отецъ Богдана и Марьи. Сынъ Богдана Иванъ Богдановичъ женатъ на Миропіи Ивановнѣ Лесли, и у нихъ дочь Анастасія Ивановна, по мужу Ка-

лечицкая. Богданъ Васильевичъ — дѣдъ Анастасіи Ивановны и прапрадѣдъ Александру Ивановичу Лыкошину, быв. нашему тов. министра внутреннихъ дѣлъ. (Богданъ — Иванъ — Александръ (братъ Анастасіи Ивановны) — Иванъ — Александръ Ивановичъ).

Анастасія Ивановна Калечицкая — женщина замѣчательная, ума рѣдкаго и наблюдательности отмѣнной, жена жичливая въ бабку Мàрю — Марью Васильевну Бровцину. И хотя мужъ Анастасіи Ивановны Петръ Петровичъ, лейбъ-гвардіи полковникъ, герой Бородина, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ женился — съ 1817 года ни въ какіе безвѣстные походы не ходилъ, Анастасья Ивановна одна правила хозяйствомъ, усердно оберегая родовыя гнѣзда — Щелканово и Бобровку.

Въ прекрасномъ изслѣдованіи „*Жизнь помѣщиковъ три четверти вѣка назадъ*“, сдѣланномъ на основаніи приходо-расходныхъ книгъ и амбарныхъ счетовъ Калечицкихъ изъ Бобровскаго архива Анны Алексѣевны Рачинской, Иванъ Петровичъ Лесли такими словами характеризуетъ свою замѣчательную бабку [1]: „Настасья Ивановна принадлежала къ типу хозяекъ, мимо рукъ которой ничто не можетъ пройти незамѣтно, и, продавая крупныя партіи хлѣба, она въ то же время отмѣчала по своей кладовой всѣ малѣйшія выдачи, посыпки птицамъ, расходъ яицъ, прибыль и убыль цыплятъ и т. п.

---

[1]) У брата Анастасіи Ивановны у Владимира Ивановича Лыкошина дочь Ольга замужемъ за Петромъ Ивановичемъ Лесли, сынъ ихъ — Иванъ Петровичъ.

Даже яблоки, соленье, варенье, — все было на учетѣ".

Изъ предлагаемыхъ 30-и писемъ первое — родоначальное лыкошинское конца XVIII вѣка, остальныя 29-ть — всѣ XIX-го, изъ которыхъ только второе до отечественной войны. Написанныя во времена мирныя, онѣ обнимаютъ мирный кругъ жизни: тутъ и поздравительныя и пригласительныя и совѣты сосѣдскаго доктора и всякія дѣла семейныя.

И совсѣмъ неважно, что среди писемъ попадаютъ такъ пустышки и особенно тѣ французскія, — и пустыя и не пустыя, возмутительныя и пріятныя, французскія и по-русски писанныя — по выговору, надо хранить до послѣдняго обрывышка. Каждый записанный обрывышекъ отъ того прошлаго нашего и особенно того круга, къ которому принадлежали Калечицкіе, помѣщики средней руки, представляетъ большую цѣнность, вѣдь эта середина — сѣрое поле русской жизни, на которой разыгрывалась исторія, происходили великія отечественныя событія и проходили люди, память о которыхъ сохранится въ вѣкъ беззабвенно. А кромѣ того и писемъ-то, если пособрать, до-полна не уложишь ларя, да и откуда имъ быть во множествѣ?

„Почтовыхъ отдѣленій тогда не было, и даже въ уѣздный городъ почта приходила два раза въ недѣлю: вполнѣ понятно, что, не имѣя возможности и надобности посылать нарочнаго каждую недѣлю въ городъ, помѣщики получали корреспонденцію еще рѣже, если только случайно ее не доставлялъ со-

сѣдъ, бывшій въ городѣ, или крестьянинъ, попавшій туда по какимъ-либо дѣламъ. Получая рѣдко письма, и самому приходилось корреспондировать не часто, да съ другой стороны, врядъ ли было къ кому... Письма отправлялись или въ большой городъ съ какимъ-либо заказомъ, или же къ родственникамъ, проживающимъ въ другой губерніи, куда посылка нарочнаго являлась уже затруднительной. Почтовая такса была очень высока — отправка письма стоила 35 коп., почему безцѣльной переписки избѣгали".

Изъ упоминаемыхъ лицъ въ этихъ письмахъ останавливаетъ громкое имя Грибоѣдовыхъ. Это родичи Александра Сергѣевича Грибоѣдова — сосѣди и родственники Лыкошиныхъ, Анастасіи Ивановны Калечицкой. Въ Запискахъ Анастасіи Ивановны имѣются строки, посвященныя Грибоѣдовымъ и самому Александру Сергѣевичу.

Имѣніе Грибоѣдовыхъ Хмѣлита — великолѣпное родовое имѣніе, перешедшее по наслѣдству свѣтлѣйшимъ Паскевичамъ. Прабабушка Анастасіи Ивановны Прасковья Никитична изъ рода Татищевыхъ, родная сестра нашего историка Василія Никитича Татищева, была третьимъ бракомъ за Грибоѣдовымъ (Теряева, Станкевичъ, Грибоѣдова). Внучатный братъ матери Анастасіи Ивановны Алексѣй Ѳеодоровичъ Грибоѣдовъ имѣлъ отъ перваго брака съ кн. Одоевской дочь Елизавету Алексѣевну въ замужествѣ за Иваномъ Ѳеодоровичемъ Паскевичемъ, впослѣдствіи гр. Эриванскимъ — свѣтлѣйшимъ княземъ Варшавскимъ. „Когда она выходила за молодого дивизіоннаго генерала, это казалось не бле-

стящею партіей для богатой наслѣдницы, когда ничто не предвѣщало тѣхъ побѣдъ въ Азіи и Польшѣ, которыя послужили къ такому скорому возвышенію". Алексѣй Өеодоровичъ Грибоѣдовъ отъ второй жены Нарышкиной имѣлъ дочь Софью Алексѣевну въ замужествѣ за Корсаковымъ. „Сестра Алексѣя Өедоровича Грибоѣдова Анастасія Өедоровна Грибоѣдова по мужу той же фамиліи была лучшимъ другомъ нашей матери (Миропіи Ивановны Лыкошиной, урож. Лесли). Ея сынъ, извѣстный творецъ превосходной комедіи — Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ, женился на княжнѣ Чавчавадзе, былъ посланникомъ Персіи и тамъ убитъ. Ея дочь Марія Сергѣевна, по мужу Дурново, талантл. музык. любителя, такъ какъ она сама была лучшею ученицею Фильда и на арфѣ играла замѣчательно хорошо. Другія дочери были Александра Тиникова и Елизавета Акинфьева". Анастасія Өедоровна Грибоѣдова имѣла попеченіе о братьяхъ Лыкошиныхъ (Владиміръ, Александръ, Алексѣй), когда они ходили въ университетъ въ Москвѣ. Анастасія Ивановна въ 1822 г. чаще всего бывала у нея.

„Помню въ одинъ день она позвала меня обѣдать, и я нашла у нея большое общество. Вдругъ входитъ молодой человѣкъ въ очкахъ, котораго мнѣ не трудно было узнать, какъ Александра Сергѣевича Грибоѣдова, товарища нашей юности, а ему невозможно было неожиданно догадаться, что я та, которую онъ зналъ дѣвочкой. Но мать его съ ея обычной живостью воскликнула:

— Александръ, какъ это ты не узнаешь дочь Миропіи Ивановны Лыкошиной?

Тогда онъ подошелъ ко мнѣ и сталъ разспрашивать о братьяхъ"...

1

Государъ мой Ісай Івановичь, здравствуй на множество летъ!

Благодарствую теби, другъ мой, что писав ко мне о своим здоровю, чего и въпрет о том же прошу, пожалуй, пиші почастей к нам о своим здоровю, а мы всегъда середечьно желаемь добъраго здравия милости твоей. А мы въ которой дѣнъ обретаем виедомост о твоим добърым здровю и мы въ великой радости зостаем, а якъ долго виедомости не имѣемъ, въ великой печали и въ слезахъ безъпрестанъныхъ.

А про насъ изволишъ виедат, и мы въ живыхъ обретаемся, а объ моим здоровъю сам, милостъ твоя, известен, въ таких ниещасъныхъ клапотахъ и убытъкахъ безъ тебя, другъ мой, заставъшися, не маю покою, да еще спрашівают за старые годы за Биберовъские пустоки по палътине з двора и дерзатъ за караулом Лукашонка и шести крестян. Ваша милостъ, извол погаворит Тимоѳею Ивановичу Грибоедову, что он в записи написал, и ему очи стат во всемъ.

Да еще доношу милости твоей, что камисар копие из Тулубьева дела въ Смоленскъ послал и

отписку, а в отписце написав, что крестяне не держатца за карауломъ, а держатца за подати Государевы, а ныне подати все заплачены, а мужиковъ держат за караулом. А въ Старицъкою правинцыю лантрат отпущон Преображенскаго полку отставъной капитан Гавърыла Михайлов сын Савинов, а Ваземской камисар Өедор Михайлов сынъ Гурьевъ.

Отъ, другъ мой, Ісай Івановичь, набралася клапот без тебя. Цитовскаго крестяніна Өецку взяли по аговору воровъ за караулъ и з жаною и савсим разорили и пытан дважды: с одной пытки не винился, а съ з другой повинился, что были у нево и жили три дні и от нево пошли в Смоленской уездъ и там разбили крестяніна Ридванскаго и възели у нево сто рубълев, да въ том же уезде у попа взяли десят рублев, у Грибоедова крестяніна взяли 50 рубълев, и хотят сыскат на насъ. Я і сама не знаю, что делат. Посылала Игънатя Вязму сколко раз, чтобъ добитца расъпросных речей и списка з дела, не могъла никакими мерами достат: друзя твое лицемерные подячие Вяземские пущі камисара и не допустят близ приказу, велят у шію бит, — нет теби ни отного друга Вязме, не с ким осведомитца и съписка взять. А сие писъмо посатцким человѣкомъ с прошлоготскими солоными головами посылаю. Ваша милость, извол у нево спросит и он об нашем деле Вяземским устне скажет. Уже я до Вашей милости пятое писмо посылаю, ци възе досли или не? Да извол, Ваша милостъ, осведомитца, тут ли Господар Волоски, а буде тут, да извол ему поговорит о Лисъке, а ныне зовут Лисафкою. А въ

домехъ нашіх слава Богу все хранимо Богом, а и ръжи еще не починали жат, такъ же и сена косит, для того что павотки у насъ безпрестанные, яровые все подмякли и велми плохи, мельницу почали было ставит і вадою от работы отбило, не дало робит. А Игънатя по се поры в Смоленскъ не посылала, сама не ехала на Белаю, всио за Вяземскимъ деломъ.

При семъ писанію жичливая жена Маря Бровцина.

Пожалуй, друхъ мой, не обявлай писма моиего никому, для таго што худо писано, бо головную великую болезнь имею уже третея неделя. Намъ сказиваютъ, што вамъ гадоват тамъ, и ти, друхъ мой, хот у деле буд, толка би ближи дворамъ бит, а бес тебе доми наши разоратся.

Пожалуй, друхъ мой, Исай Иванович, извол, милост твоя от мене отдат ниски похлон брацам своим и семиям ихъ, также и Алаксею Ивановичу и семи его, особливе Государу моему Никифору Федоровичу наиниши поклонъ отдат извол: за очно прошу Государа моего, штоб пожаловал, бил ласкав на тебе, света моиго. И еще доношу милости твоией, што бури кон пав. Пожалуй, друхъ мой, извол постаратца лекарства отъ галавни болезни.

А особъливо Машенка ниско свой покълонъ засылаетъ, а з благословенія что ден от тебя, Государя своего батюска, желатъ, а посылатъ, тебе Государю батюску своему упоминокъ.

И я сестрами Государю нашему Ісаю Івановичу наинижайшой свой поклонъ засыламъ.

Богъдан Лыкошінъ [2])

Отпечатокъ дѣтской ручки чернилами.

Ета ручъка делает кружова Вашей милости до платочика.

Из Каменца июля 27
1783

Надпись на письмѣ:

Получилъ сие письмо сенътебъря въ 3 д. чрезъ посатцкава человека.

2

Moscou
1811
le 4 de juillet

Vous ne sauriez vous imaginer l'agréable surprise que votre lettre m'a causée, mon aimable amie. Je suis charmée d'avoir enfin trouvé l'occasion de vous ècrire pour vous prouver l'attachement que j'ai pour vous et ma reconnaissance pour l'amitié que vous me témoignez. J'ai été bien fachée en apprenant que vous aviez été malade, mais je rends grace à Dieu que c'est passé et que vous vous portez bien maintenant.

Je n'éspère pas non plus d'avoir le bonheur de vous embrasser de si tôt mon aimable ami, car Madame de Gribayedoff a l'intention d'aller à Petersbourg l'année prochaine, et peut-être que nous y resterons

---

[2]) Богданъ Васильевичъ Лыкошинъ отецъ Ивана Богдановича, дѣдъ Анастасіи Ивановны Калечицкой.

longtems. Comme je juge d'après mon propre cœur, j'éspère que vous ne m'oublierez pas et que vous me croirez toujours.

Votre fidèlle amie
Julie Capeble [3])

Miss Wooten kisses you and thanks you for your kind remembrance [4]).

3

[1817]

Милостивый Государь мой
Петръ Петровичь!

За приятнійшее письмо Ваше покорнейше благодарю и съ совершениемъ благополучия Вашего

---

[3]) Москва
1811 г.
4-го іюля

Вы не можете себѣ представить, какое неожиданное удовольствіе доставило мнѣ Ваше письмо, мой любезный другъ. Я въ восторгѣ, что, наконецъ, нашла случай написать Вамъ, чтобы доказать Вамъ мою привязанность и благодарность за ту дружбу, которую Вы мнѣ высказываете. Я была очень огорчена, узнавъ о Вашей болѣзни, и благодарю Бога, что все прошло и что теперь Вы чувствуете себя хорошо.

Я не надѣюсь имѣть счастье обнять Васъ въ скоромъ времени, мой любезный другъ, такъ какъ M-me Грибоѣдова намѣревается на будущій годъ поѣхать въ Петербургъ, и возможно, что мы пробудемъ тамъ долго. Сообразуясь съ собственнымъ моимъ сердцемъ, я надѣюсь, что и Вы меня не забудете и всегда будете меня считать

Вашимъ вѣрнымъ другомъ
Жюли Капебль.

Мисъ Вутенъ Васъ цѣлуетъ и благодаритъ за добрую память.

[4]) Въ Запискахъ Анастасіи Ивановны Калечицкой, т. I. 18`6 г. стр. 90 есть упоминаніе о Жюлю Капебль: „Il y avait dans la maison des Griboedoff une jeune personne Julie Carеple que j'aimais beaucoup". („Въ домѣ Грибоѣдовыхъ жила одна молодая особа Жюль Капебль, которую я очень любила".)

усерднейше Васъ поздравляю, крайне лестно для меня иметь такова ближнева ротственника, какъ нахожу Васъ, и приятно будетъ иметь прадалженіе ласки Вашій, коею уже я имела случей пользоватца. Могу Васъ уверетъ въ искренемъ моемъ располаженіи ко всему семейству Ивана Багданача и Миропьи Ивановны [5]), то какъ Вы уже принадлежите къ оному, всегда найдете ва мне усердною искательницу Вашей любви. Пребывая зъ желаниемъ всякова благополучия Вамъ

Милостивой Государь

покорная слуга

Марѳа Станкевичева [6])

Позвольте и мнѣ, Милостивый Государь Петръ Петровичь, поздравить Васъ съ совершеніемъ Вашего благополучія и увѣрить Васъ, что для насъ крайнѣ лестно имѣть столь достойнаго и любезнаго родственника. Прося Васъ о продолженіи того пріятнаго и родственнаго расположенія, которымъ имѣла я удовольствіе пользоваться въ бытность Вашу въ Москвѣ, честь имѣю прибыть покорною Вамъ слугою

Федосья Станкевичева

---

[5]) Иванъ Богдановичъ и Миропія Ивановна Лыкошины — родители Анастасіи Ивановны Калечицкій.

[6]) Марѳа Иванова С анкевичъ — жена Епафродита Ивановича, брата Миропіи Ивановны, урожд. Станке ичъ, по мужу Лесли, дочь которой тоже Миропія Ивановна, по мужу Лыкошина, мать Анастасіи Ивановны Калечицкой.

Любезной другъ Настинька!

Съ совершениемъ твоего благополучия отъ искреннева сердца и душевно поздравляю, дай Богъ, штобъ сие благополучие во всю вашу жизнь продолжилосъ въ такой цене, какъ мы его находимъ. Не можешь, мой другъ, сумневадца, штобъ не отъ истенной моей любви я сево тебе жилаю. Надеясъ на харошее расположение Петра Петровича, онъ мне пhouститъ, что я фамилию ево называю Настенкой: перемена фамиліи не переменила ва мне сево названия. Затемъ мысленно тебя, моя милая, цалую, пребываю много любещея васъ

Марѳа Станкевичева

J'embrasse du cœur et d'âme, mon aimable Nany, en la félicitant avec l'accomplissement de son bonheur. Fasse le ciel, chere amie, que vous jouissiez durant toute votre vie d'une parfaite félicité. Je me flatte que vous voudrez bien me recomender à Monsieur votre Mari, comme une parante qui s'est fait une douce coutume de vous aimer et d'être aimée de vous. Adieu, chere et aimable amie, portez-vous bien, soyez heureuse et donnez de temps en temps un moment au souvenir de celle qui se fait un plaisir de se dire votre plus sincere amie

Fanny Stanckevitsch [7])

---

[7]) Отъ души и сердца обнимаю мою любезную Нани и поздравляю ее съ осуществленіемъ благополучія ея. Молю Бога, любезный другъ, чтобы во всю Вашу жизнь было Вамъ полное счастье. Льщу себя надеждой, что Вы представите меня Вашему мужу въ качествѣ родственницы, которая привыкла нѣжно любить Васъ и быть

4.

от 25 августа
1823 году
с. Ковалево

Милая Настенька!

Душевно благодарю за покупку рицемору, я ево и оставшие денги все исправно получила. Рицеморъ очень харошъ и я много очень Вамъ благодарна, а што долго не отвечала, таму препядствовали пиршиства: первое — празновали именины князь Никиты Костентиныча [8]), а потомъ въ Богородскомъ храмовой празникъ, маминька твоя была у меня въ Ковалеве съ Лизанькой [9]) и въ Успеньевъ день после абеда атъ меня паехала дамой и я больше не надѣюсь съ ней видетца. Князь Никита Костентинычъ съ кнегиней, кнежной и съ ними Анъна Костентиновна выехали 22 числа хъ Катерине Никитишне [10]) и прасили меня ихъ дождатца, абещали къ 8 числу сентебря воротитца, если пагода меня не потревожитъ, можетъ быть, и даждусъ ихъ, а за всемъ темъ далее 10 числа не проживу здесь. И такъ дожелавъ вамъ съ любезнымъ Петромъ Петровичемъ и милой Аннечкой совершеннова здаровья, ее, моево друга, мысленно цалую, пребываю любящая васъ

Марѳа Станкевичева

любимой Вами. Прощайте, милый и любезный другъ, будьте здоровы, будьте счастливы и изрѣдка, хоть на мгновенье, вспоминайте ту, которая считаетъ радостью называть себя Вашимъ лучшимъ другомъ

Фанни Станкевичъ

[8]) Кн. Никита Константиновичъ Друцкой-Соколинскій женатъ на Марьѣ Ивановнѣ Арсеньевой.

[9]) Елизавета Ивановна Тулубьева, урожд. Лыкошина.

[10]) Екатерина Никитична Потемкина, урожд. кн. Друцкая-Соколинская, мужъ ея Дмитрій Ивановичъ Потемкинъ.

le 15 d'Octobre
1823
Сельцо Ковалево

5.

Bien bien de remerciemens, mon aimable et très chere Nanycha, pour la peine que vous avez pris de m'acheter l'ettoffe, elle est très joli et je ne desire rien que d'avoir bientôt l'occasion de vous rendre le même service. Mais je doute fort que je puisse y réussir aussi bien que vous l'avez fait. Maman en est aussi enchentée et vous en remerciera par une lettre à la première poste. J'ai prié votre sœur Lise de se charger de la mienne, afin de vous exprimer le plutôt possible, mon contentement et ma reconnaissance. Ma lettre n'aura ni rime, ni raison aujourd'hui, votre Maman qui a passè deux jours chez nous, compte partir aujourd'hui. A nous attendons du monde chez nous, je vous écrie à la hâte. Vous ne me dites rien du fichus noir, qu'en panssez vous? Adieu, chere amie, portez-vous bien. Dites mes respectueux hommages à votre Mari, un tendre baiser à votre chere petite J'ai reçu la nouvelle de la noce des Posnicof, ils sont parti pour Kostroma. Agripine m'écrit que sa sœur était superbe en courone et mise à ravir. Je vous embrasse du cœur et d'âme et me recomende à votre precieux souvenir. Votre très affectionnée cousine et sincere amie Fanny Stanckevitsch[11])

---

[11]) 15 октября
1823 г.
сельцо Ковалево

Очень, очень, благодарю Васъ, любезная и дорогая моя Наниша, что потрудились купили мнѣ матерiю, она очень хорошенькая, и я хотѣла бы имѣть случай оказать Вамъ подобную же услугу, хотя сильно

6.

[1824]

Recevez l'assurence de ma plus vive reconnaissance pour votre bon souvenir, ma bien chere et bien aimable Настасья Ивановна, et mes félicitations avec lesfêtes de Paque, puissiez vous les passer dans la joie de votre cœur. Vous ne pouvez qu'être persuadée que le souvenir de votre amitié est d'une douce consolation pour moi, condamnée à être si loin de vous. Je m'estimerais fort heureuse de recevoir de temps à autre un petit mot de vous et vos lettres ne seront jamais sans réponse, mais il faut que vous me donniez votre adresse. Sûre de l'interet que vous prenez à mon sort, je vous dirai que je suis aussi heureuse qu'on peut l'être ici bas, mais il me coute d'être si loin de mes parents. Je m'occuppe du ménage et des fleures, dans ce dernier je suis secondée de mon mari, amateur, comme moi, mais notre triste climat fait que je suis très souvent trompée dans mes esperences. Mes respectueux hommages à votre Epoux, un tendre baiser

---

сомнѣваюсь, что мнѣ удастся сдѣлать это такъ же хорошо, какъ Вамъ. Мама тоже въ восторгѣ и поблагодаритъ Васъ письмомъ съ первой почтой. Я просила Вашу сестру Лизу передать Вамъ мою благодарность, чтобы какъ можно скорѣе выразить Вамъ мое удовольствіе и признательность. Мое письмо выходитъ безтолковымъ. Ваша мама, проведшая у насъ два дня, собирается сегодня уѣзжать, а мы ждемъ къ себѣ гостей, пишу Вамъ на спѣхъ. Вы ничего мнѣ не сказали о черной косынкѣ, что Вы о ней думаете? Прощайте, любезный другъ, будьте здоровы. Передайте мой почтительный привѣтъ Вашему мужу, нѣжный поцѣлуй Вашей милой крошкѣ. Я получила извѣстіе о свадьбѣ Постниковыхъ, они уѣхали въ Кострому. Агрипинъ мнѣ пишетъ, что ея сестра была прекрасна подъ вѣнцомъ и прелестно одѣта. Обнимаю Васъ отъ души и сердца и прошу хранить меня въ Вашей драгоцѣнной памяти. Ваша горячо любящая сестра и искренній другъ

Фанни Станкевичъ.

à la chere Annette de ma part. Est-elle grandie embelie? Adieu, chere amie, croyez moi à jamais votre plus sincere amie Fanny Alalikine[12])

7.

A Madame
Madame de Kaléchizqui
à Chelkanowo

Trostianka
le 21 de mai
l'an 1818

Je vous suis infiniment obligée ma, bonne cousine, de m'avoir donnés de vos nouvelles. Je suis enchanté de ce que vous et mon aimable cousin se porte bien. Jusqu'à présent nous avons eu très mauvais printems, tout le monde s'en resentait. Dieu merci mon mari vas mieux, il ne reste que de légéres marque de son indispasition, mon beau-frère et Barbe se porte

---

[12]) Примите увѣреніе въ моей глубокой благодарности за Вашу добрую память, моя дражайшая и любезнѣйшая Настасья Ивановна, и мои поздравленія съ праздникомъ Пасхи, чтобы провести Вамъ праздникъ въ радости сердечной. Вы не можете не быть увѣрены, что память о дружбѣ Вашей есть сладостное утѣшеніе для меня, обреченной жить вдали отъ Васъ. Сочту себя чрезвычайно счастливой, если буду получать отъ Васъ хоть изрѣдка словечко, и письма Ваши никогда не останутся безъ отвѣта, только Вы должны дать мнѣ свой адресъ. Увѣренная, что Вы интересуетесь моей судьбой, скажу Вамъ, что я счастлива, сколь возможно быть счастливой на землѣ, и одно мнѣ тяжело, что нахожусь я далеко отъ моихъ родителей. Я занимаюсь хозяйствомъ и цвѣтами, въ этомъ помогаетъ мнѣ мой мужъ, какъ и я, большой любитель цвѣтовъ, но изъ-за нашего сквернаго климата я такъ часто обманываюсь въ своихъ надеждахъ. Шлю почтительный привѣтъ Вашему супругу, нѣжный поцѣлуй милой Анютѣ. Выросла ли она, похорошѣла? Прощайте, любезный другъ, вѣрьте, что я навсегда Вашъ искреннѣйшій другъ Фанни Алалыкина

bien, moi je suis indisposés de depuis deux jours ainsi que m-lle Ritter. Nous gardons notre chambre. Je vous envoye cinq jolies livre. L'... il sont très agréable a lire, surement qu'ils vous pleairont, il sont très bien ecrie. Mon mari, mon frère, Barbe et m-lle Ritter vous presentes leurs respects ainsi qu'a mon cousin et de ma part je vous prie de lui dire bien des jolie schoses.

Adieu, ma bonne cousine, veuillez me croire toujours avec les mêmes sentiment pour vous

Votre sincère amie
Elisabeth de Milaschevitch
nèe Opatchinin

Je vous prie de faire mes compliments a ma cousine Елизавета Яковлевна et a mon cousin Яковъ Петровичь surement que vous vous voyez souvent[13]).

---

[13]) Тростянка
21 мая
1818 г.

Я безконечно благодарна Вамъ, добрѣйшая сестрица, за извѣстія о себѣ. Я въ восторгѣ, что Вы и мой любезный братецъ чувствуете себя хорошо. До сихъ поръ у насъ стояла очень плохая весна, всѣ отъ этого страдали. Слава Богу, мой мужъ поправляется, остались лишь легкіе слѣды его болѣзни; мой бо-фреръ и Барбъ здоровы, а я вотъ уже два дня, какъ захворала, также и M-elle Риттеръ. Мы не выходимъ изъ нашей комнаты. Посылаю Вамъ пять прекрасныхъ книгъ. Онѣ очень легко читаются и навѣрное понравятся Вамъ, онѣ очень хорошо написаны. Мой мужъ, братъ, Барбъ и M-elle Риттеръ свидѣтельствуютъ Вамъ свое почтеніе, также и моему брату, отъ меня же передайте ему наилучшія пожеланія.

Прощайте, любезная сестрица, всегда вѣрьте въ неизмѣнность чувствъ

Вашего искренняго друга
Елизавета Милашевичъ
урожд. Опочинина.

Прошу Васъ передать мой привѣтъ моей сестрицѣ Елизаветѣ Яковлевнѣ и моему братцу Якову Петровичу, вы вѣрно часто видаетесь.

8.

Trostianka
le 16 de septembre
l'an 8181

Ma bonne et aima le cousine!

J'étais bien impatiente d'avoir de vos nouvelles ainsi que celui de mon cousin, depuis la foire j'étais continuellement occupée des voyages de chz nous a Kolma et de Kolma a Smolensque où nous avons achetés une terre chez Schoukline. Depuis deux ou trois jours que nous sommes arrivée chez nous. Ne voulant plus remettre d'envoyer chez vous. De grace ma bonne cousine veuillez informer de votre santé ainsi que de celle de mon aimable cousin je vous prie de lui dire milles jolies choses de ma part. Mon mari, Barbe vous baises les mains, toutes nos dames et demoisselles vous présentes leurs respects ainsi qu'a mon cousin et de ma part je vous prie de lui dire bien des jolies choses.

Adieu, ma bonne cousine, veuillez me croire toujours avec les mêmes sentiment pour vous

Votre sincère amie et cousine
Elisabeth de Milaschevitch
née Opatchinin[14])

---

[14]) Тростянка
16 сентября
1818 г.

Моя добрѣйшая и любезная сестрица!

Я очень нетерпѣливо ожидала вѣстей отъ Васъ, а также отъ моего брата, съ начала ярмарки я все время была занята разъѣздами въ Колму и изъ Колмы въ Смоленскъ, гдѣ мы купили землю у Шуклина. Уже два три дня какъ мы прiѣха и домой. Больше не хочу откладывать посылку къ Вамъ. Ради Бога, добрѣйшая сестрица, извѣстите о Вашемъ

9.

20 сентября
1818 года
Тростянка.

Милостивый Государь братецъ

Петръ Петровичъ!

Всеусерднейше имею честь поздравить васъ и Милостивую Государыню сестрицу Настасью Ивановну съ новорожденной дочерью, желаю, чтобы она всегда радовала и утешала Васъ. Желалъ бы иметь удавольствiе лично васъ поздравить, но жена моя нездарова, вчера слегла въ постель, то и просимъ извиненiа, что въ назначенный день 22 числа быть не можемъ, а Елисавета Николаевна и въ томъ извиняется, что писать сама не можетъ, а поручаетъ мнѣ обеихъ васъ поздравить. Съ истиннымъ почтенiемъ и преданностью пребываю.

Милостивый Государь мой,
Вашъ покорнейшiй слуга

Василiй Красный-Милашевичъ [15])

здоровьѣ, а также о здоровьѣ моего любезнаго братца, прошу Васъ передать ему тысячу наилучшихъ пожеланiй отъ меня. Мой мужъ, Барбъ цѣлуютъ Ваши ручки, всѣ наши дамы и барышни свидѣтельствуютъ Вамъ свое почтенiе, также и моему братцу, отъ меня передайте ему наилучщiя пожеланiя.

Прощайте, любезная сестрица, всегда вѣрьте въ неизмѣнность чувствъ

Вашего искренняго друга и сестры
Елизавета Милашевичъ
урожд. Опочинина.

[15]) Василiй Красный-Милашевичъ, бывшiй генералъ губернаторъ Молдавiи.

Trostianka
le 2 de décembre
l'an 1824

10.

Ma chére cousine
Настасія Ивановна!

Le 4 de Décembre jour de la St. Barbe est un jour que les parent ou les personne qui nous accordont leurs amitié viennent nous voir. Vous ne doutes, ma chère cousine et mon chèr cousin combien il m'est précieuse de comter vous surtous de ce nombre je vous rapelle, ma chère cousine, et mon cher cousin, combien il m'est precieux que vous veniez le passer avec nous et mon chèr cousin. C'est le jour de nom de Barbe et si vous nous ameniez votre charmante petite et madame votre gouvernante. Et comme les jour son courte je vous supplirais de rester jusqu'a le lendemain. Faisent tous pour que vous soyez et mon cousin a votre aise j'espère que vous ne me refuserais pas ce plaisir a celle qui est pour toujours

Votre toutés dévouée cousine
Elise de Kr. Milaschevitch
née Opotchini

Je vous prie de dire bien des jolies chosses de ma part à mon cousin et de le part de ma fille Barbe et de mes nieces et elle vous presentes leurs hommage et embrasses de ma part votre charmante petite qui doit être bien interessente dans ce moment [16]).

---

[16]) Тростянка
2 декабря
1824 г.

Любезная сестрица
Настасія Ивановна!

4-ое декабря — день св. Варвары, въ этотъ день наши родственники и тѣ, съ кѣмъ связываетъ насъ дружба, насъ навѣщаютъ. Вы не

11.

A Monsieur
Monsieur de Kalechizqui
à Chelkanovo

Trostienka
le 12 de juin
l'an 1825

Mon chère cousin
Петръ Петровичъ!

Je vous félisite avec votre jour de nom et je vous souhaite toutes sortes de prosperites et une parfaite senté. Je suis aux désespoire de ce que je ne peut pas venir moi-même vous féliciter de vive voix, je ne me porte pas tros bien. Et puis mon cousin Петръ Дмитровичъ Коховскій et venue avec sa famme et les enfens de Vitepsque et c'est aussi aujord'hui son jour de naissance. Ainsi voila ce qui me prive de vous félicité de vive voix ainsi que mon aimable cousine. Je m'ennuie bien de ce qu'il y a longtems

---

сомнѣваетесь, любезная сестрица и любезный братецъ, что мнѣ особенно дорого считать Васъ въ числѣ этихъ лицъ, я напоминаю Вамъ, любезная сестрица и любезный братецъ, какъ мнѣ дорого, чтобы Вы и любезный братецъ провели этотъ день съ нами. Это день ангела Барбъ и, можетъ, Вы привезли бы къ намъ Вашу прелестную крошку и Вашу гувернантку. Такъ какъ дни коротки, то я просила бы Васъ остаться до слѣдующаго дня. Сдѣлаю все, чтобы Вамъ и моему братцу было удобно, и надѣюсь, что Вы не откажете въ этомъ удовольствіи той, которая всегда остается Вашей преданной сестрой

Елизъ Красная-Милашевичъ
урожд. Опочинина.

Прошу Васъ передать отъ меня самыя наилучшія пожеланія моему братцу, также отъ Барбъ и моихъ племянницъ, онѣ Вамъ свидѣтельствуютъ свое почтеніе, и поцѣлуйте отъ меня Вашу прелестную дочку, которая должна быть нынче очень интересной.

que je ne vous ai pas vue, mais ma maledie qui est la cause. Je souffre extrement de mes grand maux de tête. Barbe à étés bien malade. A présant Dieu merci elle se porte bien, seulement elle est un peut faible. Je vous envoye, mon chèr cousin, un a anat et un bouquet de fleurs de mon partere. Exquses que je prend le liberté de vous envoyer une si petite begateille, c'est un tous petit gage de mon amitié pour vous. J'embrasse de tous mon coeur mon aimable cousine et ma chermente aimable petite nieces et je le félicite avec l'aimable именинникъ. Dieux donne qui le porte bien et qui jouisses de tous le bonheur passible. Ma fille Barbe vous présente ses respects ains qu'à le tente, ainsi que mes nieces et veut vous félicite avec votre jour de nom, ainsi que ma cousine. Je régrette bien de ce que je ne peut pas venir moimêmes. Vous m'exquserais bien mes aimables parents.

Adieu, mon chère cousin, je me recommende à votre aimable souvenir et suis

Votre touts dévouée amie
et cousine
Elise de Kr. Milaschevitch
née Opatchinin [17]).

---

[17]) Тростянка
12 іюня
1825 г.

Любезный братецъ
Петръ Петровичъ!

Поздравляю Васъ со днемъ ангела и желаю Вамъ всякаго благополучія и совершеннаго здоровья. Я въ отчаяніи, что не могу лично поздравить Васъ, чувствую себя не совсѣмъ хорошо. И кромѣ того братъ мой Петръ Димитріевичъ Коховкій пріѣхалъ съ женой и дѣтьми изъ Витебска и сегодня его день рожденія. Итакъ, вотъ что лишаетъ

12.

A Madame
Madame de Kalechitzqui
à Chelkanovo

Trostianka
le 28 Novembre
l'an 1825

Ma chère et très aimable cousine!

Mille remerciment pour votre aimable souvenir, je ne me porte pas bien apres tous mes chagrins, j'ai perdu au mois d'Aout une charmente misse Mademoisselle de Marichi, une jeune personne de 22 ans, et le 16 du mois d'Octobre j'ai perdu le meilleur des frere Mousieur le Sénateur de Maridikine que j'aimais comme mon propre frère et après le mort de mari, c'est lui qui m'éder dans toutes les affaire. Je suis bien inquiete par le conte de ma sœur, je ne sais comment

---

меня возможности лично поздравить Васъ и мою любезную сестрицу Я очень скучаю, давно Васъ не видѣвъ, и этому виною моя болѣзнь. Я страдаю чрезвычайно отъ сильныхъ головныхъ болей. Барбъ была очень больна, слава Богу теперь поправилась, только еще слаба немного. Посылаю Вамъ, любезный братецъ, ананасъ и букетъ цвѣтовъ съ моихъ клумбъ. Простите, что беру на себя смѣлость послать Вамъ такую бездѣлицу, столь малый знакъ моей дружбы къ Вамъ. Отъ всего сердца обнимаю мою любезную сестрицу и мою прелестную милую маленькую племянницу и поздравляю ихъ съ дорогимъ имениникомъ. Дай Богъ, чтобы онъ былъ здоровъ и наслаждался всѣми возможными благами. Моя дочь Барбъ свидѣтельствуетъ Вамъ свое почтенiе и своей тетушкѣ, также и мои племянницы поздравляютъ Васъ со днемъ Вашего ангела и мою сестрицу. Очень жалѣю, что не могу быть лично. Вы простите меня, мои любезные родные.

Прощайте, любезный братецъ, прошу хранить меня въ Вашей драгоцѣнной памяти

Вашъ преданный другъ и сестра
Елизъ Красная-Милашевичъ
урожд. Опочинина.

est ce qu'elle se porte, je conte partire au mois de Désembre ou de Janvier pour voir ma pauvre sœur qui est très affliger, dans six mois elle a perdu sa belle sœur la princesse Kouraquine, sa fille et son niece. Imaginez-vous, ma chère cousine, qu'elle malheur et quel désespoire! Barbe Dieu merci se porte bien, mais elle est très affligé. Je conte aller à Smolensque, si le chemin sera praticable pour le 4 de Décembre. Je serais enchantes, ma chère cousine et mon cher cousin, de vous y voir et de vous dire de vive voix, combien je vous aime et je vous estime. Barbe et mes nieces vous présentes leur respects ainsi qu'à mon cousin, j'embrasse votre charmente petite demoisselle et je me recommende à votre amitié et suis

Votre toutes dévonée
amie et cousine
Elise de Kr. Milaschevitch

Je vous prie de dire bien des jolies chosses de ma part à mon chère cousin et j'embrasse votre charmente petite par amitié à tous vos aimable parents [18]).

Черная печать В. М.

---

[18]) Тростянка
28 ноября
1825 г.

Милая и любезнѣйшая сострица!

Тысячу разъ благодарю Васъ за добрую память, чувствую себя нездоровой послѣ всѣхъ перенесенныхъ мною огорченій, въ августѣ я потеряла прелестную мисъ Мариги, молодую особу 22-хъ лѣтъ, а 16 октября я лишилась лучшаго изъ братьевъ сенатора Маридыкина, котораго любила я, какъ родного брата, онъ послѣ смерти мужа помогалъ мнѣ во всѣхъ дѣлахъ. Я очень безпокоюсь о сестрѣ, не зная, какъ она себя чувствуетъ, я разсчитываю выѣхать въ декабрѣ или въ январѣ навѣстить мою бѣдную сестру, которая въ большомъ горѣ: за шесть

13.

8 марта
1821

Почтеннѣйшій и любезный мой

Петръ Петровичъ

Прости меня, что звавъ тебя сего дня обѣдать, не могу къ сожалѣнію быть дома, отроду почти первый разъ не дома обѣдаю и такъ случилось, что сего дня долженъ непремѣнно обѣдать въ людяхъ. Впрочемъ во всѣ другія дни я къ Вашимъ совершенно услугамъ, только бы вздумалъ пожаловать. Искренно тебя любящій и вѣрный старый сотоварищъ и

слуга
Графъ Сергій Потемкинъ

Надпись рукою Анастасіи Ивановны Калечицкой:

От графа Сергія Павловича Потемкина.

мѣсяцевъ она потеряла свою бельсёръ княгиню Куракину, свою дочь и племянницу. Представьте себѣ, любезная сестрица, что за несчастье и отчаяніе! Барбъ слава Богу чувствуетъ себя хорошо, только очень разстроена. Я разсчитываю проѣхать въ Смоленскъ, если дорога установится къ 4-му декабрю. Я буду въ восторгѣ, любезная сестрица и любезный братецъ, увидѣть васъ тамъ и передать вамъ лично, какъ я люблю васъ и почитаю. Барбъ и мои племянницы свидѣтельствуютъ вамъ свое почтеніе, также и моему братцу, цѣлую Вашу прелестную маленькую дочку и, поручая себя вашей дружбѣ, остаюсь

Вашъ преданный другъ
и сестра
Елизъ Красная—Малышевичъ

Прошу Васъ передать отъ меня наилучшія пожеланія моему любезному братцу, и поцѣлуйте Вашу прелестную крошку, мой привѣтъ всѣмъ Вшаимъ любезнымъ роднымъ.

14.

1822-го года
Генваря 2-го дня.

Любезнеішые родные, плѣмянникъ
Петръ Петровичъ
и Милостівая Государыня племянница
Анастасья Ивановна!

Сердечнеішыя вашы поздравлѣніи искрѣнно прынимаю и благодорю васъ за пожѣланіи вашы и въ цене любви оные себе поставляю. И васъ, любезные радные, имею съ прыятнымъ сердечнеішымъ моімъ удовольствіемъ поздравить имею съ прошѣдшымъ праздникомъ Рожѣства Хрыстова и Новымъ Годомъ, жѣлаю множаішыя лета дождать и видеть своіхъ сыны сыновъ пры вашѣмъ совершѣнномъ здоровье и всякомъ благополучіи, сего вамъ душѣвно желаю и съ мілою вашѣю Анненькою. Свидетельствуя мое серьдечное почтеніе съ жѣланіемъ всехъ благъ

Вашъ,
любезные родные,
усердноі дядя
Николай Калечицкій [19])

P. S.

Пры семъ мою вамъ благодарность прыношу за прысылку заемного писма, а вами данъную росписку назадъ надравшы доставляю.

---

[19]) Николай Михайловичъ Калечицкій. Въ Запискахъ Анастасіи Ивановны Калечицкой о немъ и его семьѣ говорится слѣдующее. „Дядя Николай Михайловичъ братъ Пье; инаго отца (Петра Михайловича) Калечицкій умный строгій старикъ прошедшаго вѣка, у котораго въ раболѣпномъ повиновеніи посѣдѣвшіе сыновья и дочери, живетъ въ верстахъ болѣе ста отъ насъ въ им. Николаевскомъ въ Дорогобужск.

15.

Его Высокоблагородію
Милостивому Государю
Петру Петровичу
Калетчитскому
Смоленской Губерніи, Краснинскаго уезда

3-го Ноября
1822-го

Милостивой Государь братецъ
Петръ Петровичь
и милая cousine Настасья Ивановна!

Бывъ уверѣна въ дружбѣ вашей, имѣю честь представить вамъ моего Михайла Степановича, котораго прошу удостоить родственнымъ расположе-

---

уѣздѣ (Смоленс. губ.) Всѣ обычаи этого дома напоминаютъ глубокую старину. Старшій сынъ его Григорій Николаевичъ Калечицкій женатъ на графинѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ Салтыковой, которой братъ гр. Григорій Алексѣевичъ Салтыковъ владѣтель мѣстечка Хиславичи, верстахъ въ 30-и отъ Щелканова уже въ Могилевской губ. Тамъ въ концѣ іюля бываетъ многолюдная ярмарка, куда также считается за обязанность ѣздить, привозя съ собой цѣлый домъ посуды, постелей и провизіи и помѣщаясь въ мерзкихъ жидовскихъ лачугахъ. Если бы не приносило это стольких хлопотъ, я можетъ быть и любила бы эту суету и балы и ласковые пріемы графини Екатерины Алексѣевны, урожд. Херасковой, но физическая усталость отнимаетъ у меня всякое удовольствіе. Меньшой сынъ дяди Николая Михайловича Иванъ Николаевичъ Калечицкій любезный гусаръ мой любимецъ изъ всей семьи, впослѣдствіи женился на богатой Ушаковой Маріи Петровнѣ и жилъ въ Ханинѣ, верстахъ въ сорока отъ насъ. Меньшая дочь его была за Николаемъ Петровичемъ Опочининымъ и оставила двухъ дѣтей. Огорченный женидьбою сына на молдаванкѣ, Иванъ Николаевичъ умеръ въ 60-хъ годахъ Старшая дочь дяди Николая Михайловича Калечицкаго Анастасія Николаевна вышла замужъ за моего двоюроднаго дядю Аполлоса Епафродитовича Станкевичъ, а дочь ихъ за Илью Васильевича Воронецъ, сына внучатной моей сестры"

ніемъ вашимъ, онъ же съ своей стороны удовольствіемъ себѣ вмѣнитъ быть онаго достоинъ. Я виновата очень предъ вами, почтеннѣйшія родныя, что до сихъ поръ не увѣдомила васъ о щастливомъ окончаніи судьбы своей, причиной тому случившіяся военныя пересуды наши изъ бивакъ въ деревню, въ слѣдъ же почти за соединеніемъ нашимъ. Несмотря на столь дальнее наше разстояніе отъ васъ, надѣюсь, chers cousins, что вы сохраните эту дружбу, коей имѣла щастье пользоваться до сихъ поръ, доказательствомъ чего прошу увѣдомить меня о здоровье своемъ, и вѣрить, что я съ истинной преданностію

имѣю честь быть покорная слуга
Анна Сухочева[20])

Милостивые Государи
Петръ Петровичь и
Настасья Ивановна

Имѣю честь представить вамъ себя въ родственное расположеніе ваше, въ чемъ поставя, за удовольствіе быть уверенъ, имѣю честь пребыть

Вашъ
Милостивыя Государи
покорный слуга
Михайла Сухачевъ.

[20]) Анна Александровна, урожд. Лесли, замужемъ за Михайломъ Степановичемъ Сухачевымъ, дочь Александра Ивановича. Александръ Ивановичъ Лесли — братъ Миропіи Ивановны (род. 1770 г.), въ замужествѣ Лыкошиной (за Иваномъ Богдановичемъ Лыкошинымъ). Миропія Ивановна мать Анастасіи Ивановны Калечицкой, урожд. Лыкошиной.

Veuillez bien mon aimable cousine m'envoyer une fois la copie de la reception de Mr. Moudroff [21]) sur la médecine dont il nous a traité toutes deux ensemble. Mes complimens à Madame Clammet me recommandant à son souvenir. Mille baisers à ma chère nièce, ah! que je desirerais avoir une toute pareille à moi [22]).

Адресъ мой: Новгородской Губерніи въ г. Старую Русу.

Зеленая печать: С.

16.

[1822 г.]

Mon adorable et chère cousine!

J'ai eu le plaisir de recevoir votre lettre le 9-me de ce mois at je me dépéche de Vous y répondre [23]).

Спѣшитѣ утѣшить огорченную мать извѣстіемъ, что сынъ ея не только не женатъ, но даже и не имѣетъ повода тому и по словамъ его намѣренія жениться. Онъ, какъ молодой человѣкъ, старался найти предмѣтъ, которой бы могъ на несколько времени его занять и нашелъ оной въ дочери некоторой помещицы Масловой... pour passer le

---

[21]) Матвѣй Яковлевичъ Мудровъ докторъ въ Москвѣ, удачно лѣчившій Анастасію Ивановну Калечицкую въ 1822 г. нѣсколько мѣсяцевъ, умеръ отъ холеры въ 1830 г.

[22]) Соблаговолите, любезная сестрица, прислать мнѣ когда-нибудь копію рецепта г-на Мудрова на то лѣкарство, которымъ онъ насъ съ Вами лѣчитъ. Мой привѣтъ М-me Кламэ, прошу ее не забывать меня. Тысячу поцѣлуевъ моей дорогой племянницѣ, ахъ! какъ бы я желала имѣть точно такую же свою.

[23]) Моя очаровательная и любезная сестрица!

Имѣлъ удовольствіе получить Ваше письмо отъ 9-го сего мѣсяца и спѣшу Вамъ на него отвѣтить.

tems[24]) волочился — и болѣе ничего. Вотъ все, что я могъ касательно его узнать, и тѣмъ выполнить почтеннѣйшая cousine Ваше приказаніе. Впротчемъ я обо всемъ уведомилъ Шварца, а естли молодой человѣкъ действительно имѣетъ какія-нибудь тайныя намѣренія, то увертѣ мать его, что полковникъ не допуститъ его ихъ выполнить.

Adieu donc ma charmante cousine, portez vous toujour bien, ainsi que votre jolie petite Annette que j'embrasse mille et mille fois du fond de mon cœur et n'oubliez pas celui qui vous est dévoué a la vie

Jean de Lesley[25]).

За счастіе почелъ, почтеннѣйшій братъ Петръ Петровичь исполнить въ точности препорученіе Ваше и темъ оказаться въ чемъ-нибудь Вамъ угоднымъ. Le jeune homme en question[26]) кажется не съ большимъ состояніемъ, Дульцінея же его имѣетъ 100 душъ et pour lui ce n'est pas un parti à dédaigner,[27]) впротчемъ я сужу по поверхности и въ обстоятельства ихъ мнѣ нетъ нужды вникать.

Скажу Вамъ про себя, любезнейшій братецъ, что я со дня на день ожидаю перевода въ киросиры въ бригаду къ Уварову, и естьли какимъ-

---

[24]) Для времяпрепровожденія.

[25]) Итакъ, прощайте, прелестная сестрица, будьте всегда здоровы, какъ и Ваша хорошенькая маленькая Анетъ, которую тысячу и тысячу разъ обнимаю отъ всего моего сердца, и не забывайте преданнаго по гробъ жизни

Жанъ де Леслей.

[26]) Молодой человѣкъ, о которомъ идетъ рѣчь...

[27]) Партія, которой ему не слѣдуетъ пренебрегать.

либо несчастнымъ случаемъ оной не воспоследуетъ, то я также рѣшился идти въ отставку, ибо служить въ нашемъ Гренадерскомъ корпусѣ невозможно, во-первыхъ награжденія совершенно никакого нетъ, а во-вторыхъ, убивать свое здоровье по милости Остермана трёхъ месячнымъ лагеремъ и въ перспективѣ не имѣть ничего, кромѣ неудовольствій, интригъ, и проч. и проч., согласитесь сами, что подобная сему служба хуже каторги.

Игакъ позвольте мнѣ въ заключеніе письма моего пожелать Вамъ почтеннѣйшій братецъ совершеннаго здоровья и всего того, что можетъ послужить къ благополучію Вашему и равно просить Васъ не забывать того, кто съ душевнымъ къ Вамъ почтеніѣмъ за честь поставляетъ называться покорнѣйшимъ Вашимъ слугою Лесли [28].

---

[28]) Иванъ Александровичъ Лесли (1880—1879 г.г.). Служилъ въ Екатеринославскомъ гренадерскомъ полку съ 1815 г. (прапорщикомъ) и вышелъ въ отставку штабсъ-капитаномъ въ 1822 г. изъ того же полка. Женатъ на Александрѣ Сергѣевнѣ. Имѣлось въ Бѣльскомъ уѣздѣ при с. Рохлино 300 душъ. Служилъ уѣзднымъ предводителемъ по Бѣльскому уѣзду 1844—1846 г.

Дочь Владимира Ивановича Лыкошина, брата Анастасіи Ивановны Калечицкой, Ольга Владимировна вышла замужъ за сына Ивана Александровича Лесли, Петра Ивановича. Внукъ Ивана Александровича — Иванъ Петровичъ Лесли, нынѣ благополучно здравствующій, секретарь Смоленскаго Губернскаго Дворянскаго Собранія, авторъ обстоятельнаго изслѣдованія *„Смоленское Дворянское Ополченіе 1812 года“*, изд. Смоленскаго Дворянства, а также статьи, помѣщенной въ „Историческомъ“ Вѣстникѣ за 1913 г. *„Пріемъ Смоленскимъ Дворянствомъ Наслѣдника Александра Николаевича“*, характеризующей простоту прежней жизни, и интереснѣйшей работы *„Жизнь помѣщиковъ три четверти вѣка назадъ“*, сдѣланной на основаніи расходныхъ книгъ Калечицкихъ изъ Бобровскаго архива Анны Алексѣевны Рачинской (будетъ напечатана въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ въ 1915 г.) и очерковъ изъ военнаго быта.

17.

Moscou, le 14 Juin
1823

Madame!

Pardon si je viens encore vous causer quelque embarras, mais une circonstance particulière me force à vous prier de me mander si vous avez pris en votre nom ou au mien le billet de loterie que vous avez bien voulu prendre pour moi. En vous priant d'excuser la peine que je vous donne, j'ai l'honneur d'étre, Madame, votre très humble et très obéissant

serviteur
H. Masson

Veuillez adresser votre réponse à Mr. Iacob. Petrovitsch Kiouri, à la Spiridona, maison de Mr. Alexandre Ivanovitsch Vasiltschikow, à Moscou (pour remettre à M. Masson). Oserais-je vous prier de présenter mes respects à Mr. Kaletschitzki [29]).

---

[29]) Москва, 14 іюня
1823 г.

Милостивая Государыня!

Простите, что опять безпокою Васъ, но нѣкоторыя обстоятельства заставляютъ меня просить Васъ сообщить мнѣ, взяли ли Вы на мое имя или на свое лотерейный билетъ, который Вы согласились достать для меня. Извиняюсь за причиняемыя Вамъ хлопоты, имѣю честь быть, Милостивая Государыня, Вашимъ покорнѣйшимъ и послушнымъ

слугой
Массонъ.

Соблаговолите адресовать Вашъ отвѣтъ Якову Петровичу Кюри, Спиридоновка, домъ Александра Ивановича Васильчикова. Москва (для передачи Массону). Осмѣливаюсь просить Васъ засвидѣтельствовать мое почтеніе г-ну Калечицкому.

18.

Scherepovo
le 17 Juin
1821

Monsieur,

Je suis charmé d'apprendre des nouvelles de votre charmente petite: tachez d'observer si la douleur pe coté qu'elle eprouve est extérieure ou profonde; dans le cas où elle serait extérieure, vous n'avez qu'à la frotter avec de l'esprit de savon, si au contraire elle est profonde et forte, empèchant la respiration d'être libre, appliquez un cataplasme de farine de graine lin. Quand à la toux qu'elle éprouve et qui ne parait pas forte, vous n'avez qu'à la combatre à l'aide d'un regime doux et d'une tisane faite avec ce que je vous envoi et dont vous ferez bouillir une pincée dans une petite bouteille d'eau ou le verres pendant 2 ou 3 minutes; elle en boirede tems en tems une tasse tiede edulcorée avec la miel. Assurez Madame de mon respect, donnez un baiser à vos deux petites et croyez Monsieur au sentimens d'éstime et d'amitié de votre tres humble serviteur [30]).

Dr. Mandilèny [31])

[30]) Шерепово
17 іюня
1821 г.

Милостивый Государь

Съ большимъ удовольствіемъ получилъ я извѣстіе относительно Вашей прелестной дѣвочки. Постарайтесь замѣтить, поверхностная ли или глубокая та боль, которую чувствуетъ она въ боку: если поверхностная, то Вы просто натрите ее мыльнымъ спиртомъ, если же глубокая и сильная, мѣшающая свободно дышать, приложите припарку изъ льняного сѣмени. Что же касается кашля, который у ней не кажется сильнымъ, его просто побороть легкимъ режимомъ и настойкой изъ того лѣкарства, что я Вамъ посылаю вскипятите щепотку въ ма-

19.

Scherepovo
le 27 Août
1821

Monsieur,

C'est avec beaucoup de plaisir que j'ai reçu du vos nouvelles. Loin de m'importuner vous m'obligez en m'offrant l'occasion de vous être de quelque utilité. Soyez convainca que je ferai tout ce que sera possible pour le jeune homme que vous m'avez envoyé, mais à ce moment je ne puis rien faire pour lui en l'absence de mes instrumens qui arrivent enfin de Petersbourg et que je recevrai dans une 15-e de jours, s'ils ne sont pas perdus. D'apres ce que j'ai vu votre homme a une maladie grave du sinus maxillaire, je ne puis encore assurer si c'est un abcès dans cet os ou une autre altération de ce même os. Quoiqu'il en soit son mal se lié à une dent gatée dont la racine penètre vers la cavité ou siège le mal, il faut l'arracher et pénètrer dans cette cavité avec l'instrument tranchane. Cette opération ne laisse pas d'être douloureuse comme ensuite, il faut pendant quelque tems un traitement suié, je pense que vous n'auriez rien de mieux à faire que de le laisser ici au lazaret pendant quelque tems, en demandant l'agrement à Mr de Milacheff qui est

---

ленькой бутылкѣ или въ стаканѣ, 2 или 3 минуты, и пусть она пьетъ черезъ нѣкоторые промежутки чашку этой настойки въ тепломъ видѣ, подслащенную медомъ. Засвидѣтельствуйте мое почтеніе Вашей супругѣ, поцѣлуйте Вашихъ двухъ дѣвочекъ и вѣрьте, Милостивый Государь, въ чувства уваженія и дружбы Вашего покорнаго слуги

Др. Мандилени

[31]) Докторъ Мандилени жилъ у Миляшевыхъ, сосѣдей по Щелканову.

trop obligeant pour ne pas s'empresser de le donner avec plaisir.

Je souhaite que vos santés soient tres bonnes et qu'elles ne se ressentent pas des vissicitudes de la saison. Présentez mon respéct à M-me Votre épouse et embrassez vos aimables enfants pour moi. Agreez Mousieur l'assurance de la consideration et du devouement

de votre tres humble
et obeissant servitenr
Dr. Mandilèny [32]).

---

[32]) Шерапово
27 августа
1821 г.

Милостивый Государь!

Съ большимъ удовольствіемъ получилъ я извѣстія отъ Васъ. Тѣмъ, что даете Вы мнѣ возможность быть Вамъ хоть чѣмъ-нибудь полезнымъ, Вы нисколько не отягощаете меня, напротивъ, обязываете меня. Будьте увѣрены, что я сдѣлаю все возможное для молодого человѣка, присланнаго Вами, но въ данную минуту я ничего не могу сдѣлать для него, пока нѣтъ у меня инструментовъ, которые наконецъ должны прибыть изъ Петербурга и которые я получу дней черезъ 15-ть, если они не затерялись. Поскольку могу я судить, Вашъ молодой человѣкъ страдаетъ тяжкой болѣзнью челюстной пазухи синуса; я не могу еще утверждать, нарывъ ли это въ кости, или какое другое измѣненіе этой кости. Хотя боль его соединяется съ испорченнымъ зубомъ, корень котораго проникаетъ къ полости, гдѣ находится боль, надо его выдернуть и проникнуть въ эту полость острымъ инструментомъ. Эта операція не будетъ болѣзненной, какъ и послѣдующая, надо въ продолженіе нѣкотораго времени тщательный уходъ, я думаю, самое лучшее, что можете Вы сдѣлать, это временно оставить его здѣсь въ лазаретѣ, испросивъ согласіе у г-на Миляшева, который слишкомъ обязанъ, чтобы не поспѣшить дать его съ удовольствіемъ.

Желаю, чтобы здоровье Ваше было бы прекраснымъ и не поддалось бы капризамъ сезона. Передайте мое почтеніе Вашей супругѣ и поцѣлуйте отъ меня Вашихъ милыхъ дѣтокъ. Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ уваженіи и преданности

Вашего покорнаго
и послушнаго слуги
Др. Мандилени.

20.

Madame
Madame de Kaletchisky
à Scholkanovo

Scherepovo
le 17 Octobre
1822

Je vous envoie, Madame, la recette d'une poudre dentifrice pour votre aimable sœur, je désire de grand cœur qu'elle puis de lui conserver ses belles dents et j'ai lieu d'esperer qu'elle en sera satisfaite par l'effet que je lui ai vu produire sur l'autres personnes. Ce petit mot, Madame, n'est pas écrit à l'occasion de l'envoi de cette recette, mais bien pour vous témoigner ainsi qu'a toute votre famille combien j'ai été sensible à l'interet que vous m'avez marqué bien certain que je suis que ces témoignages flatteurs ne sont pas tous pour le docteur. Aussi croyez que je sais les apprecier comme ils le méritent et que j'éprouve de bien pénibles regrets en pensant qu'il est tres probable que je m'éloignerai beaucoup de vous, car sans en avoir la certitude entière j'ai lieu de penser que Moscou sera le but de mon déplacement d'apres ce que je viens d'en apprendre, mais quoique éloigne de vous ne craignez pas que je vous oublie, car, même par égoisme, je dois me me rappeler toutes les douces émotions que j'ai éprouvées et en conséquence je m'empresserai toujours d'avoir de vos nouvelles et de saisir l'occasion de vous revoir. Jouissez, Madame, du bonheur qui vous entoure et que vous méritez, jouissez surtout de votre excellente et respectable mère qui m'a si tenrement et si douloureusement rappelé

la miènne, vous l'avez pres de vous, mais moi je suis seul. Adieu bien, chère dame, conservez de votre amitié à celui qui vous en a vouée une sure et durable

Votre devoué serviteur

Mandilèny

N'oubliez personne de la maison de ma part, je vous prie, pas même les absents au dela du Dnieper [33]).

Красная печать.

---

[33]) Шерепово
17 октября
1822 г.

Посылаю Вамъ, сударыня, рецептъ зубного порошка для Вашей любезной сестрицы, отъ всего сердца желаю, чтобы могла она сохранить съ его помощью свои прелестные зубки, и я имѣю основаніе надѣяться, что она будетъ довольна дѣйствіемъ, которое, я видѣлъ, производитъ онъ на другихъ. Сіи нѣсколько словъ, Милостивая Государыня, написаны не по случаю посылки этого рецепта, но чтобы, пользуясь этимъ случаемъ, выразить Вамъ и всему семейству Вашему, сколь чувствителенъ былъ я къ тому вниманію, которое Вы мнѣ оказывали, несмотря на то, что я вполнѣ увѣренъ, что эти лестныя свидѣтельства не относились только, какъ къ доктору. Вѣрьте же, что я знаю цѣну, которую они заслуживаютъ, и я испытываю большое огорченіе при мысли, что очень вѣроятно придется мнѣ очень удалиться отъ Васъ, ибо, не имѣя въ этомъ полной увѣренности, имѣю основаніе думать, что Москва будетъ пунктомъ моего перемѣщенія, поскольку я узналъ объ этомъ, но хотя и удаленный отъ Васъ, не подумайте, что я забуду Васъ, уже въ силу одного эгоизма я долженъ припомнить всѣ нѣжныя чувства, испытанныя мною, и вслѣдствіе этого я буду стараться всегда имѣть отъ Васъ извѣстія и добиваться случая Васъ увидѣть. Наслаждайтесь, сударыня, счастьемъ, которое Васъ окружаетъ, и котораго Вы заслуживаете, наслаждайтесь особенно вашей прекрасной и достойной матерью, которая мнѣ столь нѣжно и столь горестно напомнила мою, она съ вами, а я — одинъ. Прощайте же, дорогая, сохраните дружественное отношеніе Ваше къ тому, кто посвятилъ Вамъ свою вѣрную и долгую дружбу

Вашъ преданный слуга

Мандилени.

Отъ меня никого не забудьте изъ домашнихъ, прошу Васъ, даже отсутствующихъ, по ту сторону Днѣпра.

21.

Moscou
le 23 Mai
[1823]

Madame,

Mon mari étant absent lors de la reception de votre lettre et un nouveau dépar l'empechant d'y répondre c'est moi, Madame, qui me suis chargée avec le plus grand plaisir de vous faire part de la reussite des demarches qu'il a faites pour ce que vous désirez. J'ai donc vu Miss Blackwood qui me parrait une charmante personne, elle me dit n'avoir point reçu la lettre de Madame votre sœur ainsi je lui ai fait part de tout ce que vous saviyez de la personne qui doit être auprès de votre enfant. Elle accepte donc d'entrer dans votre maison pour mille roubles assignation de banque par an et etre défrayée de son voyage pour aller et revenir dans le cas que vous ne vous conviendriez plus ou que quelque circonstance l'exige. C'est tout ce que je puis vous dire Madame à son sujet l'ayant priée d'écrire elle-même à Madame votre belle-sœur la lettre que vous trouverez ci-jointe, elle a donnée sa parole à Mr. Gourieff chez qui elle est d'accompagner son élève à la campagne près de Toula, et que pour le 8 Juillet elle serait à Moscou. Si donc vous pouvez envoyer l'équipage pour cette époque et lui donner une réponse avant son départ pour la campagne qui est très prochain, elle se regardera comme engagée à sa parole et ses appointements comptant du 8 Juillet.

Quant à votre désir d'envoyer l'èquipage et de l'argent chez nous, je suis bien fachée, Madame, que

cela ne soit pas possible, car à cette époque il est très probable que nous serons à la campagne qui est à 50-es d'ici. Mon mari y est actuellement avec le general Apraxin. Le temps, les chemins et ma santé m'ont forcé de rester pour le moment et c'est ce qui m'a procuré l'avantage de vous être utile, Madame, j'espère que si je ne puis l'être aujourd'hui autant que je voudrais, vous voudrez bien une autre fois disposer de moi pour toute autre chose et croire que si c'est en mon pouvoir je ne négligerai rien, en profitant de mon offre vous me prouverez, Madame, que l'épouse de celui que Vous honorez de votre confiance, ne vous déplait pas de loin et que si un jour elle a l'avantage de faire votre connaissance elle ne vous sera pas absolument etrangere. C'est avec les sentiments, Madame, que j'ai l'honneur d'être votre très dévouée

A. Mandilèny[34])

---

[34]) Москва
23 мая
[1823 г.]

Милостивая Государыя!

Мой мужъ былъ въ отлучкѣ во время полученія Вашего письма и новый отъѣздъ препятствовалъ ему отвѣтить, и вотъ я берусь съ удовольствіемъ сообщить Вамъ о успѣхахъ, сдѣланныхъ имъ въ томъ чего Вы желаете. Я уже видѣла мисъ Блэкудъ, которая мнѣ показалась очаровательной особой, она мнѣ сказала, что никакого письма ею не получено отъ Вашей сестры, тогда я ей сообщила все то, что Вы хотите отъ особы, которая должна быть при Вашемъ ребенкѣ. Она соглашается поступить къ Вамъ въ домъ за тысячу рублей асигнаціями въ годъ и чтобы оплачена ей была дорога въ случаѣ, если вы не сойдетесь, или если потребуютъ какія-либо обстоятельства. Это все, что я могу сообщить Вамъ, Милостивая Государыня, на ея счетъ ибо я просила ее, чтобы она сама написала Вашей бель-серъ письмо, при семъ прилагаемое, она дала слово г-ну Гурьеву, у котораго она сопровождаетъ своего ученика въ деревню близъ Тулы, и что къ

22.

A Madame
Madame de Kalétchitsky
chez elle

Le 15 Decembre
[1820]

Je viens de recevoir votre charmant billet pour Barbe, qui étant envoyée par M-me Kaversnef pour la fête de son mari, y est allée par notre persuation. Recevez ma toute aimable Настасья Ивановна mes remercimens pour la jolie romance que vous avez eu la complaisance d'envoyer à ma sœur. J'apprécie infinement l'intêret que vous prenez à la santé de Maman qui se joint à moi pour vous en témoigner sa reconnaissance et c'est avec un plaisir incaprimable que je

---

8 іюлю она будетъ въ Москвѣ. Если бы Вы могли прислать къ этому времени экипажъ и дать ей отвѣтъ до ея отъѣзда въ деревню, который очень близокъ, она считала бы себя связанной словомъ и ея жалованіе началось бы съ 8 іюля.

Что касается Вашего желанія послать къ намъ экипажъ и деньги, то это, къ огорченію моему, невозможно, такъ какъ въ это время очень вѣроятно, что мы будемъ въ деревнѣ, отсюда за 50 верстъ. Мой мужъ въ настоящее время тамъ съ генераломъ Апраксинымъ. Погода, дороги и мое здоровье вынудили меня остаться на нѣкоторое время и это дало мнѣ возможность быть Вамъ, Милостивая Государыня, полезной, и если теперь я не могу быть столь полезной, какъ хотѣла бы, я надѣюсь, Вы не откажетесь въ другой разъ располагать мною по другимъ дѣламъ и вѣрить, что не премину сдѣлать все, что въ моихъ силахъ. Пользуясь моимъ предложеніемъ, Вы мнѣ докажете, Милостивая Государыня, какъ супругѣ того, котораго Вы почтили Вашимъ довѣріемъ, что она Вамъ не непріятна, и если въ одинъ прекрасный день она будетъ имѣть случай познакомиться съ Вами, она не будетъ Вамъ совсѣмъ чужой. Вотъ съ какими чувствами, Милостивая Государыня, имѣю честь быть

Вамъ преданная
А. Мандилени.

puis vous dire que les bains d'herbes lui font un grand bien. Quoique sa santé varie encore beaucoup, mais Dieu mercie, par un peu Maman va mieux. Recevez l'assurance de nos sentimens pour vous, avec lesquels que suis pour la vie

Votre toute dévouée
Marie Baradulitch

P. S.

Mille choses honnêtes et aimables de ma part à votre cher époux, j'embrasse tendrement la charmante demoiselle Annette [35]).

23.

[1821]

Recevez chère et bieu aimable Настасья Ивановна, votre livre et vos nottes que je vous renvoie avec bien de la reconnaissance. Puissé-je à l'avenir égaler votre complaisance. Dernièrement en vous

---

[35]) 15 декабря
[1820]

Я только что получила Вашъ очаровательный билетъ для Барбъ, которая, будучи послана M-me Каверзневой на именины ея мужа, по нашему предположенію пріѣхала туда. Примите, любезнѣйшая Настасья Ивановна, мою благодарность за Вашъ прекрасный романсъ, который Вы были такъ любезны послать моей сестрѣ. Я безконечно цѣню Ваше участіе въ здоровьѣ Maman, которая присоединяется ко мнѣ, чтобы засвидѣтельствовать Вамъ свою признательность, и могу сообщить Вамъ съ неподдѣльнымъ удовольствіемъ, что травяныя ванны приносятъ ей большую пользу. Хотя ея здоровье еще очень неустойчиво, но, благодаря Бога, понемногу Maman выздоравливаетъ. Примите увѣреніе въ нашихъ чувствахъ къ Вамъ, съ которыми я остаюсь по гробъ жизни

Вамъ преданная
Марія Барадуличъ.

P. S. Тысячу наилучшихъ и почтительнѣйшихъ пожеланій отъ меня, обнимаю нѣжно очаровательную Анетъ.

quittant nous avons emporté le souvenir de votre aimabilité et le desir de vous revoir plus souvent. Si ma sœur Елизавета Яковлевна est encore chez vous, voudrez-vous bien me dire, comment va sa santé. Ma société vous prie d'agréer son sincère dévouement, mille choses honnêtes à votre cher époux, j'embrasse de tout mon cœur votre charmante Annette et vous prie de me croire à jamais

Votre toute devouée
Marie de Baradoulitsch[36])

24.

[1821]

Comme vous êtes indulgente mon aimable et chère sœur, de ne m'avoir rien dit pour mon peu d'exactitude à vous envoyer les dessins que vous aver desiré avoir. Je m'èmpresse à répdrer mes faute et vous envoye ce que j'ai pu trouver de mieux. Je vous remercie beaucoup pour le régistre que vous avez eu la complaisance de me prêter, il m'a beaucoup aidé dans mes embarras actuels, je joins aussi un petit cahier de mé-

---

[36]) [1821]

Примите, дорогая и любезнѣйшая Настасья Ивановна, Вашу книгу и ноты, я возвращаю ихъ Вамъ съ большой признательностью. Если бы могла я когда-нубудь отплатить Вамъ за Вашу снисходительность! Въ послѣднiй разъ, покидая Васъ, мы унесли съ собой память о Вашей любезности и желанiе видѣть Васъ чаще. Если сестра моя Елизавета Яковлевна еще у Васъ, не сообщите ли мнѣ о ея здоровьѣ. Всѣ наши просятъ принять ихъ искреннюю преданность, тысячу наилучшихъ пожеланiй Вашему любезному супругу, отъ всего сердца обнимаю Вашу очаровательную Анетъ и прошу вѣрить, навсегда

Вамъ преданная
Марiя Барадуличъ.

decine que vous avez desiré avoir. Adieu, mon aimable et chère sœur, je me recommande à vo're agrèable souvenir et suis pour toujours

Votre toute devouée
aimée
Baradoulitsch [37])

25.

14 ноября
1823 года
Москва

Любезнейшыи родныи
Петръ Петровичъ
и Настасыя Ивановна!

Къ сожалению нашему, жывучы въ Москве пачти месяцъ, отъ васъ ни одной строчки не получали. Я знаю любезнаго маего Красенскии заботы, но за всемъ темъ уделилъ бы отъ своихъ делъ писменыхъ хатя некоторое время насъ о себя известить, что насъ много утешыло, надеюсь въ ономъ вы намъ не откажытя, уведомитя о всехъ

[37]) [1821]

Сколь снисходительны Вы, моя любезная и дорогая сестрица, ничѣмъ не попрекнувъ меня за мою неаккуратность въ присылкѣ Вамъ рисунковъ, которые Вы желали. Спѣшу исправить мою ошибку и посылаю Вамъ все, что могла найти лучшаго. Очень благодарна Вамъ за регистръ, который Вы были такъ любезны одолжить мнѣ, онъ мнѣ много помогаетъ въ нынѣшнихъ моихъ затрудненіяхъ, прилагаю также небольшія записки по медицинѣ, которыя Вы желали имѣть. Прощайте, моя любезная и дорогая сестрица, поручаю себя Вашей доброй памяти и остаюсь навсегда

Вамъ преданная
и любящая
Барадуличъ.

новостяхъ, а также сведение дадитя о Герчекове, мимоездомъ прошу тебя заехать посмотреть. Мы пожываемъ давольно приятно, а только грусно, что мая Палагея Івановна кашлеитъ и по сие время, ещо никуда не выежала, домъ мы имеемъ очень выгодной одной госпожы Горчаковой противъ Алениной, съ катораю я познакомился, пачтеная и харошая дама. Ожыдая вашего извещения, остаюсь

вамъ искрено раднымъ
Петръ Корбутовскій [38])

Любезною Анюту цалую.

И я вамъ, мои любезныи лениваи радныи! усердной поклонъ посылаю, а Анютачку милаю целую, и желаю, чтобъ вы были здоровы.

[Палагея Корбутовская]

Уведомтя, какии цены на хлебъ.

[Петръ Корбутовскій]

---

[38]) Петръ Михайловичъ Корбутовскій — дядя Анастасіи Ивановны Калечицкой, братъ родной Анны Михайловны Калечицкой, „матери Пьеровой, почтеннѣйшій и добрѣйшій старикъ, женатый на Храповицкой Палагеѣ Ивановнѣ, ласковой и весьма внимательной женщинѣ. Они живутъ въ семи верстахъ отъ насъ въ Герчиковѣ въ прекрасномъ домѣ, окруженномъ садами, гдѣ хотя не бываетъ роскошныхъ праздниковъ, но всегда безпрерывный пріѣздъ родныхъ и знакомыхъ, съ гостепріимствомъ принимаемыхъ". Подъ 1834 г. въ Запискахъ Анастасіи Ивановны разсказывается о кончинѣ Петра Михайловича. „Въ Смоленскѣ скончался добрый дядя Петръ Михайловичъ Корбутовскій, честный и благородный старикъ, который постоянно оказывалъ мнѣ самое доброе расположеніе. Въ тяжкой болѣзни онъ съ терпѣньемъ переносилъ мучительныя операціи катетера, и при послѣднихъ минутахъ меня особенно тронуло спокойствіе и присутствіе духа, съ какимъ этотъ простосердечный человѣкъ встрѣтилъ смерть. Онъ сдѣлалъ знакъ рукою

[1823 г.]
[Москва]

26.

Любезнейшая родная
Настасия Ивановна!

Очень Вамъ благодарны, что доставили намъ удовольствие знать объ Васъ, мы здесь по своему обыкновению проводимъ довольно приятно, только и грусно, что мы розно съ вами, любезными родными. Отъ нашего Петра Петровича одно писмо только получыли, очень радъ, что оне въ своихъ желанияхъ успели, полагаю, что онъ долженъ скоро возвратится. Прошу насъ о себя и его возвращении уведомить. При желании моемъ быть здорову и любезную Анюту за меня поцеловать остаюсь

Вамъ іскрено роднымъ
Петръ Корбутовскій

Прошу сказать мое почтение Милостивой Государыни Митропии Івановне и Марии Ивановне[39]).

Очень благодарна, моя любезная Настасия Ивановна! за уведомления. А мы такъ долго не имевши объ Васъ известия, очинь беспокоилисъ. Надеюсъ, нашъ Петръ Петровичъ скоро возвратитца. Братъ

женѣ, чтобы она удалилась въ другую комнату, тогда перекрестился и тихо скончался... Онъ умеръ бездѣтенъ, и его имѣніе наслѣдовали Калечицкіе, дѣти сестры его (Яковъ, Петръ и Михаилъ Петровичи), за исключеніемъ части, доставшейся по завѣщанію его тетушкѣ Пелагеѣ Ивановнѣ и сыну другой сестры, отъ второго брака бабушки княгини Февроніи Өедоровны, Владимиру Степановичу Храповицкому. Мы никогда не ожидали этого наслѣдства, всегда слыша отъ родныхъ тетушки что все имѣніе передано ей по векселямъ; но какимъ образомъ случилось иначе, это для насъ загадка".

[39]) Миропія Ивановна Лыкошина, мать Анастасіи Ивановны, Марья Ивановна, сестра Анастасіи Ивановны, по мужу Рачинская.

Иванъ пишитъ, что Петруша принятъ въ Юнкерскую школу, и мы сердечно порадовались. Теперь дай Господи любезной Маріі Ивановне кончить благополучно свои обстоятельствы, и прошу насъ объ етомъ уведомить. Мы все ето время были здоровы, но со вчерашнего дни я нихарашо себя чувствую, у меня съ приезда еще сюда завеласъ сыпъ на спине и я полагала, что она сама по себе пройдетъ, и ни хатела брать доктора, но со вчерашняго дни ана такъ меня безпокоитъ, что принуждена была послать за Мудровымъ и ожидаю его. Милостивой Государыни Миропиі Ивановне и Маріи Ивановне прошу сказать мое почтения. Милаю Анюточьку целую. Желаю, чтобъ Вы были здоровы и астаюсъ

Вамъ уседная радная

Палагея Корбутовская.

27.

Его Высокоблагородію

Милостивому Государю

Петру Петровичу

Калечицкому

въ Белой

20 декабря

1826 году

Москва

Любезные мои родныи

Петръ Петровичъ

и Нястасия Ивановна!

Съ наступающемъ Праздникомъ и Новымъ Годомъ усерднейше васъ, мае милае, поздравляю.

Дай Господи вамъ, сердечно желаю и съ милаю Анюточькаю провести его благополучно въ совершенномъ здоровиі и спокойствиі. Равно поздравляю почтенною Миропию Ивановну и любезныхъ радныхъ Марию Ивановну и Виктора Денисовича и съ новорожденнымъ сыномъ, — ето известия насъ очинь обрадовало. Полагаю, что вы все теперь вместе наслаждаитесь приятнымъ свиданиемъ и поздравляю васъ съ етимъ удовольствиемъ. Ежели наши Михаилъ Петровичъ и Александра Петровна теперь въ вашей стороне, скажитя и имъ мое поздравления и желания. Мы точно съ ними въ жмурки играимъ, что нигде ихъ ни поимаимъ: писали ане, что едутъ въ Белаю, мы туда къ нимъ два письма адресовали, и посли узнали, что ане еще въ Клемятине, и туда писали, не зная точно где ане, решилисъ подождать писать, пока узнаемъ верное. Спешу очинь на почту, по чему и ни продолжаю. Целую васъ и остаюсь

вамъ усердная родная
Палагея Корбутовская

Любезнейшые родные!

Полагаю, судя по дороги, что нашъ Петръ Петровичъ и Викторъ Денисовичъ возвратились и все вы оной праздникъ праводитя въместе, всехъ васъ усерднейше поздравляю, желая всехъ вамъ благъ и получыть скарея отъ васъ уведомление

искрено вамъ родной
Петръ Корбутовскій.

Гербовая красная печать.

28.

21 декабря
1826 году
Москва

Любезныи ми радныи
Петръ Петровичъ
и Настасия Ивановна!

Севоднешней день мы были очень обрадованы получениемъ твоего писма изъ Петербурга о выезде вашемъ съ Владимиромъ [40]) въ своясы. Какъ съ симъ, такъ и наступающымъ праздниками васъ поздравляю и желаю всемъ вамъ весело и здоровымъ проводить. Интересно мне знать, какъ нашъ Владимеръ разделался. Я очень старался ему помочь денгами и въ многихъ моихъ знакомыхъ, на которыхъ и надеялся, но генерально все обезденежели, не могъ достать. По нынешнему времени должно каждому быть бережливея. Ожыдать буду вашего уведомления и остаюсь

вамъ іскренно раднымъ
Петръ Корбутовскій

Любезною Анюту мыслено целую.

Мы вчера отправили къ вамъ, любезнаи радныи! наша поздравления въ Белаю, а на этой почте получа севодни извещения о выезде въ Щелканова, пишимъ въ Смоленскъ. Мы точно за вами гоняемся, и нигде васъ ни поймаемъ, все Калечицкиі нонечи принеосновательнаи стали. А здесь Григорій Нико-

[40]) Владимиръ Степановичъ Храповицкій

лаевичъ [41]) семъ летъ выежжаитъ и все не едитъ и, кажитца, не только святки, но и долия пробудутъ, потому что равно все не хочутъ съ Москвою растатся. Желательно намъ теперь получить известия о вашемъ приезде, тогда уже поверимъ, что вы точно на месте, а то всіо еще не веритца и не знаешъ, где васъ поймать. Целую Васъ и милаю Анюточьку и сердечно желаю, чтобъ вы были здоровы

вамъ усердная родная
Палагея Корбутовская.

29.

Любезному моему родному
Петру Петровичу
Калечицкому
въ Бобровкѣ

[1835]
20 октября

Любезныи мои родныи
Петръ Петровичъ
и Анастасія Ивановна!

Очень вамъ благодарна за удовольствіе, которое вы мнѣ доставляете вашими письмами. А милая моя Анюта ужасно стала лѣнива, даже не отвѣчаетъ мнѣ на вопросы по ея же порученію. Я къ ней послала квитанцію на ея денги, и спрашивала, отдать ли остальной цѣлковый Маргаритѣ на башмаки ея племянницы? — а она не изволила мнѣ отвѣчать.

[41]) Григорій Николаевичъ Калечицкій, сынъ Николая Михайловича Калечицкаго.

Прошу увѣдомить, какъ прикажетъ? Очень рада, что Петръ Петровичъ сталъ разсудителенъ и не собирается на свадьбу, которая не знаю, была или будетъ. Даже и въ Клемятинѣ не знаютъ, гдѣ Павелъ М. и когда свадьба? А я это время все очень нездорова, завтра пошлю къ Ф. С. просить совѣта.

Милаго моего Николиньку и Мишиньку прошу за меня поцѣловать. И душевно желая, чтобъ вы всѣ были здаровы, остаюсь навсегда

Вамъ усердная родная
Палагея Корбутовская.

Красная печать.

30.

[1835]

. . . .
. . . .
. . . .

упрямится, презабавная дѣвочка, и кто только..., то всѣ равно говорятъ, что подобной полутороговой такой прелесной не видали. Меня какъ увидѣла, такъ и бросилась ко мнѣ и во все время что я ее цѣловала, она все ласкалась. . . .
. . . .
всегда

вамъ усердная родная
Палегея Корбутовская

Всемъ знакомымъ, кто меня помнетъ, прошу отъ меня кланитца.

Изъ Бобровскаго архива
Анны Алексѣевны Рачинской.

М. МЕТЕРЛИНКЪ.

ИЗБІЕНІЕ МЛАДЕНЦЕВЪ.

(Переводъ Н. М. Минскаго).

Въ пятницу, въ 26-ой день декабря мѣсяца, въ часъ ужина, молодой подпасокъ прибѣжалъ въ деревню Назаретъ, издавая громкіе вопли. Крестьяне, сидѣвшіе въ харчевнѣ „Голубого Льва“, за кружками браги, открыли ставни и, заглянувъ въ принадлежащій деревнѣ фруктовый садъ, увидѣли мальчика, бѣжавшаго по снѣгу. Они узнали сына Корнелиза и крикнули ему въ окно: „Ты что тутъ дѣлаешь? Ступай спать!“ Мальчикъ, охваченный ужасомъ, въ отвѣтъ разсказалъ имъ, что пришли испанцы, подожгли ферму, повѣсили его мать среди орѣшника и привязали его девять малолѣтнихъ сестеръ къ стволу толстаго дерева. Крестьяне выбѣжали изъ харчевни, окружили мальчика и осыпали его вопросами.

Онъ разсказалъ имъ еще, что солдаты прибыли верхомъ, были закованы въ желѣзо, что они угнали скотъ, принадлежащій его дядѣ Петру Крайеру и что они вскорѣ должны прослѣдовать

черезъ лѣсъ со стадомъ овецъ и коровъ... Всѣ побѣжали въ харчевню „Золотого Солнца", гдѣ Корнелизъ и его родственники также сидѣли за кружками браги, а хозяинъ харчевни бросился по направленію къ деревнѣ, крича, что испанцы приближаются. Въ Назаретѣ поднялась тревога. Женщины открывали окна, крестьяне выходили изъ домовъ, неся фонари, которые они тушили, придя въ садъ, гдѣ отъ сіянія полной луны и снѣга было свѣтло, какъ днемъ. Они столпились вокругъ Корнелиза и Крайера на площади, передъ харчевнями. Многіе захватили съ собою вилы и грабли и испуганно переговаривались подъ деревьями. Никто не зналъ, что предпринять. Тогда одинъ изъ нихъ побѣжалъ за священникомъ, которому принадлежала ферма Корнелиза. Черезъ минуту священникъ, въ сопровожденіи причетника, вышелъ изъ дома, держа ключи отъ церкви. Всѣ направились вслѣдъ за нимъ на погостъ, и онъ, поднявшись на колокольню, крикнулъ имъ оттуда, что не видитъ ничего ни на лугу, ни въ лѣсу, но что надъ его фермой стоитъ красное облако, хотя повсюду небо чистое и покрыто звѣздами.

Послѣ долгихъ совѣщаній на погостѣ они рѣшили спрятаться въ лѣсу, черезъ который должны прослѣдовать испанцы, и если послѣднихъ окажется не очень много, напасть на нихъ и отбить скотъ Петра Крайера, а также отнять награбленное ими на фермѣ добро. Они вооружились вилами и лопатами, а женщины, вмѣстѣ со священникомъ, остались подлѣ церкви. Отыскивая удобное для за-

сады мѣсто, крестьяне пришли на опушку лѣса, поблизости мельницы, и оттуда увидѣли ферму, горящую подъ звѣзднымъ небомъ. Здѣсь, подлѣ пруда, затянутаго льдомъ, они остановились, укрывшись за стволами огромныхъ дубовъ.

Пастухъ, по прозванію Рыжій Карликъ, поднялся на косогоръ, чтобы предупредить мельника, который остановилъ крылья своей мельницы, какъ только увидѣлъ на небѣ зарево. Тѣмъ не менѣе онъ впустилъ къ себѣ пастуха, и оба они стали у окна, вглядываясь въ даль. Передъ ними надъ горящимъ зданіемъ стояла яркая луна, и въ ея свѣтѣ они увидѣли длинное шествіе, подвигавшееся по снѣгу. Зорко осмотрѣвъ мѣстность, Карликъ спустился къ тѣмъ, которые ждали у опушки, и они ясно увидѣли четырехъ всадниковъ, медленно подвигавшихся надъ стадомъ, которое казалось, мирно паслось на лугу. Они долго глядѣли, стоя недвижно на окраинѣ пруда, подъ деревьями, освѣщенными снѣгомъ, отъ котораго свѣтъ отражался на ихъ синихъ чулкахъ и красныхъ плащахъ, пока причетникъ не указалъ имъ на буксовую заросль, за которою они и спрятались.

Животныя и испанцы медленно подвигались по льду, а овцы, приближаясь къ заросли, уже стали щипать прошлогоднюю траву, когда Корнелизъ бросился изъ-за кустовъ, а за нимъ, въ свѣтѣ луны, бросились всѣ остальные, потрясая вилами.

Тогда на пруду произошло великое побоище, посреди сгрудившихся овецъ и спокойныхъ коровъ,

созерцавшихъ сраженіе и луну. Когда всадники и лошади были перебиты, Корнелизъ черезъ лугъ побѣжалъ къ горящей фермѣ, а остальные стали снимать платье съ убитыхъ. Затѣмъ они вернулись въ деревню, погоняя стадо. Женщины, глядѣвшія за стѣнами погоста на темный лѣсъ, увидѣли ихъ среди деревьевъ и вмѣстѣ со священникомъ побѣжали имъ навстрѣчу. Всѣ они, окруженныя дѣтьми и собаками, вернулись въ деревню, образуя широкій хороводъ, и весело приплясывая. И радостно толпясь подъ грушевыми деревьями, на вѣтвяхъ которыхъ Рыжій Карликъ развѣсилъ фонарики въ знакъ кермессы, они спросили у священника, что имъ теперь дѣлать.

Сообща рѣшено было запречь повозку и привести въ деревню тѣло убитой и девять ея малолѣтнихъ дочерей. Сестры убитой и другія крестьянки, принадлежащія къ ея роду, сѣли на повозку вмѣстѣ со священникомъ, который, будучи старъ и весьма тученъ, съ трудомъ волочилъ ноги.

Они проѣхали черезъ лѣсъ и молча достигли ослѣпительныхъ снѣжныхъ полей, гдѣ на блистающемъ льду среди деревьевъ увидѣли обнаженныя тѣла солдатъ и трупы лошадей. Отсюда онѣ направились къ фермѣ, одиноко горѣвшей среди ночного пейзажа.

Подъѣхавъ къ саду и къ дому, краснымъ отъ отсвѣта пожара, они остановились у воротъ и долго глядѣли на великое несчастье, постигшее крестьянина. Жена его — нагая — висѣла на вѣтви огромнаго орѣховаго дерева, и онъ поднимался по лѣст-

ницѣ, приставленной къ дереву, вокругъ котораго на травѣ стояли девять дѣвочекъ, ожидая, когда снимутъ тѣло ихъ матери. Онъ уже пробирался среди широкихъ вѣтвей, когда вдругъ увидѣлъ на фонѣ яркаго снѣга глядѣвшую на него толпу крестьянъ. Обливаясь слезами, онъ знакомъ попросилъ ихъ помочь ему, и тѣ вошли въ садъ. Причетникъ, Рыжій Карликъ, хозяева Голубого Льва и Золотого Солнца, священникъ, державшій фонарь, и многіе другіе взобрались по лѣстницѣ на опушенное снѣгомъ и освѣщенное луною дерево, чтобы снять висѣвшее тѣло, которое женщины, стоявшія подъ деревомъ, приняли на руки, какъ тѣло Спасителя при снятіи съ Креста.

На слѣдующій день ее похоронили, и за всю недѣлю въ деревнѣ Назаретъ не произошло ничего необыкновеннаго. Но въ воскресенье голодные волки послѣ заутрени выбѣжали на улицу и до полудня шелъ снѣгъ. Потомъ на небѣ показалось яркое солнце, и поселяне сѣли въ обычный часъ за обѣдъ, а послѣ обѣда стали одѣваться для вечерней службы.

Площадь все это время стояла безлюдная, потому что сильно морозило. Однѣ только собаки и куры бродили подъ деревьями, овцы паслись на очищенной трехугольной полянкѣ, и служанка священника сгребала снѣгъ въ садикѣ.

Вдругъ черезъ каменный мостъ, въ концѣ деревни, прослѣдовала толпа вооруженныхъ всадниковъ и остановилась во фруктовомъ саду. Крестьяне выглянули изъ домовъ, но тотчасъ же въ ужасѣ

побѣжали вспять, узнавъ испанцевъ. Всѣ они столпились у оконъ, выжидая, что произойдетъ.

Всадниковъ, закованныхъ въ желѣзныя латы, было человѣкъ около тридцати, а посреди ихъ ѣхалъ старикъ съ бѣлой бородой. За спиной каждаго всадника держался въ сѣдлѣ кнехтъ, одѣтый въ желтое или красное платье. Ландскнехты спрыгнули на землю и стали бѣгать по снѣгу, разминая озябшіе члены; многіе изъ вооруженныхъ воиновъ также спѣшились и облегчили себя у деревьевъ, къ которымъ привязали лошадей.

Затѣмъ они направились въ харчевню Золотого Солнца и постучались у входа. Имъ съ опаской открыли дверь, и они ввалились въ харчевню, подошли къ огню и заказали брагу.

Вскорѣ они вышли, держа горшки и кружки съ брагой, а также ломти пшеничнаго хлѣба, и передали ихъ своимъ товарищамъ, окружавшихъ начальника съ сѣдой бородой, который сидѣлъ посреди копій.

Улица оставалась безлюдной, и начальникъ отправилъ нѣсколько всадниковъ за линію домовъ, чтобы оцѣпить деревню со стороны поля; послѣ этого онъ приказалъ ландскнехтамъ привести къ нему изъ деревни всѣхъ дѣтей отъ двухъ лѣтъ и моложе и умертвить ихъ, согласно написанному въ евангеліи отъ св. Матѳея.

Они прежде всего направились въ маленькую харчевню, подъ вывѣской „Зеленая Капуста“ и въ хижину брадобрея, стоявшія рядомъ посрединѣ улицы.

Одинъ изъ солдатъ открылъ дверь, ведущую въ хлѣвъ, и оттуда выбѣжало стадо свиней и разбрелось по деревнѣ. Хозяинъ харчевни и брадобрей вышли на улицу и почтительно освѣдомились у солдатъ, что имъ нужно, но тѣ не отвѣтили, не понимая фламандской рѣчи, и вошли въ дома искать дѣтей.

Въ харчевнѣ они увидѣли ребенка, сидѣвшаго въ одной рубашкѣ на столѣ, за которымъ только что кончили обѣдать, и громко плакавшаго. Солдатъ взялъ его на руки и пошелъ съ товарищами по направленію къ яблонямъ, между тѣмъ, какъ отецъ и мать ребенка съ криками побѣжали за нимъ вслѣдъ.

Ландскнехты открыли такъ же хлѣвы бочаря, кузнеца, сапожника, и телята, коровы, ослы, свиньи, козлы и овцы, вырвавшись на волю, разсыпались по площади. Когда солдаты стали стучать въ окна къ столяру, толпа крестьянъ, со стариками и наиболѣе богатыми прихожанами во главѣ, собралась на улицѣ и направилась къ испанцамъ. Они почтительно сняли шапки и колпаки передъ одѣтымъ въ бархатную мантію начальникомъ отряда и спросили его, что онъ намѣренъ сдѣлать. Но такъ какъ и онъ не понималъ ихъ рѣчи, кто-то пошелъ за священникомъ.

Священникъ, готовясь въ ризничьей къ вечерней службѣ, облачался въ шитую золотомъ ризу. Крестьянинъ ворвался съ крикомъ: „испанцы у насъ въ саду“. Охваченный ужасомъ, священникъ побѣжалъ къ выходу вмѣстѣ съ мальчиками-пѣвчими, державшими свѣчи и кадила.

Выбѣжавъ изъ церкви, онъ увидѣлъ животныхъ, разбредшихся по снѣгу и лужайкѣ, всадниковъ, сторожившихъ за деревней, солдатъ, стоявшихъ у дверей хижинъ, лошадей, привязанныхъ къ деревьямъ вдоль улицъ, и толпу мужчинъ и женщинъ, умолявшихъ ландскнехта, который держалъ одѣтаго въ рубашку ребенка.

Онъ бросился изъ погоста на площадь, и крестьяне съ тревогой обернулись къ своему священнику, который приближался къ нимъ среди грушевыхъ деревьевъ, облаченный въ золото, какъ богъ; они издали глядѣли, какъ онъ подошелъ къ начальнику съ сѣдой бородой.

Священникъ обратился къ нему и по-фламандски, и по-латыни, но тотъ небрежно пожималъ плечами, показывая, что не понимаетъ обращенныхъ къ нему словъ.

Прихожане шопотомъ стали разспрашивать священника: „Что онъ сказалъ? Что собирается сдѣлать?“ Другіе, увидѣвъ священника въ саду, робко стали выходить изъ своихъ домовъ, женщины сбѣжались кучами и стали шептаться между собой, такъ что солдаты, осаждавшіе харчевню, вернулись, чтобы разогнать образовавшееся на площади большое сборище.

Въ это время солдатъ, державшій принесеннаго изъ харчевни „Зеленая Капуста“ ребенка, вынулъ мечъ и отрубилъ ему голову.

Крестьяне глядѣли, какъ передъ ними покатилась на лужайку голова ребенка, а вслѣдъ за нею истекавшее кровью тѣльце. Мать подхватила

тѣло и побѣжала съ нимъ, забывъ подобрать голову. Она устремилась къ себѣ домой, но по дорогѣ споткнулась о дерево и упала лицомъ въ снѣгъ, гдѣ осталась лежать въ обморокѣ, между тѣмъ какъ отецъ ребенка отбивался между двухъ солдатъ.

Крестьяне помоложе стали швырять въ испанцевъ камнями и кусками дерева, но всадники всѣ сразу опустили копья. Женщины разбѣжались, а священникъ и прихожане съ воплями ужаса заметались по площади, посреди овецъ, гусей и собакъ.

Но вскорѣ, увидавъ, что солдаты опять отправились вдоль улицы, они пріутихли и стали ждать, что произойдетъ.

Толпа солдатъ проникла въ лавку, принадлежавшую сестрамъ причетника, но вскорѣ спокойно вышла оттуда, не тронувъ ни одной изъ семи женщинъ, стоявшихъ у порога на колѣняхъ и шептавшихъ молитву.

Оттуда они направились къ харчевнѣ, которую содержалъ горбунъ, прозванный Св. Николаемъ. Имъ немедленно открыли дверь, въ надеждѣ задобрить ихъ. Вскорѣ они вернулись среди всеобщаго смятенія, неся на рукахъ трехъ младенцевъ, между тѣмъ какъ горбунъ, его жена и ихъ дочери громко умоляли о пощадѣ, простирая руки. Солдаты понесли одѣтыхъ по-праздничному дѣтей къ старику и положили ихъ на землю въ снѣгъ у подножія большого вяза. Одинъ ребенокъ въ желтомъ платьицѣ поднялся на ножки и, шатаясь, побѣжалъ къ стаду овецъ, но солдатъ съ обнаженной шпагой

погнался за нимъ, и убитый ребенокъ упалъ, уткнувшись въ землю лицомъ, въ то время, когда другіе солдаты умерщвляли дѣтей, положенныхъ подъ деревомъ.

Крестьяне и дочери хозяина харчевни бросились бѣжать, испуская вопли, и попрятались по домамъ. Оставшись одинъ въ саду, священникъ продолжалъ умолять испанцевъ и со стенаніями ползалъ на колѣняхъ отъ одной лошади къ другой, сложивъ руки крестомъ, между тѣмъ, какъ отецъ и мать, сидя на снѣгу, оплакивали своихъ убитыхъ дѣтей, лежавшихъ у нихъ на колѣняхъ.

Подвигаясь по улицѣ, ландскнехты остановились у выкрашеннаго въ голубую краску дома фермера. Они хотѣли силою открыть дверь, но она была изъ дуба, и вся утыкана гвоздями. Тогда они достали бочки, вмерзшія въ лужу передъ порогомъ, и по нимъ поднялись до верхняго этажа, куда проникли черезъ окно.

Въ этой фермѣ праздновали кермессу, и родственники хозяина со своими семействами пришли угощаться вафлями, ватрушками и ветчиной. Услышавъ звонъ разбитыхъ стеколъ, всѣ столпились вокругъ стола, покрытаго ковшами и блюдами. Солдаты ворвались въ кухню и послѣ жестокаго побоища, въ которомъ многіе были ранены, захватили съ собой нѣсколько дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, а также слугу, укусившаго одного изъ солдатъ за палецъ, и вмѣстѣ съ ними быстро удалились, заперевъ за собою дверь, чтобы присутствующіе не могли погнаться за ними.

Поселяне, у которыхъ не было дѣтей, нерѣшительно вышли изъ своихъ домовъ и издали послѣдовали за солдатами, которые направились къ старику, бросили передъ нимъ свои жертвы на землю и спокойно стали ихъ умерщвлять копьями и мечами, между тѣмъ какъ по всему фасаду голубого дома женщины и мужчины, высунувшись изъ оконъ верхняго этажа и чердака, произносили проклятія и отчаянно метались въ свѣтѣ солнца, глядя на красныя, розовыя и бѣлыя платьица своихъ дѣтей, недвижно распростертыхъ на травѣ между деревьями. Вслѣдъ за этимъ солдаты взяли захваченнаго на фермѣ слугу и повѣсили его по ту сторону улицы на вывѣскѣ, имѣвшей форму луннаго серпа. Во всей деревнѣ воцарилось долгое молчаніе.

Избіеніе между тѣмъ продолжалось. Матери выходили изъ домовъ и, пробираясь садами и огородами, пытались бѣжать въ поле, но всадники преслѣдовали ихъ и гнали обратно на улицу. Крестьяне, съ шапками въ сложенныхъ рукахъ, на колѣняхъ ползали вслѣдъ за солдатами, уносившими ихъ дѣтей, въ сопровожденіи собакъ, весело лаявшихъ посреди всеобщей суматохи. Священникъ, воздѣвъ руки къ небу, перебѣгалъ отъ домовъ къ деревьямъ и обратно и умолялъ съ лицомъ мученика; солдаты, дрожа отъ холода, дули себѣ на пальцы и торопливо пробирались по улицѣ, или же, засунувъ руки въ карманы штановъ и держа подъ мышкой шпаги, недвижно ожидали подъ окнами домовъ, куда взбирались ихъ товарищи.

Видя трусливое отчаяніе крестьянъ, ландскнехты небольшими группами проникали въ фермы, и на улицѣ все время повторялись однѣ и тѣ же сцены. Торговка овощами, жившая подлѣ церкви въ маленькой сложенной изъ розовыхъ кирпичей хижинѣ, со стуломъ въ рукѣ гналась за двумя солдатами, увозившими ея дѣтей въ тачкѣ. Она лишилась чувствъ, видя какъ ихъ убивали, и ее посадили на этотъ стулъ, прислонивъ къ дереву, росшему у дороги.

Другіе солдаты взбирались на липы передъ выкрашенной въ лиловую краску фермой и разбирали на крышѣ черепицы, чтобы проникнуть въ домъ. Послѣ того какъ они вернулись съ дѣтьми, отецъ и мать, поднявъ руки, нѣсколько разъ показывались въ отверстіи крыши, но каждый разъ солдаты, ударяя шпагами по головѣ, заставляли ихъ уходить обратно, прежде чѣмъ сами не успѣли соскочить на улицу.

Одна семья, запертая въ погребѣ большого строенія, вопила, столпясь у отдушины, черезъ которую отецъ бѣшено потрясалъ вилами. Какой-то лысый старикъ, сидя на кучѣ навоза, одиноко рыдалъ; женщина, одѣтая въ желтое платье, упала безъ чувствъ на площади, и мужъ, поднявъ ее, поддерживалъ подъ руки и о чемъ-то кричалъ въ тѣни грушевого дерева; другая женщина, одѣтая въ красное, обнимала свою дочку, у которой были отрублены кисти рукъ, и поднимала поочередно ея правую и лѣвую руку, чтобы видѣть, можетъ ли она ими двигать. Какой-то женщинѣ удалось бѣжать

изъ деревни, и солдаты гнались за ней, между двухъ мельницъ, на горизонтѣ покрытыхъ снѣгомъ полей.

Въ харчевнѣ Четырехъ Сыновей Эмона разыгрывалась бурная сцена осады. Жильцы забаррикадировались, и солдаты кружились вокругъ дома, не будучи въ состояніи въ него проникнуть. Они пытались добраться до вывѣски по шпалернымъ дедеревьямъ, росшимъ у фасада, но вдругъ замѣтили лѣстницу, стоявшую за садовой калиткой. Они приставили лѣстницу къ стѣнѣ и гуськомъ стали взбираться по ней. Но хозяинъ харчевни и всѣ члены его семьи стали изъ оконъ швырять въ солдатъ столами, стульями, блюдами и колыбелями. Лѣстница покачнулась, и солдаты свалились на землю.

Въ хижинѣ, сложенной изъ бревенъ, въ концѣ деревни, солдаты наткнулись на крестьянку, которая мыла своихъ дѣтей въ корытѣ передъ огнемъ. Она была стара и глуха и не слышала, какъ они вошли. Двое солдатъ захватили корыто съ дѣтьми и понесли на улицу, а изумленная старуха побѣжала за ними съ платьицами дѣтей, чтобы одѣть ихъ. Но, выйдя на порогъ и увидѣвъ лужи крови въ деревнѣ, обнаженныя шпаги въ саду, опрокинутыя колыбели среди улицы, женщинъ, стоявшихъ на колѣняхъ и обнимавшихъ трупы своихъ дѣтей, она громко завыла и принялась бить солдатъ, которые опустили на землю корыто и стали отбиваться. Къ нимъ подбѣжалъ священникъ и, сложивъ руки на рясѣ, долго умолялъ испанцевъ, передъ голыми дѣтьми, которые заливались плачемъ

въ водѣ. Но тутъ подоспѣли другіе солдаты и, отстранивъ обезумѣвшую старуху, привязали ее къ дереву.

Мясникъ спряталъ свою дочку и, прислонясь къ стѣнѣ своего дома, глядѣлъ на улицу съ равнодушнымъ видомъ. Двое солдатъ — ландскнехтъ и одѣтый въ латы — вошли въ домъ и отыскали ребенка въ мѣдномъ котлѣ. Мясникъ въ отчаяніи схватилъ одинъ изъ своихъ ножей и бросился на солдатъ, но другіе воины, проходившіе мимо, отняли у него оружіе и повѣсили его за кисти рукъ къ вдѣланнымъ въ стѣну крючьямъ, среди бычачьихъ тушъ; такъ онъ висѣлъ до вечера, барахтаясь ногами и изрыгая проклятія.

Со стороны погоста большое сборище образовалось передъ длинной фермой, выкрашенной въ зеленую краску. Кто-то, сидя на порогѣ, плакалъ въ два ручья, и такъ какъ онъ былъ дороденъ и имѣлъ добродушное лицо, солдаты, стоявшіе на солнцѣ у стѣны, слушали его съ видомъ соболѣзнованія и гладили собаку. А тотъ, который уводилъ за ручку его ребенка, дѣлалъ знаки, какъ бы говоря: „Что подѣлаешь? Не моя вина".

Одинъ крестьянинъ, преслѣдуемый солдатами, вскочилъ вмѣстѣ съ женой и дѣтьми въ привязанную у каменнаго моста лодку и пустилъ ее по озеру. Не рискуя ступить на ледъ, солдаты сердито бѣгали среди тростника. Они влѣзли на растущія вдоль берега ивы и пытались достать бѣглецовъ копьями, но это имъ не удавалось, и они еще долго посылали угрозы охваченной ужасомъ, находящейся на водѣ семьѣ.

Фруктовый садъ все еще былъ полонъ народа, ибо тамъ умерщвляли большую часть дѣтей передъ начальникомъ съ бѣлой бородой, который командовалъ избіеніемъ. Дѣвочки и мальчики постарше, ходившіе безъ посторонней помощи, собрались кучками и съ любопытствомъ глядѣли на избіеніе дѣтей, продолжая ѣсть намазанные масломъ ломти хлѣба, или толпились вокругъ деревенскаго юродиваго, который сидѣлъ на травѣ и игралъ на флейтѣ.

Вдругъ въ деревнѣ произошло общее движеніе. Крестьяне бѣгомъ устремились по направленію къ замку, стоявшему на желтомъ пригоркѣ въ концѣ улицы. Они увидѣли барона, нагнувшагося надъ бойницами башни и наблюдавшаго за избіеніемъ. Мужчины, женщины, старики, простирая руки, стали умолять барона, который глядѣлъ на нихъ, словно царь небесный, въ своей мантіи изъ фіолетоваго бархата и высокой шитой золотомъ шапкѣ. Но вотъ онъ поднялъ руки и пожалъ плечами, показывая свое безсиліе, а такъ какъ они все громче и отчаяннѣе продолжали вопить о помощи съ открытыми головами, топчась въ снѣгу на колѣняхъ, онъ повернулся и медленно скрылся въ башнѣ: крестьяне поняли, что потеряна всякая надежда.

Когда всѣ дѣти были умерщвлены, усталые солдаты вытерли мечи о траву и сѣли подъ деревьями ужинать. Затѣмъ ландскнехты вскочили въ сѣдла, и весь отрядъ покинулъ Назаретъ, поѣхавъ обратно черезъ каменный мостъ, откуда прибылъ.

Солнце садилось за багровымъ лѣсомъ, мѣняя всѣ краски въ деревнѣ. Изнеможенный отъ бѣганья

и криковъ священникъ сидѣлъ въ снѣгу передъ церковью, а рядомъ стояла его служанка. Они глядѣли на улицу и на садъ, которые все еще были полны крестьянъ, одѣтыхъ по-праздничному; многіе толпились на площади или бродили вдоль улицы. Передъ дверями домовъ сидѣли отцы и матери, держа дѣтскія тѣла на колѣняхъ или въ объятіяхъ, и съ лицами, выражавшими изумленіе, вслухъ жаловались на постигшее ихъ несчастье. Другіе еще плакали надъ своими дѣтьми тамъ, гдѣ они лежали мертвыми подлѣ бочки, подъ тачкой, посреди лужи, или молча уносили ихъ къ себѣ домой. Многіе уже мыли скамьи, стулья, запачканныя въ крови рубашенки и поднимали опрокинутыя среди улицы колыбели. Но почти всѣ матери еще рыдали подъ деревьями, передъ распростертыми на травѣ мертвыми дѣтьми, которыхъ онѣ узнавали по ихъ шерстянымъ платьицамъ. Бездѣтные прогуливались по площади и останавливались передъ своими несчастными односельчанами. Мужчины, переставъ плакать, загоняли при помощи собакъ, разбредшихся животныхъ, или возились у своихъ домовъ, исправляя разбитыя окна и разобранныя крыши, между тѣмъ какъ вся деревня недвижно цѣпенѣла въ сіяніи луны, медленно поднимавшейся на небо.

ВЛАДИМИРЪ ГОРДИНЪ.

I. ПѢСНЯ СВИРѢЛЬНАЯ.

II. ДЛЯ НЕГО.

ПѢСНЯ СВИРѢЛЬНАЯ.

Тебѣ, широкоплечій могутный русскій богатырь, твоимъ раскиданнымъ вдаль степямъ, твоимъ темнымъ лѣсамъ, неисходимымъ и хмурымъ озерамъ твоимъ, скрывающимъ великую думу, — я хочу пѣть.

Тонкимъ остріемъ ножа срѣжу я гибкую тростину. Выстругаю на ней узоры бѣлые и черные. Выдолблю свирѣль голосну, жалобну. Играй свирѣль, бурли свирѣль, далече кликни, — и услышатъ тамъ въ густотравныхъ поляхъ, тамъ стеня аукнетъ густолистный лѣсъ, тамъ закатъ зарумянится, чтобъ откликнулся слава силенъ-богатырь.

Славный русскій богатырь — посмотри, вотъ сыны твои витязи со всей русской земли отъ Пскова, Володимира, Новаго города, Ростова и Кіева полегли въ ратномъ полѣ, на кровавомъ пиру. И осталось на поляхъ — лежать много бѣлыхъ костей, да горячая кровь упитала землю.

Днемъ и ночью воронье тамъ кружитъ — темная туча. Кто же побѣдитъ сыновъ твоихъ!.. Не

слышно вражьей силы — не ей побѣдить сыновъ твоихъ, не ей править тризну на полѣ ратномъ.

Эй, громче, громче кликни, богатырь, своимъ могутнымъ гласомъ, кликни сыновъ твоихъ. Пусть живѣе засѣдлаютъ коней быстроногихъ, и коней златогривыхъ, и коней, какъ огонь, пусть застегиваютъ крѣпкую кольчугу да, перекрестившись на всѣ стороны, надѣваютъ шлемъ желѣзный, да опояшутся мечомъ тяжелымъ. — Тяжекъ родимый мечъ-кладенецъ. Пусть возстанутъ, подымутся — вѣтромъ, громомъ раскатятся, заблистаютъ какъ молонья, пусть перекинутся валомъ да на вражій путь, и твердою каменной грудью загородятъ путь-дорогу къ матери — на милую родину.

Размахнись вѣрная рука — шире, шире — не дай опомниться.

Такъ — въ закатную пору, въ часъ вечера, когда небо малиново-алое, и стоитъ густой малиновый звонъ — я сижу у заснувшаго озера, а кругомъ тихо ропщетъ лѣсъ. Сижу, плету лапотки изъ мягкаго лыка, горьку думу думаю, на свирѣли тростниковой, разузоренной пою пѣсню свирѣльную.

ДЛЯ НЕГО.

I.

Для васъ пишу я, любимыя дѣти, друзья мои, маленькіе сверстники родной умершей Тани. Пишу изъ далекаго края. Не знаю, дойдутъ ли мои коротенькія строчки, пока вы растете, но все же пишу.

Вотъ ужъ годъ, какъ я собралъ своихъ питомцевъ, бездомныхъ, крошечныхъ больныхъ звѣренышей и ушелъ изъ глухихъ, темно заросшихъ, обрывныхъ береговъ рѣки Суны.

А задолго до того я конопатилъ и высмолилъ свой небольшой челнъ.

И однажды ночью, когда незаходящее солнце захлестнуло краснымъ пламенемъ край неба и потомъ вдругъ сразу прояснило свой кругъ надъ неровностью колеблющихся верхушекъ лѣса, — я всталъ на колѣни передъ видимымъ Богомъ, смотрѣлъ точно впервые на красоту его и молился.

Далеко въ темнотѣ прямыхъ неподвижныхъ стволовъ пронзительно равномѣрно стучалъ дятелъ. Съ крикомъ проснулась гдѣ-то иволга. Вспорх-

нулъ изъ-подъ ногъ тетеревъ. И тысячи маленькихъ птичекъ заговорили между собою. Огненно красныя пушистыя бѣлки легко прыгали по отвисшимъ вѣтвямъ. Брюшко ихъ пятнало зелень иглистыхъ сосенъ. — Скрытые каменистые пороги старчески тихо нараспѣвъ передавали сказанія далекихъ вѣковъ заледенѣлаго сѣвера.

Все утро тогда я ходилъ по лѣсу, прощался съ любимыми мѣстами, — мѣстами созерцанія, размышленія и маленькихъ, свѣтлыхъ молитвъ моему Богу. Потомъ нарвалъ живой нѣжной, зеленой травы, стряхнулъ съ нея чистыя слезы. Устлалъ ею лодку. На днѣ умѣстилъ своихъ больныхъ звѣрей и птицъ. Послѣдній разъ взглянулъ на свѣтлую бревенчатую келію, гдѣ провелъ столько дней и ночей въ одинокомъ отшельничествѣ. Мысленно пожелалъ радости случайному ея обитателю. Положилъ хлѣба на видномъ мѣстѣ — посреди стола. Прикрылъ его широкимъ листомъ папоротника и, тихо затворивъ за собою дверь, вышелъ.

Солнце глубоко отражалось въ рѣкѣ. Лучи его, острыми ножами скрещиваясь, разбивались о неспокойную зыбь.

Я развернулъ бѣлый парусъ. Лодка качнулась, накренилась лѣвымъ бортомъ, разрѣзала волну и съ тихимъ шумомъ поплыла по теченію мимо отвѣснаго высокаго берега. Острые зубы сѣрыхъ гранитныхъ глыбъ висѣли надъ головой. А вдали — въ сіяніи водяной пыли — виднѣлось Онежское озеро...

Весь день я плылъ, точно по расплавленному серебру. Надъ головой звенѣлъ слабый попутный

вѣтеръ. А когда солнце стало густо покрываться темной бронзой и медленно падать внизъ, я вдали увидѣлъ отлогій, радужно-зеленый холмистый берегъ Свири.

Бревенчатые домики, низкія некрашенныя церкви съ прижатыми колоколенками нанизались вдоль рѣки.

Короткая свѣтлая ночь незамѣтно -- крадучись снимала свое желтое прозрачное одѣяніе. А съ разметаннымъ червоннымъ золотомъ зари узкая полоса воды вдругъ раздвинулась.

Далеко слившись съ небомъ, плыли синія ледяныя горы — ледяныя волны безбрежія Ладожскаго озера.

Два дня и двѣ ночи я блуждалъ по широкому яростному морю. Свирѣпый вѣтеръ съ раздраженіемъ сломалъ тонкую мачту моей лодки, сорвалъ парусъ. Крошечные звѣрьки, прижавшись, неподвижно лежали на днѣ, покрытые измятой травой.

Только на третьи сутки принесло насъ къ неизвѣстному острову, загроможденному тяжелыми камнями.

Взволнованный лѣсъ темнѣлъ въ глубинѣ. Высоко надъ скалами сгибались сосны. Мѣстами тонкія березы сбѣгали по крутому, почти отвѣсному берегу въ воду.

Рѣдкимъ дымомъ туманъ расползся по всему желтопятнистому ночному небу.

Замкнутый лѣсъ и хмурыя глыбы недовѣрчиво смотрѣли на насъ съ крутой выси.

Вдругъ я почувствовалъ, какъ тѣло мое омер-

твѣло. Потерялъ силы двигаться. Окоченѣлый, упалъ на дно лодки. Глаза стали слѣпнуть. Усталыя вѣки сами закрылись, и черный сонъ всей тяжестью обрушился на меня и холоднымъ желѣзомъ сжалъ голову.

II.

Не знаю, долго ли я спалъ, но когда очнулся, — расплавленное солнце далеко ушло въ серебристое небо и смотрѣлось въ тихой морщинистой водѣ. Чуть слышная волна наскакивала на корму моей лодки.

Я приподнялся на локтѣ. Оглянулся вокругъ.

„Гдѣ я?..“

Близко стоялъ, выпрямившись, высокій старикъ въ длинной ниже колѣнъ черной рубахѣ, опоясанный кожанымъ ремнемъ. Волосы падали на шею — вились и переплетались. Бѣлая густая борода закрывала грудь. Широкой ладонью онъ отогрѣвалъ одного изъ моихъ звѣренышей.

Глаза наши встрѣтились. Онъ радостно улыбнулся, но молодые глаза его свѣтлѣе воды оставались грустными.

Голосъ его ласково прозвучалъ:

— Добраго утра, сынъ мой.

И вдругъ я вспомнилъ обезображенное лицо свое. Поднялся. Согнулъ спину. Спрятался въ ладони и громко крикнулъ.

— Не смотри сюда старикъ. Не хочу пугать тебя.

И услышалъ спокойный отвѣтъ:

— Другъ мой, твое лицо я видѣлъ, когда ты спалъ. На небѣ и на землѣ все прекрасно.

„Все прекрасно на землѣ и на небѣ, кромѣ моего лица“,—подумалъ я.

Старикъ угадалъ мою мысль. Солнечная улыбка освѣтила его. Онъ ласково чуть коснулся моихъ спутанныхъ волосъ...

— Идемъ ко мнѣ, — сказалъ онъ тихо, — въ моемъ жильѣ отдохнешь ты. И будешь жить сколько самъ захочешь.

Молча съ усиліемъ я приподнялся. Всталъ на ноги. Вышелъ изъ лодки. Собралъ своихъ крошечныхъ больныхъ питомцевъ.

Поддерживаемый увѣренной рукой старика, я съ трудомъ взбирался по крутому подъему на гору. Потомъ мы пошли равниной. Узкая тропинка пересѣкала заглушенный зеленью вѣтвей и широкимъ папоротникомъ прямой лѣсъ. Солнечныя пятна играли на свѣжей, влажной травѣ. Змѣевидная, желтая дорога изгибалась далеко впереди. Гдѣ-то сосна скрипѣла. Дубъ шевелилъ своимъ пестрымъ листомъ. Вѣтеръ гналъ траву. Тонкимъ свистомъ перекликались незнакомыя птицы. Только одни мы молчали.

Когда-то островъ треснулъ въ основаніи отъ середины до самого берега и образовалъ узкую пропасть съ темнымъ стекляннымъ дномъ... Мы обогнули пропасть. Миновали высокій холмъ, и передъ нами открылось малое озеро. Оно, точно разбитое зеркало, небрежно было брошено между скалъ около большого сада бѣлыхъ, красныхъ и желтыхъ

цвѣтовъ. Все замыкалось оградой нагроможденныхъ сѣрыхъ камней. Яркія цвѣты обвивали бревенчатыя стѣны, ползали по крышѣ лѣснаго жилья.

Мы осторожно прошли мимо высокихъ кустовъ. Двери гостепріимнаго крова были привѣтливо открыты для всякаго нежданнаго странника.

Легко перешагнулъ я порогъ. Вдоль стѣнъ стояли бѣлыя широкія скамьи. На столѣ лежали хлѣбъ и сухіе цвѣты. Въ чистомъ сіявшемъ окнѣ видны были тяжелыя вѣтви яблонь.

— Миръ и покой этому дому, — прошепталъ я тихо.

— Миръ и покой душѣ твоей, сынъ мой. Здѣсь въ молчаливомъ одиночествѣ отдохнетъ усталая, тревожная душа. И лишь когда вѣтеръ ласково трогать будетъ волосы твоей обнаженной головы и принесетъ тебѣ нѣжный запахъ чистыхъ лепестковъ — цвѣтовъ моихъ, — тогда молись, молись Богу видимому и невидимому, котораго ты знаешь.

Солнце пробилось сквозь вѣтви деревьевъ, бросило черезъ окно на устланный мягкой зеленью полъ свой золотой дождливый путь.

Я собралъ въ углу питомцевъ моихъ. Снялъ съ себя верхнюю одежду. Холодной водой долго мылъ руки, лицо. Потомъ сѣлъ за столъ...

III.

Прошла желтолистая, сухая осень, съ темными ярко-звѣздными ночами. Въ холодномъ воздухѣ все стынетъ. Не движется вода, и трава спитъ. Только

рѣдко слышенъ стонъ умирающаго листа. Оборвется онъ. Предъ смертью жалобно шепнетъ, силится сказать что-то, и снова все тихо.

Медленнымъ шорохомъ проползла бѣлая ледянистая зима. Озеро стало пустыннымъ. По немъ разбѣгался только острый вѣтеръ. Голодные волки бродили по жесткому снѣгу, затяжно выли въ пустоту бездонной ночи. Огненныя точки глазъ ихъ прожигали густую темноту.

Потомъ прибѣжала шумная и бурная весна. Мѣдный звонъ потоковъ заглушалъ громкій говоръ птицъ. Яркая зелень весело заиграла на ожившей влажной землѣ. Небо поднялось высоко и засинѣло. Пятна бѣлыхъ облаковъ распростерлись, согрѣтыя новорожденнымъ солнцемъ.

И снова идетъ лѣто, баюкаетъ меня подъ тѣнью широколистаго дуба. Пестрятъ цвѣты вокругъ нашего лѣсного жилья.

Вотъ уже годъ, какъ я живу на томъ загроможденномъ тяжелымъ гранитомъ неизвѣстномъ островѣ. Среди глубокихъ, говорливыхъ, нескончаемыхъ водъ большого Ладожскаго озера. Этотъ годъ порой мнѣ кажется однимъ тихимъ мгновеніемъ.

Полдень. Сижу на краю огромнаго чернаго камня. Тонкая, прозрачная ткань воды силится разостлать свою серебротканную простыню. За спиною слышенъ тревожный гомонъ лѣса. Долго смотрю вверхъ на далекія пуховыя облака и мнѣ кажется, плыву въ тихую безконечность...

Не могу забыть — все еще передъ глазами вчерашній праздникъ, радостный праздникъ цвѣтовъ.

Съ утра къ острову начали приставать разукрашенныя вѣнками изъ травъ длинныя лодки. Парни, молодыя дѣвушки съ веселымъ крикомъ и пѣніемъ легко взбираются, бѣгутъ по крутому подъему почти отвѣснаго берега. Цѣлуютъ старца. Здороваются со мной. Потомъ придумываютъ игры.

Въ полдень солнце смотритъ въ глаза. Мы всѣ садимся въ кругъ на яркой лужайкѣ.

Послѣ трапезы дѣвушки рвутъ цвѣты. Плетутъ вѣнки и вполголоса поютъ, а парни тихо дополняютъ старинную пѣсню.

Но вотъ закатъ близится. — Солнце темнымъ огнемъ зажигаетъ воду и небо. — Мы провожаемъ гостей.

Отъ суеты и громкихъ перекликовъ пугаются птицы. — Улетаютъ. Одинъ за другимъ поднимается бѣлый парусъ. Разъ, два, три — весла задѣваютъ спокойную волну, — и лодки далеко за горой, камнемъ брошенной въ озеро.

А мы жмуримъ глаза. Закрываемся ладонями. — Долго такъ стоимъ на берегу. — Слушаемъ далекій звонъ пѣсни. Ярко расшитыя платья и головы, убранныя цвѣтами, молодыхъ дѣвушекъ пестрятъ надъ червоннымъ кругомъ солнца, слегка коснувшагося золота воды.

Челны огибаютъ синюю черту остраго молчаливаго выступа и медленно пропадаютъ за поворотомъ. Больше не показываются. Мы все еще ждемъ, а ихъ нѣтъ... Тихо...

Солнце ушло въ глубину озера. Только небо долго не гасло. Горѣло жаркимъ огнемъ. Вѣтерокъ

вдругъ прорвался сквозь лѣсъ, прошумѣлъ и застылъ. — Нагналъ заколдованный сонъ.

Кто-то коснулся моего плеча. Я обернулся. Рядомъ неподвижно стоялъ онъ и смотрѣлъ въ глубину моихъ глазъ, — опускался на дно души этотъ близкій, а, можетъ быть, и чужой старикъ. Неизмѣнное его одѣяніе, — черная, длинная, ниже колѣнъ рубаха опоясана была кожанымъ ремнемъ. Бѣлая мягкая борода играла на широкой груди. Темныя густыя брови сдвинулись надъ свѣтлыми ушедшими внутрь глазами. Тонкіе, сѣдые волосы сплетались и вились вокругъ шеи.

— Какой ты великій, — воскликнулъ я. — Предъ тобой паду на колѣни... Сегодня снова видѣлъ Его на землѣ... Только въ радости... Слушай, — я когда-то любилъ земной любовью подругу моего дѣтства, потому что близка стала ея дочь. — Но я не былъ любимъ... Потомъ дѣвочка случайно умерла, сгорѣла въ пожарѣ... Да. — Ея больше нѣтъ... Душа блуждаетъ въ пустынѣ неба... Думалъ спасу Таню, — и только обезобразилъ лицо свое... Для себя ничего не осталось больше. Пошелъ скитаться по широкому міру — съ востока на западъ, съ юга на сѣверъ... Долго въ уединеніи искалъ покоя. И все же душѣ мало казалось величественной красоты, окружавшей меня, она просила иного... Вдругъ невидимыя руки судьбы принесли сюда... Какъ ты достигъ того?..

— Идемъ, — сказалъ старикъ спокойно. Голосъ его чуть дрогнулъ. Онъ взялъ мою руку. Узкая тропа

передъ нами молча развернулась. Въ глубокомъ созерцанiи мы тихо шли.

Неожиданно онъ ласково провелъ рукой по моей спинѣ. И снова заговорилъ:

— Вотъ теперь, сынъ мой, я разскажу тебѣ. — Быть можетъ удастся въ немногихъ словахъ описать свою жизнь. Начертать передъ тобой тотъ путь, по которому пришелъ сюда.

Вдругъ онъ замолкъ. Неугасаемый вечеръ распростерся надъ живыми, подвижными верхушками лѣса. Заскрипѣлъ и треснулъ гдѣ-то сухой стволъ. Ломались окостенѣвшiе сучья подъ ногами.

Старческiй ровный, высокiй голосъ пробудилъ меня отъ овладѣвшей мной зыбкой мысли.

IV.

Въ молодости я былъ въ школѣ живописи, — началъ такъ старикъ. — Предъ окончанiемъ собрался на лѣтнiя работы. Избралъ сѣверную деревню. Прiѣхалъ туда утромъ рано. Солнце еще пряталось за лѣсомъ, и только острые лучи его золотились между зеленью сосенъ. Желто-песчанная дорога врѣзывалась въ сельскую улицу. Длинная съ двумя рядами неровныхъ бревенчатыхъ избъ, — она часто пересѣкалась кривыми узкими переулками, тупиками. — Мальчишки бѣгали, гонялись за курами. Шумное стадо съ крикомъ подняло густую сѣрую пыль, на мгновенiе заслонившую собой небо. Когда песчаная туча разсѣялась, улеглась, лошади мои остановились на заросшей травой соборной площади.

Не зналъ куда ѣхать дальше.

Какъ вдругъ издали замѣтилъ торопливо приближавшихся ко мнѣ двухъ молодыхъ дѣвушекъ. — Обѣ въ легкомъ прозрачномъ одѣяніи. Обнаженныя тонкія дѣтскія руки и крошечныя босыя ноги сіяли бѣлизной на солнцѣ. Нѣжныя хрупкія тѣла обрисовывали собой двѣ невысокія тѣни на стѣнѣ. Головы повязаны были сплетеннымъ вѣнкомъ изъ тяжелыхъ косъ.

— Юлія ... Варварушка ... — радостно зову я ихъ.

— Чего вы такъ запоздали? А мы давно ждемъ... каждое утро ...

Крѣпко взялись за руки. Раскраснѣвшіяся, съ возбужденнымъ взглядомъ, обѣ дѣвушки стояли около меня.

Первый разъ я ихъ видѣлъ рядомъ.

Варварушкины волосы, точно свѣтлый шелкъ. Глаза широко раскрытые, синіе, ушедшіе въ глубь ясной души. Вся осторожность. Робкая, медлительная. А у другой темно-красная голова растрепалась, зрачки выпуклые, зеленоватые. Удивленные, насмѣшливые глаза на подвижномъ, задорномъ лицѣ, чуть прятались подъ густыми бровями. Яркія губы замкнули маленькій ротъ.

Варварушка, полная ласки, самоотверженности, прижалась ко мнѣ такъ близко. Да, но любилъ я гордую, надменную Юлію. Она меня унижала, высмѣивала въ самомъ дорогомъ. Издѣвалась надъ мной. Не щадила моихъ святынь. А я все-таки стремился къ ней, только къ ней.

Варварушка еще втайнѣ на что-то надѣялась, хотя давно знала, какъ я люблю ея подругу.

Звала меня въ деревню... Развѣ она не знала, ради кого я стремился, и все-таки на добромъ лицѣ свѣтилась радость встрѣчи.

— Здравствуйте, дорогія...

Я пожималъ по очереди маленькія, хрупкія руки, тонкіе пальцы. Потомъ усѣлись мы въ экипажъ. Бубенцы затянули звонкую пѣсню. Лошади рванулись. Безлюдная, пыльная улица пролетѣла мимо. Деревенскія собаки съ дикимъ лаемъ догоняли насъ. У деревянной, низенькой рѣшетки сада къ намъ подошелъ отецъ Варварушки. Высокій, съ малой просѣдью. Бритый подбородокъ и стриженные усы молодили открытое лицо. Гордая, красивая голова смотрѣла весело.

— Вотъ и хорошо, что пріѣхали. Мы давно васъ ждемъ. Дѣвочки каждый день по утрамъ бѣгаютъ на дорогу. Смотрятъ въ даль...

— И неправда... Вовсе нѣтъ...

Онъ осторожно сталъ всѣмъ намъ помогать выйти изъ высокаго, старомоднаго экипажа.

Заныла одностворная дверь передней. Мы вошли въ большую низкую комнату. Тяжелый диванъ, широкія кресла, стулья краснаго дерева бережно разставлены были съ обдуманной правильностью. Полъ свѣже вымытъ, еще влажный. На немъ скрестились полосатыя дорожки. Сквозь густыя вѣтви яблонь изъ сада черезъ небольшое окно заглянуло круглое солнце. Ярко освѣтило бѣлыя стѣны, темныя картины на нихъ. Заблестѣли серебро и

позолота ризъ старинныхъ иконъ. Высокія пальмы простирали свои зеленыя руки къ потолку.

— Какой радостный, хорошій день...

Невольно соскользнули слова эти съ устъ Варварушки. Восторженное лицо зажглось. Смутилась. Нагнулась въ тѣнь цвѣтка. Скрыла ясный взглядъ свой, отражавшій одну преданность.

Но какъ быть? Вѣдь я любилъ только Юлію, неблагодарную, жестокую Юлію.

V.

Вѣтеръ прошелъ, размахивая невидимымъ надъ нашей головой. Качнулись вѣтви. Листья взроптали. И въ одно мгновеніе все снова недвижимо стало въ глухомъ полумракѣ неугасаемой ночи.

Вотъ я пришелъ къ самому тяжелому въ своей жизни. Вздохнулъ старикъ и заговорилъ снова.

— Не забуду той ночи. Днемъ мы гуляли въ лѣсу. Молодой безусый лейтенантъ былъ все время около Юліи. Не отходилъ отъ нея. Она опиралась на его руку. Они другъ другу отдавали столько вниманія. Никого не видали вокругъ. Неудержно вдругъ захотѣлось мнѣ проявить себя. Сталъ бросать острыя замѣчанія. Загорѣлась ссора... Сознаніе мое спуталось. Не знаю, какъ это вышло — отвратительно. Я неожиданно плюнулъ ему въ лицо... Насъ розняли...

А поздно, ночью я незамѣтно, какъ тихая тѣнь, прокрался въ садъ. Прошелъ по старой густолиственной липовой аллеѣ.

Бѣлый, острый серпъ луны врѣзался въ зеленое небо. На краю горизонта звѣзда играла со своимъ отраженіемъ въ водѣ. Съ открытыми глазами, но какъ слѣпой, беззвучно ступалъ я по мягкой, сырой дорожкѣ. Зналъ давно любимое мѣсто Юліи. Былъ увѣренъ, что тамъ найду ее. Невидимыя нити обвились вокругъ всего моего тѣла и тянули къ ней.

Засталъ я ее полулежавшую, облокотившуюся на скамьѣ, на берегу пруда. Она низко опустила голову. Лица не видно было.

Робко и виновато подошелъ я. Молча, покорно опустился у ея ногъ.

— Простите, — простоналъ я въ отчаяніи.

— Если я до сихъ поръ только не любила васъ, то сейчасъ презираю...

Прокричала она въ раздраженіи.

Приподнялась во весь ростъ. Минуту размышляла о чемъ-то. Потомъ небрежно ногой отстранила мою голову. И молча повернула къ дому.

Стихли шаги.

Я все лежалъ на травѣ въ тяжкомъ, мучительномъ забытьѣ. Ничего не нужно стало. Все показалось ничтожно, все смѣшно. Глаза сами собой замкнулись. Густой мракъ стянулся надо мной и покрылъ душу. Неоткуда было ждать спасенья... Вдругъ почувствовалъ прикосновеніе маленькой, теплой, ласковой руки. Кто-то обнялъ меня. Я

очнулся. Раскрылъ омертвѣвшія вѣки. Близко сидѣла Варварушка. Тихонечко положила мою голову на свои колѣни.

— Варварушка, — воскликнулъ я. — Всѣмъ существомъ чувствую вашу красивую, бѣлокрылую душу. Хочется говорить, разсказывать вамъ все, — плакать около васъ и тихо ласкать... Но люблю я Юлію.

Она сомкнула пальцы и надолго закрыла ими лицо.

— Какъ больно... Господи, помоги мнѣ. — Мучительный стонъ сорвался съ ея губъ. Порывисто вскочила. Простерла куда-то руки, и словно страхъ настигалъ ее, она пустилась бѣжать — къ дому. Бѣлое платье мелькнуло среди кустовъ.

Въ тайномъ предчувствіи я, задыхаясь, пустился по слѣдамъ. Вѣтви больно задѣвали лицо. Били по рукамъ. Но едва успѣлъ приблизиться, какъ иглы искололи сердце. Я услышалъ глухой стукъ паденія. И крикъ, раздробленный на тысячу криковъ, разнесся по всему саду.

Вижу ясно, точно это совершилось сейчасъ. Варварушка бросилась головой, съ разбѣгу ударилась объ стѣну. И неподвижно распростерлась подъ окномъ. Лицо уткнулось въ землю. Волосы спутались. На блѣдной обнаженной шеѣ раскрылась маленькая рана, а на ней полоска крови.

Какъ покорнаго ребенка, я приподнялъ на руки раненую дѣвушку. Унесъ ее въ теплую, уютную, мягкую комнатку. Бережно, чуть слышно положилъ на постель.

Всю ночь мы втроемъ прождали у кровати.

Отецъ растерялся. Губы жутко улыбались. А съ отвислыхъ бритыхъ щекъ падали капельки слезъ.

На разсвѣтѣ только она очнулась.

Голосъ старика оборвался. Онъ долго не могъ найти нити — связать. Никогда я не видѣлъ такихъ наполненыхъ кровью — красныхъ глазъ.

— Вы понимаете, — приблизилъ онъ ко мнѣ свое желтое, испещренное лицо настолько, что я невольно ловилъ его дыханіе, — Варварушка перестала узнавать насъ. Водила, какъ слѣпая, открытыми выцвѣтшими бѣлыми зрачками, но ничего не видѣла. Тихо смѣялась, безъ всякой мысли на лицѣ. Никто еще никогда не слышалъ высокаго мягкаго звонкаго голоса стыдливой, замкнутой дѣвушки, — и вдругъ она запѣла. Нѣжное, бурное пѣніе ея исходило изъ тайно скрытыхъ, богатыхъ источниковъ души.

И отецъ ея, со свойственнымъ ему быстрымъ движеніемъ, неожиданно подошелъ ко мнѣ, почти коснулся моей груди. Больно сжалъ у кисти руку. Глубоко заглянулъ острымъ взглядомъ внутрь моихъ глазъ. И тихо зашевелились искривленныя губы. Можетъ быть, мнѣ послышалось, только будто онъ шепнулъ:

— Люди васъ за такое убійство судить не станутъ. Не найдутъ статьи закона...

— Но есть другой... страшнѣе... судъ Божій... — прохрипѣлъ я.

Голова моя покрылась мрачнымъ и душнымъ туманомъ. Черное окутало меня всего. Я оглохъ. Смутно только слышалъ вокругъ себя далекій шумъ и суету. Но двигаться уже не могъ больше.

VI.

Послѣднія слова старикъ произнесъ у порога нашего лѣсного жилья. Дверь была полуоткрыта. Молчаливыя сумерки сгустились. Смутныя тѣни вырастали по угламъ. Ползли къ дощатому потолку.

Онъ сѣлъ за столъ. Руками обнялъ голову. Задумался. Долго смотрѣлъ. Сверлилъ точку въ стѣнѣ. Потомъ высоко приподнялъ густыя брови. Перевелъ свой взглядъ на меня.

— То, что намъ кажется случайнымъ, навѣрное имѣетъ свой законъ. А извѣстенъ онъ только одному вездѣсущему Богу... Какъ я сюда попалъ?..

Въ монастырѣ Иверской Божьей Матери, что на Валдайскомъ озерѣ — я прожилъ недолго смиреннымъ послушникомъ. Въ одну грозную ночь, когда порывы вѣтра сгибали старый дубъ почти у корня, а небо кидало бѣлый огонь, со страшнымъ грохотомъ, отъ котораго дрожала земля, скатывались камни грома въ темную пропасть, — я бѣжалъ оттуда. . . . .

. . . .

. . . Мнѣ показалось, все погибаетъ. Холодный страхъ угналъ меня одиноко брошеннаго дальше отъ тѣхъ стѣнъ. Бѣжалъ въ невѣдомую черную пустоту ночи, гдѣ порой вспыхивали бѣлыя костры и яростно скатывались камни въ бездну. Волны простерлись надъ глубиной озера, яростно ударялись о берегъ.

Отчаяніе придало мнѣ силу и смѣлость. Я не размышляя сѣлъ въ крошечную лодку. И меня сразу отшвырнуло далеко на середину.

Маленькая скорлупа то поднималась, высоко во мракъ ночи, то тонула въ кипящей смолѣ воды. Въ этотъ длинный путь все пережитое до мелочей растянулось предо мной. Чудилось, быть можетъ, и не одна, а много жизней — вокругъ меня образовали свой хороводъ. Тѣмъ временемъ я жестоко боролся. И когда уже сталъ терять надежду, я вдругъ побѣдилъ...

На сушѣ подо мною вздувалась и плясала земля. Я восторженный легъ и цѣловалъ ее влажную. Творилъ молитву. Благодарилъ Господа, какъ могъ, своими словами, чѣмъ говорило сердце — за спасеніе воскресшей души.

VII.

На другое утро съ котомкой за спиной и толстымъ посохомъ въ рукахъ пустился въ путь. Долго пѣшкомъ переходилъ изъ одной деревни въ другую. Видѣлъ нужду, голодъ, тяжкія болѣзни. Я тихо ропталъ. Нечѣмъ помочь. Искалъ, раздумывалъ надъ незамѣтнымъ путемъ, который бы внесъ хотя бы одну слезу радости, красоты въ жизнь этихъ большихъ дѣтей. Съ такой мыслью я дошелъ до большого Ладожскаго озера. Тамъ купилъ маленькое судно. Развернулъ свой свѣтлый парусъ. И поплылъ неизвѣстно куда.

„Изъ моего далекаго уединенія, быть можетъ, достанетъ одинъ согрѣтый лучъ и освѣтитъ на

мгновенье чью-нибудь мутью окутанную маленькую жизнь... Несись же, душа, вслѣдъ за попутнымъ вѣтромъ. А вѣтеръ будетъ гнуть тонкую мачту, надувать бѣлый парусъ".

. . . .

Приближался позднiй закатъ, когда первый разъ ступилъ на тотъ черный камень — этого острова.

Солнце наполовину спряталось за верхушки лѣса. Красныя полосы опускались по небу. Я шелъ вглубь по узкой тропинкѣ, среди густоты стволовъ сосенъ, дуба. И вдругъ на дорогѣ выросла лѣсная хижина. Дверь раскрыта. Внутри жило, привѣтливо, какъ теперь. Я у порога нагнулъ голову, вошелъ, сѣлъ за столъ и сталъ ждать обитателя. Только глаза неожиданно сузились, перестали видѣть. Усталость нагнала темень. Я началъ засыпать.

Разбудило меня раннее проснувшееся утро. Вѣтеръ тонкой вѣткой ударилъ въ окно.

Никто такъ и не пришелъ. Жилье это покинуто, — рѣшилъ я.

Кругомъ невѣдомо чьими руками все засыпано было сочной плодотворной землей и наполовину обнесено сѣрыми осколками камня.

Здѣсь собирались сѣять. Но что?..

Молнiей освѣтила меня одна мысль. И она больше не давала покоя моей душѣ.

И однажды на разсвѣтѣ съ нечеловѣческимъ напряженiемъ сталъ скатывать огромные камни. Кончать кѣмъ-то начатый трудъ. Огородить будущiй садъ цвѣтовъ. Эта тяжелая работа тянулась

медленно, отнимала всѣ мои силы. Но вотъ она завершилась. Нужны только сѣмена. И я поѣхалъ далеко — за озеро...

Послѣ длинной, мертвой зимы и живой яркой весны земля густо расцвѣла всѣми красками, а подъ окномъ зазеленѣлъ свѣжій листъ юной яблони. Пришла пора лѣта и солнца. Я срѣзалъ много кустовъ распустившихся розъ, маковъ. Нагрузилъ дно своего челна и поплылъ на островъ. Всюду разносилъ по сосѣднимъ деревнямъ цвѣты.

Старики крестьяне хмурились, глядѣли подозрительно, какъ на праздношатающагося или помѣшаннаго.

У насъ хлѣба нѣтъ, а онъ съ цвѣтами... Никогда еще не видано было...

Но молодежь лучше поняла. Первыя радостныя привѣтствія меня пріободрили...

Теперь вотъ уже двадцатое лѣто, какъ парни и дѣвушки съѣзжаются сюда устраиваютъ здѣсь веселый праздникъ цвѣтовъ... двадцатый праздникъ...

— Господи, удостой меня, принести съ собой людямъ хоть малую долю красоты, тогда я буду знать, что не даромъ жилъ, и что душа моя желанна Тому, Кто распятъ былъ для спасенія міра.

Старикъ вдругъ простеръ дрожащія руки къ небу. Лицо его освѣтилось раннимъ алымъ лучомъ червонно-золотого солнца. Онъ величественно привсталъ во весь ростъ. Глаза далеко углубились и озарили дно.

Все разсказанное старикомъ медленно проходитъ въ памяти. Пытливо вглядываюсь. И, какъ могу, записываю на мелкихъ листочкахъ. Тонкія строчки нанизываю, сидя на темной глыбѣ конь-камня, недалеко отъ глубины озера. Дойдутъ ли онѣ до васъ, родныя, любимыя дѣти, маленькіе сверстники моей умершей Тани?

Что если старикъ правъ, — если вся радость жизни только въ красотѣ цвѣтовъ, которые онъ сѣетъ. Кто знаетъ?..

— Гдѣ Ты? Тебя ищу я, — единственный, взошедшій однажды въ кровавомъ вѣнцѣ на Голгоѳу для спасенія міра. Для дивнаго царства Твоего жить хочу...

Больше нечего сказать сейчасъ. На томъ оборву.

Широкій просвѣтъ синей тучи поднялся выше и открылъ вечернее солнце. — А большой красный клубокъ катится все ниже, ниже — на дно Моря-Озера.

В. СВѢТЛОВЪ.

ВЪ СТРАНѢ НЕДОЖИТЫХЪ ЖИЗНЕЙ.

Темнѣетъ ночь передъ зарею на высоко вознесенной къ небу скалѣ. Густыми клубами ночь ползетъ изъ бездонной пропасти, и заря, льющая свѣтъ съ недоступныхъ высотъ вышнихъ престоловъ, еще не осилила тьмы.

И темнѣетъ, все темнѣетъ ночь передъ зарею на высоко вознесенной скалѣ между недосягаемымъ небомъ и бездонной пропастью.

На ровномъ скользкомъ уступѣ скалы стремится къ небу высокая стѣна, тоже ровная и скользкая безъ выступовъ. Въ этой стѣнѣ тьмы темъ пещеръ, въ которомъ пребываютъ Недожитыя Жизни. У каждой изъ нихъ узелокъ, въ которомъ сложенъ тщательно грузъ жизни, принесенный сюда, въ среднее убѣжище между Пропастью и Высотою.

Каждую новую зорю спускаются сюда съ высоты неба Неродившіяся Души, и каждая изъ нихъ должна выбрать себѣ изъ остатковъ Недожитыхъ Жизней грузъ, чтобы съ нимъ явиться на землю.

Въ стѣнѣ — узкія врата, охраняемыя Захаріэлемъ. Захаріэль — начальникъ Властей, вѣдающій осво-

божденными отъ тягостей жизни душами. Онъ стоитъ у вратъ и осматриваетъ безплотныя души и пропускаетъ ихъ въ узкое отверстіе вратъ, въ безпредѣльную страну Небытія.

У остраго отвѣснаго края скалы, низвергающейся въ бездну, стоитъ Орифіэль — начальникъ Престоловъ и покровитель созданныхъ жизней.

Земныя души, пребывающія въ пещерахъ, въ ожиданіи избавленія отъ остатковъ жизни, недожитой на землѣ, какъ имъ было назначено Рокомъ, тоскуютъ въ страшныхъ страданіяхъ отъ невозможности уйти изъ этого печальнаго мѣста, уйти туда, гдѣ они зародились когда-то, туда, откуда каждую новую зорю возстаетъ свѣтъ далекой высшей жизни.

И каждую новую зорю наступаетъ для нихъ мгновеніе новой надежды.

Густые клубы ночи, извиваясь кольцами, какъ чудовищныя змѣи, становятся рыжеватыми и робкими и уходятъ, наконецъ, въ бездонную пропасть, уступая приходу золотисто-розовой зори.

Тамъ, въ безконечныхъ пространствахъ притаятся они до самаго вечера, подстерегая уходъ зори.

Вотъ она пришла.

На угрюмой скалѣ просіялъ радостный день. Съ недосягаемыхъ высотъ льетъ на нее мягкій и ровный, благоухающій и благозвучный свѣтъ далекой, далекой родины, и слышны за этими свѣтлыми облачками смутные возгласы Серафимовъ и Херувимовъ, Престоловъ Властей, Могуществъ, Ангеловъ, Архангеловъ и всего базчисленнаго Воинства, прославляющаго Творца Сущаго и Несущаго.

И какъ только на скалѣ воцаряется день, такъ голоса эти умолкаютъ.

Начинается базаръ Недожитыхъ Жизней.

Анаэль, властитель Путей Жизни, приводитъ изъ-за высокой непреступной стѣны сонмъ Неродившихся Душъ и оставляетъ ихъ на скользкомъ уступѣ скалы.

— Иди ко мнѣ! — взываетъ къ выдвинувшейся изъ толпы Неродившейся Душѣ изъ пещеры одна Недожитая Жизнь.

— Скорѣе иди сюда! Моя пещера ближе къ тебѣ и въ моемъ узелкѣ остались еще хорошія вещи, которыя могутъ пригодиться тебѣ на землѣ. Мнѣ они больше не нужны. Они только держатъ меня на скалѣ своею тяжестью и я не могу отъ ихъ тяжести подняться туда, откуда ты пришла Неродившаяся Душа, откуда когда-то пришелъ и я и куда мнѣ такъ хочется теперь переселиться. Иди же скорѣй ко мнѣ, не бойся! Чѣмъ больше возьмешь ты у меня, тѣмъ будетъ лучше. У меня много еще осталось. Не бойся робкая душа!

Многія души разбрелись по безчисленнымъ пещерамъ.

И робкая душа подходитъ къ пещерѣ, изъ которой звалъ ее голосъ.

— Кто же ты? — спрашиваетъ она.

— Я — поэтъ. Ты видишь, я не обманулъ тебя. У меня есть чѣмъ поживиться.

Но въ сосѣдней маленькой пещерѣ раздался смѣхъ.

— Не вѣрь ему, Неродившаяся Душа! — говоритъ

шепелявый голосъ сосѣда. — То есть, вѣрь, что онъ поэтъ. Но не вѣрь тому, что у него остались хорошія вещи. Ибо что такое поэтъ? Поэтъ кричитъ объ аристократичности искусства, о красотѣ формы, о силѣ воображенія. Вѣдь это вздоръ! Выведи его на свѣтъ, на настоящій свѣтъ солнца, и при настоящемъ свѣтѣ солнца онъ покажется тебѣ намалеваннымъ паяцомъ, вышедшимъ съ своими дешевыми погремушками на торжище жизни.

— А ты кто? — спросила робкая душа. — Кто ты, что говоришь такъ властно и смѣло?

— Я-то? Я техникъ. У меня былъ на землѣ металлургическій заводъ. Я кормилъ много людей, давалъ имъ работу, я дѣлалъ разныя вещи на пользу человѣчеству, безъ которыхъ никому не обойтись въ жизни. У меня остались еще очень практичныя вещи: упрямство въ достиженіи цѣли, стальная выдержка, ограниченіе жизненныхъ потребностей... Я не дожилъ своей жизни, потому что меня убилъ рабочій, которому я отказалъ въ обратномъ пріемѣ на заводъ, послѣ стачки. Онъ говорилъ, что раскаялся, оттого, что у него больная жена и отъ голода умираютъ дѣти. Я далъ ему золотую монету, чтобы отъ него отдѣлаться, но онъ крикнулъ мнѣ: „я не подаянія прошу, а работы". Я велѣлъ его выгнать со двора, а онъ схватилъ кусокъ стальной рельсы и ударилъ меня по головѣ. Я упалъ, обливаясь кровью, и жизнь моя пресѣклась.

— О, замолчи! — перебилъ его поэтъ. — Я никому не дѣлалъ въ жизни зла, и я умеръ оттого, что мнѣ стало тяжко жить среди тупого мѣщан-

ства современнаго общества. Я пустилъ себѣ пулю въ лобъ. Но могу тебя увѣрить, робкая душа, что одинъ прекрасный стихъ сдѣлалъ человѣчеству больше добра, чѣмъ всѣ шедевры металлургiи.

Техникъ засмѣялся.

— Вотъ смѣшно! — проговорилъ онъ. — Твое искусство давно осмѣяно общественнымъ мнѣнiемъ. Дѣйствительная жизнь не такова, какъ вы, далекiе отъ жизни пустые мечтатели, ее представляете. Вы — въ полуснѣ, въ полудремѣ; счастье, которое вы сулите, призрачно; оно — внѣ васъ, оно въ жизни, отъ которой вы отказались. Ваше искусство умираетъ, потому что ваше искусство — искусство людей съ изнуреннымъ умомъ, изнервленнымъ сердцемъ, извращеннымъ воображенiемъ... Вы устали жить и потеряли вкусъ къ жизни... Вы изобрѣли „аристократизмъ" искусства, недоступность его для людей мысли, понятныя немногимъ избраннымъ, и въ этомъ ваша гибель...

Робкая душа боязливо металась между двумя затѣявшими споръ торговцами жизни. Она почти ничего не поняла изъ того, что они говорили, и недоумѣвала, что ей дѣлать, у кого и что взять.

Наконецъ, она подошла къ поэту и спросила:

— Что можешь ты мнѣ уступить изъ твоихъ даровъ?

— Бери все! — обрадованнымъ голосомъ отвѣтилъ тотъ.

— Нѣтъ, это много. Я боюсь, что съ такимъ грузомъ мнѣ будетъ тяжело жить на землѣ. Дай что-нибудь одно, небольшое и не тяжелое.

Поэтъ досадливо улыбнулся.

— Хорошо. Я великодушенъ. Я дамъ тебѣ даръ подмѣчать то, что никто не видитъ. Хочешь? Ты будешь наблюдать то, что у другихъ проходитъ мимо сознанія. И на основаніи этихъ наблюденій ты будешь проникать въ психологію людей, съ которыми тебѣ придется видѣться.

— Несчастная! — вскрикнулъ техникъ, высовываясь изъ окна своей пещеры. — Какъ тебѣ трудно будетъ жить! Ты во всѣхъ людяхъ увидишь мерзавцевъ...

Но поэтъ уже вручилъ свой даръ робкой душѣ. У него осталось отъ жизни всего нѣсколько золотниковъ наблюдательности, и онъ поспѣшилъ цѣликомъ отъ нея отдѣлаться.

— А чтобы тебѣ не очень тяжело было, — поспѣшилъ онъ смягчить впечатлѣніе отъ словъ своего врага, — то вотъ тебѣ еще нѣсколько золотниковъ идеализаціи. Это очень цѣнный даръ. Все скверное тебѣ будетъ казаться лучше, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ. И ты будешь жить, какъ въ раю, среди выдуманныхъ тобою образовъ.

И, не дожидаясь ея согласія, онъ вложилъ ей послѣдніе, оставшіеся у него, золотники этого дара.

Робкая душа поспѣшно отошла отъ него.

— Я и у тебя возьму, — сказала она испуганнымъ голосомъ технику.

— Я думаю! — засмѣялся тотъ. — Вотъ не хочешь-ли твердую, какъ закаленная сталь, волю? Или желѣзное сердце? А можетъ быть тебѣ больше нравится чугунное упрямство?.. Возьми, что хочешь.

Ты идешь въ далекій и долгій путь, и тебѣ необходимы эти вещи. Да, вотъ что. Возьми все; у меня и осталось-то всего пудовъ двадцать всякихъ даровъ жизни.

Но робкая душа испугалась такого жизненнаго груза и молча отошла отъ его пещеры, взявъ у него то, что показалось ей попрочнѣе и поцѣннѣе.

У другихъ пещеръ тоже шла торговля.

Робкой душѣ было тяжело съ ея грузомъ, такъ какъ она пріобрѣла у техника нѣсколько фунтовъ стальной воли, что значительно увеличило легкій грузъ, пріобрѣтенный ею у поэта.

Въ одной изъ пещеръ сидѣла женщина. Внутри этой пещеры слышалась веселая музыка, среди которой вспыхивали и потухали соблазнительные образы въ прозрачныхъ одеждахъ изъ легкихъ разноцвѣтныхъ тканей.

— Добрыя души! — взывала она къ проходящимъ, — я много терпѣла въ жизни и мнѣ хочется вернуться на родину, гдѣ нѣтъ ни оскорбленій, ни слезъ, ни лишеній. Но оставшійся грузъ жизни еще очень великъ и онъ мѣшаетъ мнѣ подняться къ горнымъ высотамъ. У меня берутъ неохотно. Освободите меня, молю васъ, изъ этого тяжелаго плѣна.

— Но кто ты? — спросила одна изъ проходившихъ мимо Неродившихся Душъ.

— Я куртизанка. Я начала земную жизнь счастливо: я любила. Но тотъ, кого я любила, кому хотѣла отдать жизнь, жестоко посмѣялся надо мною. Я возмутилась. Я не хотѣла быть рабой. Я свободно

выбрала его душу своимъ убѣжищемъ и жила въ ней; но скоро мнѣ стало холодно и неуютно въ ней. Тяжелое молчаніе встало между имъ и мною. Наступила ночь, которой онъ не замѣтилъ. И нѣчто ужасное и темное рождалось отъ этого союза безмолвія съ тьмою, то ужасное, отъ чего происходитъ человѣческое горе. И голосъ духа умеръ во мнѣ, и я ушла въ жизнь и стала искать другого убѣжища и пріюта... Но ничего не находила... И вотъ, когда за плечами два года сплошного благоразумія — безуміе становится необходимостью, какъ предохранительный клапанъ темперамента. И я стала безумствовать. И я стала любить. Не людей любила я, а любовь, самую любовь.

— Тебѣ весело было жить? — спросила одна изъ столпившихся у ея пещеры душъ.

— Очень, очень весело! — съ горькимъ смѣхомъ возразила куртизанка. — Я пѣла пѣсни и пила вино; я душилась дорогими духами и одѣвалась въ дорогіе наряды. Ночь проходила, какъ день, а днемъ я спала. Лицо мое было разрумянено... Такъ было весело, что я наложила на себя руки. Я думала, что попаду на небо за тѣ страданія, которыя я испытала на землѣ, что передъ престоломъ неба я принесу покаяніе и очищусь. Но у меня осталось много еще житейскаго груза и онъ держитъ меня здѣсь и мнѣ не подняться. Кто хочетъ взять часть его у меня? Не хочешь ли ты? А ты, вотъ эта душа? Возьмите скорѣе хоть что-нибудь. Все-таки моя жизнь веселая...

И она такъ жалобно молила и плакала, стонала

и кричала, что многіе брали у нея золотниками горести ея жизни: нездоровое любопытство, дѣланное безстыдство, алчность, привычки ночного бдѣнія и дневной сонливости, развращенное воображеніе.

И робкая душа протолкалась впередъ съ дарами поэта и техника въ рукахъ. И дары эти уже начинали дѣйствовать: прозорливо наблюдала она, какъ терзалась куртизанка, предлагая свои дары, обуреваемая смертельнымъ испугомъ, что никто не возьметъ ихъ, послѣ ея откровенно вылившейся рѣчи, и робкая душа стала идеализировать куртизанку и ея земную жизнь. Всѣ ея горести приписала она несчастно сложившимся обстоятельствамъ ея первой неудачной любви. И ей показалось, что если она пріобрѣтетъ у куртизанки развращенное воображеніе, то у нея хватитъ стальной воли, взятой у техника, чтобы покорить это воображеніе и не давать ему слишкомъ разыгрываться.

Облегчивъ куртизанку, она отошла отъ пещеры, и пошла по гладкой поверхности скалистаго уступа къ тому острому краю, на которомъ стоялъ Орифіэль, покровитель сформированныхъ жизней.

Острое пламя горѣло въ его странныхъ и страшныхъ зрачкахъ и таинственная, внутренняя воля выпрямляла его длинную и худую фигуру.

Онъ оглядѣлъ подошедшую къ нему душу.

— Ты хочешь на землю? — отрывисто спросилъ онъ ее звонкимъ, какъ металлъ, голосомъ.

— Да, я хочу воплотиться, Орифіэль.

— Готовъ ли твой жизненный грузъ?

— Да, Орифіэль, я пріобрѣла его на базарѣ Недожитыхъ Жизней.

— Вотъ вѣсы, — сказалъ покровитель сформированныхъ жизней. — Клади на эту чашу твои пріобрѣтенія.

И робкая душа, терзаемая страхомъ, положила на чашу вѣсовъ дары наблюдательности, идеализаціи, твердой, какъ сталь, воли и безформенный комокъ развращеннаго воображенія.

Чаша вѣсовъ опустилась, но не вытянула всего груза, положеннаго Орифіэлемъ на другой чашѣ.

— Вѣсъ твоей жизни не полонъ, — сурово сказалъ ей стоящій у остраго края скалы. — Я не могу тебя сбросить въ бездну жизни. Ступай и дополни его другими дарами.

И душа тоскливо отправилась къ новымъ пещерамъ, уже уставшая подъ тяжестью пріобрѣтеннаго.

И очутилась она у небольшой пещеры, въ темномъ отверстіи котораго сидѣла женщина, обливавшаяся слезами.

А въ сосѣднихъ пещерахъ сидѣли женщины, выглядывали изъ отверстій и смѣялись надъ плакавшей.

— Ты кто? — спросила ее робкая душа.

— Я — мать, — отвѣтила женщина. — Я мать, потерявшая на землѣ единственнаго ребенка. У меня былъ сынъ. Одинъ только сынъ, оставшійся мнѣ послѣ смерти горячо любимаго мужа. Мужъ мой работалъ въ копяхъ и былъ задушенъ газомъ во время обвала одной изъ галлерей. Я страстно, без-

умно любила его, проживъ съ нимъ душа въ душу восемь лѣтъ, промелькнувшихъ какъ день. Потомъ я безумно любила сына, оставшагося послѣ отца шестилѣтнимъ ребенкомъ. Четырнадцать лѣтъ я лелѣяла и воспитывала его и приносила ему всѣ жертвы, на которыя способна только одна мать. Я не ѣла, не спала, терпѣла всевозможныя лишенія, болѣла его болью, тряслась отъ холода, копила гроши, пока не поставила его твердо на ноги. И я не чувствовала ни голода, ни холода, потому что меня насыщала любовь и грѣло горячее чувство къ нему. И онъ сталъ морякомъ, и онъ ушелъ на войну, и въ первую же морскую битву судно его пошло ко дну и его не стало. И сейчасъ тѣло его находится на днѣ океана и здѣсь, на скалѣ Недожитыхъ Жизней, я не нашла его. И острая, какъ лезвее кинжала, боль живетъ въ моемъ сердцѣ, и я неудержимо плачу отъ зори до зори.

Сказавъ это, она вновь залилась горючими слезами.

А другія женщины хохотали.

— Представь себѣ, — говорили они, перебивая другъ друга, — она давно могла бы разстаться со слезами и уйти съ Захаріэлемъ въ ворота за эту высокую, гладкую стѣну, гдѣ нѣтъ ни вздоховъ, ни печалей, ни слезъ...

— Отчего же она не хочетъ разстаться съ слезами? — спросила робкая душа.

Женщины опять засмѣялись.

— Спроси ее, — сказали онѣ.

— Отчего?

— Это не простыя слезы, — отвѣтила плачущая женщина. — Это материнскія слезы. Эти слезы — радость моей печали. Мнѣ больно съ ними разстаться. Если я разстанусь съ ними, мнѣ кажется, что я вторично разстанусь съ сыномъ.

— Тебя не возьметъ съ собой Захаріэль... Никогда не возьметъ.

— Я знаю. Туда за высокую стѣну нельзя являться съ земной печалью, съ горемъ житейскимъ. Тамъ безконечная, безпредѣльная радость... Но слезы — единственный даръ земли, оставшійся у меня. Всѣ остальные дары выгорѣли въ моей душѣ, а съ этимъ даромъ мнѣ тяжко разстаться. Нѣсколько разъ приходилъ Захаріэль и спрашивалъ меня: „плачешь ли ты еще бѣдная мать?“ И я говорила: „плачу, властитель освобожденныхъ душъ“. — „Ну такъ не могу взять тебя и сегодня со мною“...

— Дай мнѣ, несчастная, даръ твоихъ слезъ — сказала робкая душа. — Ну, не весь, а небольшой кусочекъ? Ты станешь ближе къ небу, а я — къ землѣ. Орифіэль не пускаетъ меня отсюда въ юдоль земной скорби, такъ какъ жизненный грузъ мой не полонъ еще.

Бѣдная мать колебалась, обливаясь слезами.

— Хочешь, возьми у насъ, сколько тебѣ не хватаетъ до жизненнаго вѣса, — сказали смѣющіяся женщины. — Возьми у насъ даръ смѣха. Увѣряемъ тебя, что въ юдоли земной скорби это — самый безцѣнный даръ, какой можно только себѣ представить. Съ нимъ такъ легко жить... Возьми, возьми у меня.

И робкая душа взяла у нихъ по небольшому количеству дара смѣха и хотѣла обратиться къ плачущей женщинѣ съ новой просьбой.

Но уже около пещеры матери стояла другая Неродившаяся Душа и говорила ей:

— Я только что была у пещеры бездѣтной куртизанки и взяла у нея все, что у нея оставалось нерозданнымъ. И я чувствую, что ноша эта легка. Я еще не клала ее на вѣсы жизни Орифіэля, но знаю, что мнѣ много не хватитъ. Дай мнѣ твоихъ слезъ.

— Я никому не даю ихъ, — отвѣтила мать. — Вотъ и ей не дала...

— А мнѣ дай.

— И тебѣ не дамъ, — твердо отвѣтила мать.

Но душа, просившая слезъ, торжественнымъ и печальнымъ голосомъ сказала:

— Тамъ на землѣ, когда жизнь моя станетъ угрюмой, когда сердце мое будетъ разрываться отъ безысходной тоски, когда глаза мои будутъ сухи, а горе отъ этого будетъ вдвое сильнѣе, я буду думать о тебѣ и буду молиться о твоемъ сынѣ. Подумай, — продолжала она: — изсякнетъ когда-нибудь опредѣленный тебѣ источникъ слезъ и ты уйдешь. Туда въ узкія ворота въ высокой стѣнѣ, туда, гдѣ нѣтъ воспоминаній. Кто будетъ тогда молиться за твоего сына, кто будетъ его любить? Отдай мнѣ твое пропитанное слезами сердце, материнское сердце.

При этихъ словахъ просіяли и просвѣтлѣли глаза плачущей матери.

— Ты одна мнѣ сказала великое слово. Я принесу тебѣ сейчасъ величайшую жертву любви. Я разстанусь со своей радостной печалью навѣки. Захаріэль уведетъ меня на зарѣ въ страну, гдѣ нѣтъ воспоминаній. Возьми мое сердце, возьми мой даръ слезъ. Люби память моего погибшаго сына... И пусть будетъ у тебя душа куртизанки и сердце матери. Но знай, ты готовишь себѣ тяжелую жизнь, жизнь великой печали.

— Я знаю. Два тяжелыхъ дара уношу я отсюда, и трудно сердцу матери ужиться въ душѣ куртизанки. Но Творецъ душъ даетъ намъ свободную волю, и свободная воля моя привела меня къ этому выбору. Я счастлива, что буду плакать о твоемъ сынѣ среди смѣха позорной жизни.

И мать отдала этой женщинѣ свое пропитанное слезами сердце.

И тотчасъ невидимой стала освобожденная мать. Какъ будто все замерло въ ея пещерѣ. Даже смѣющіяся женщины примолкли. И къ пещерѣ матери подошелъ Захаріэль свѣтлый, словно пронизанный лучами золотисто-розовой зари съ лучистыми прекрасными глазами. И сталъ онъ на стражѣ у пещеры до слѣдующаго утра.

Густыми клубами поползла ночь изъ бездонной пропасти, свиваясь и развиваясь кольцами, словно безконечный клубокъ скользкихъ змѣй. И потемнѣло все на скалѣ, и прямая стѣна съ пещерами слилась съ тьмою и стала невидимою.

И стоялъ на стражѣ у остраго края скалы высокій и тонкій Орифіэль, покровитель созданныхъ

формъ, и странное пламя горѣло въ его острыхъ зрачкахъ.

Онъ походилъ на прозрачную тѣнь и держалъ въ рукахъ чаши вѣсовъ.

И вотъ подошли къ нему двѣ женскихъ души.

— Я опять пришла къ тебѣ, начальникъ Престоловъ, — сказала робкая душа. — Я добавила свой жизненный грузъ небольшимъ количествомъ смѣха. Прошу тебя взвѣсь теперь все, что у меня есть съ собою.

— Положи свой грузъ на чашу, — насмѣшливо сказалъ Орифіэзь.

Чаша опустилась и остановилась въ уровень съ другой.

— Вѣсъ твоей жизни полонъ. Но какая странная жизнь. Робкая душа твоя брала по золотникамъ всего понемногу и выткала себѣ пеструю ткань жизни. Ступай...

Онъ дунулъ на стоявшую передъ нимъ и съ остраго края скалы силою дыханія столкнулъ ее внизъ, въ тьму клубившейся ночи, среди которой вспыхнуло голубое пламя и погасло.

Новая сформированная душа была низринута въ юдоль земной скорби.

— И я пришла къ тебѣ, — сказала Орифіэлю другая женщина. — Свѣсь грузъ, который я пріобрѣла у Недожитыхъ Жизней. У меня немного даровъ, всего два: душа куртизанки и сердце матери. Но у обѣихъ я взяла полностью. Можетъ быть изъ этого составится полный вѣсъ моей жизни.

— Хорошо, смѣлая душа, — усмѣхнулся покровитель созданныхъ жизней, — Много храбрости надо, чтобы выбрать себѣ два такихъ дара. Брось ихъ на чашу... Ты видишь, грузъ тяжелъ. Ты можешь съ нимъ итти на землю. А каково тебѣ будетъ жить съ ними — не знаю. А гдѣ же остальныя души?

— Они все еще выбираютъ дары и ни на что рѣшиться не могутъ.

— Это ихъ дѣло. Анаэль уведетъ ихъ за высокую стѣну, такъ какъ ночь вступила въ свои права.

И Орифіэль быстро подошелъ къ женщинѣ и заставилъ отступить ее къ самому краю скалы силою своего остраго стального взгляда. И она оступилась и низринулась въ клубящуюся тьмою бездну, и кровавое пламя вспыхнуло надъ тьмою и бездной и погасло.

И стало все безмолвно на скалѣ Недожитыхъ Жизней.

Какъ будто все уснуло на ней сномъ безъ грезъ и безъ дыханья.

С. Петербургъ. 1910.

ЛЕОНИДЪ ДОБРОНРАВОВЪ.

ЧЕРНОРИЗЕЦЪ.

РОМАНЪ.

Посвящаю Кс. К. ***

(Отрывокъ).

Глава девятая.

ОТРАВЛЕННЫЯ ВОДЫ.

„Все чистое люблю я; но я не могу видѣть мордъ съ оскаленными зубами и жажду нечистыхъ.

Они бросали свой взоръ въ глубь родника: и вотъ мнѣ свѣтится изъ родника ихъ противная улыбка.

Священную воду отравили они своею похотью: и когда они свои грязные сны называли радостью, отравляли они еще и слова“.

Ницше.

I.

ЗМѢИНАЯ ЧЕШУЯ.

„Покровъ, упитанный язвительною кровью,
Кентавра мстящій даръ, ревнивою любовью
Алкиду переданъ“ . . .

Пушкинъ.

Въ Полѣнномъ переулкѣ, короткомъ и кривомъ, Березкинъ сразу увидѣлъ вывѣску: „Меблированныя комнаты Альказаръ С. Г. Чистоганова“. Волненіе, затревожившее вчера послѣ приглашенія

Ивойлова, усилилось. Березкинъ на мгновенье остановился у темнаго входа, у дверей съ грязными, тусклыми стеклами: не хотѣлось входить, видѣть Ивойлова, слышать его голосъ. Поднявъ голову, посмотрѣлъ на окна: всѣ темны, кромѣ одного. Какое-то чувство подсказало, что это окно — Ивойловское. Стало страшно.

„А впрочемъ, чего я боюсь? Что можетъ Ивойловъ сказать такого, чего бы я не слыхалъ уже отъ него? Все это — слабость и подозрительность. Черезъ недѣлю онъ постригается — и у меня съ нимъ все будетъ кончено. Все кончено! Все!..“

Березкинъ вошелъ и, вдыхая охватившій его тяжелый, сырой, непріятный воздухъ, поднялся по широкой грязной лѣстницѣ. Нога скользила на стертыхъ каменныхъ ступеняхъ. Перила, за которыя случайно взялся рукой, показались мокрыми, словно вымазанными чѣмъ-то липкимъ.

На двери висѣла небольшая черная доска съ фамиліями, написанными мѣломъ. Противъ шестого номера было пустое мѣсто, но изъ чернаго крашеннаго дерева будто проступала фамилія, выведенная шевелящимися красными буквами — Ивойловъ, и каждая буква будто имѣла свое лицо, въ каждой изъ нихъ по разному смотрѣло лицо, но оно было одно и то же, одни и тѣ же глаза — глаза и лицо Ивойлова.

„Галлюцинація?“

Березкинъ провелъ пальцемъ по доскѣ, по тому мѣсту, гдѣ показались ему красныя, шевелящіяся буквы — гладко. Приблизилъ лицо, сощурился — тоже ничего.

„Нервы! Просто усталъ отъ всего“.

Торопливо и робко Березкинъ дернулъ звонокъ. За дверью прозвучало надломленное, унылое звяканье — и стихло. Невольно онъ взглянулъ на маленькую лампочку, струившую сквозь закопченное, засиженное мухами стекло мутно-желтый свѣтъ, мертво лежавшій на истреснутой штукатуркѣ стѣны, — и стало тоскливо, безпредѣльно тоскливо. Или уйти домой, въ академію, или скорѣе къ Ивойлову, но только сейчасъ, сію минуту, безъ всякаго промедленія; иначе — невозможно быть въ такой жуткой неизвѣстности. Онъ задергалъ ручку звонка, почти не слыша, какъ звонко прыгалъ колокольчикъ за дверью и какъ зашлепали грузные шаги. Дверь отворила толстобедрая, краснолицая баба, въ коричневомъ платкѣ, обхватывавшемъ пухлыя, словно надутыя, щеки.

— Чего безобразите? — сердито спросила она, — кого надо?

— Въ шестой номеръ.

Фамиліи „Ивойловъ“ Березкинъ не произнесъ: трудно было, не выговоривалось.

Баба указала, ткнувъ рукой, на дверь въ широкой стѣнной нишѣ.

— Туды!

Березкинъ, согнувъ палецъ, постучалъ и невольно отступилъ: дверь быстро отпахнулась и на порогѣ, улыбаясь, Ивойловъ, словно тихо поджидавшій и подслушивавшій за дверью, чтобы неожиданно отворить ее.

— Здравствуйте, входите... А я васъ все поджидаю.

Онъ цѣпко и сильно пожалъ руку Березкина и сейчасъ же выпустилъ ее, и губы растянулись въ постоянной его, мгновенной улыбкѣ. Лицо опять потемнѣло и стало каменнымъ.

Комната была небольшая, оклеенная бѣлыми, въ пестрыхъ цвѣточкахъ, обоями. У окна, на раскрытомъ, зелено-суконномъ ломберномъ столѣ окружали тускло-мѣдный, съ вогнутымъ бокомъ, самоваръ бутылки и жестяныя коробки съ сардинками, шпротами и маринадомъ. Недалеко отъ стола, надъ высокимъ, чернымъ комодомъ, висѣло на стѣнѣ дрянное, искажавшее предметы зеркало въ черной багетной рамѣ. Рядомъ съ комодомъ — старинной формы диванъ, обитый темнымъ репсомъ; въ углу кровать, на которой лежало пальто Ивойлова и фуражка, за кроватью — треногій желѣзный умывальникъ.

— Садитесь сюда, къ столу, — Ивойловъ пододвинулъ стулъ, — хотите чаю? Или водки? Или пива? — Онъ говорилъ негромко, торопливо, бѣгая глазами по сторонамъ, мимолетно встрѣчаясь съ глазами Березкина, и потиралъ костлявые длинные пальцы съ глянцевитыми, большими ногтями, выпуклыми и твердыми.

Безпокойство Березкина не проходило, какъ онъ ожидалъ, а усиливалось отъ какого-то тяжелаго, глухого предчувствія и еще отъ того, что Ивойловъ былъ возбужденъ. Онъ сѣлъ къ столу, оглядываясь.

— Какъ вамъ нравится мое пристанище? Правда, недурно? Для какого-нибудь романа съ трагическимъ концомъ — обстановочка, хоть куда! Скажу, что...

Ивойловъ вдругъ замолчалъ и задумался, сгорбясь и опустивъ голову. Потомъ улыбнулся криво, потянувъ губы на сторону и, негромко, холодно посмѣиваясь, сказалъ:

— Ну, и хозяинъ же я! Вы не обращайте на меня вниманія! У меня сегодня странное настроеніе.

Березкинъ внимательно посмотрѣлъ въ его глаза, подмѣтивъ ихъ вспыхивавшій блескъ, и, не отводя своего взгляда, медленно произнесъ:

— Да. Замѣтилъ.

Ивойловъ быстро нагнулся къ его лицу и, словно пронзая его глаза своими, загорѣвшимися ровнымъ, зеленымъ огнемъ, зашепталъ:

— Да? Вы замѣтили? Вы знаете, что у меня странное настроеніе? Откуда вы знаете?

— Вы же сами сказали, — отвѣтилъ Березкинъ, отодвигаясь отъ него.

— Ахъ, да! — Ивойловъ засмѣялся громко, пустымъ смѣхомъ. — Правда ваша, я самъ сказалъ, да! — Онъ прижалъ ладонь ко лбу и заговорилъ опять тихо, будто самъ съ собою: — Я просто нездоровъ... А это нехорошо... Впрочемъ, впрочемъ, не все ли равно? Что такое болѣзнь и что такое настроеніе? Это то, что проходитъ... Tout passe, tout casse, tout lasse... — Лицо его искривилось и стало совсѣмъ похожимъ на оскалившій зубы черепъ; глаза въ черныхъ впадинахъ закрылись; углубились выбоины на вискахъ; губы дергались и тре-

петали, словно сведенныя конвульсіями. Онъ налегъ на спинку кресла, поднявъ лицо, и молчалъ; казалось, думалъ о чемъ-то мучительно, съ напряженіемъ.

Березкинъ, удивленный неожиданными и непонятными переходами къ шопоту, а отъ шопота къ громкому смѣху и снова къ шопоту, молчанію, внезапной паузой и болѣзненной гримасой, кривившей лицо Ивойлова, молча смотрѣлъ на него и вспоминалъ почему-то встрѣчу съ Ириной на кладбищѣ, когда она сидѣла съ Ивойловымъ у памятника — пожелтѣвшій мраморный ангелъ съ обломанными руками. А когда они ушли, — онъ почувствовалъ, понялъ, что отъ него уходили, — прочелъ надпись, разобралъ почти истертыя, временемъ сглаженныя буквы: „Потомственный дворянинъ Гавріилъ Крундышевъ, скончался волею Божіею въ 1842 году".

— Къ черту все! — рѣзко сказалъ Ивойловъ, всталъ и взялъ стаканъ. — Будемъ чай пить!..

— Адріанъ Федоровичъ, зачѣмъ вы меня позвали сюда? — спросилъ Березкинъ, желая разсѣять весь туманъ, который окружалъ его, разорвать сѣть недомолвокъ, улыбокъ, намековъ, взглядовъ, которая оплела его.

— А посидѣть, чайку попить, поболтать! — весело отвѣтилъ Ивойловъ, наливая чай. — Сегодня послѣдній день моей жизни. Завтра я переселяюсь въ монастырь, буду говѣть, и увидите вы меня только во время пострига. — Онъ говорилъ спокойно, ровно, даже чуть удивленный вопросомъ, но Березкинъ чувствовалъ, что это притворство, что

настоящаго Ивойловъ ему не сказалъ. — Сегодня я послѣдній день Адріанъ Федоровичъ Ивойловъ. — Онъ засмѣялся. — Перехожу въ инока Андроника... Пейте чай... и давайте поговоримъ о чемъ-нибудь такомъ... постороннемъ... Вы не жалѣете, что пришли провести со мной вечерокъ? Я потому и нанялъ этотъ апартаментъ, чтобы намъ никто не мѣшалъ. Надѣюсь, что вы не раскаетесь, что зашли... ну, да объ этомъ послѣ... Скажите, какъ ваше сочиненіе? Двигается?

„Что-то онъ скрываетъ", — подумалъ Березкинъ.

— Нѣтъ, не очень — отвѣтилъ онъ. — Мѣшаетъ то одно, то другое... Скажите по совѣсти, Адріанъ Федоровичъ, это дѣло рѣшенное, что вы постригаетесь?

— Да.

— Послѣ всего?..

— Послѣ чего?

— Послѣ того, что вы говорили?

— Да. Что же тутъ удивительнаго? То, что я постригаюсь, — нисколько не противорѣчитъ тому, что я говорилъ. Наоборотъ, подкрѣпляетъ только мои мысли.

— Не понимаю.

Ивойловъ улыбнулся, но сейчасъ же спряталъ улыбку въ сжатыхъ губахъ.

— Все понятно! Помните, я говорилъ, что одно въ мірѣ есть, ради чего я живу — это мое я, я самъ, Адріанъ Ивойловъ. Въ томъ предѣлѣ, какимъ ограничены мои дни, первое и послѣднее, главное и не главное, начало и конецъ — я. Понимаете, жизнь

моя — неповторяема, она — одна. Зачѣмъ она, — я не знаю. Знаю одно, что я живу и хочу жить такъ, чтобы мнѣ это было пріятно.

— А ближніе?

— Ближніе? — Ивойловъ усмѣхнулся. — Ближніе? Человѣки? Они меня интересуютъ, поскольку они мнѣ нужны. Ближніе! Сказали! Кто васъ предастъ, надругается, насмѣется, оскорбитъ, уничтожитъ, измучитъ? Ближній! Кто клевещетъ, доноситъ изъ-за угла, а потомъ цѣлуетъ? Ближній! Кто забирается въ вашу душу, чтобы высмотрѣть, выслѣдить, осмѣять то, что непонятно? Ближній! Ближній этотъ — вы, я, Чистогановъ, Минервинъ и такъ далѣе. А если я таковъ, какъ всѣ, а всѣ таковы, какъ я, — какое мнѣ дѣло до всѣхъ? Надо на горло наступить — наступлю, иначе мнѣ наступятъ. Будемъ смотрѣть прямо! Не будемъ лицемѣрны! Каждый живетъ для себя, и я живу только для себя. И никакія религіи, никакія философіи, ничто не докажетъ мнѣ противнаго... Ахъ, вѣчные идеалы!.. Чихать я хотѣлъ на ваши вѣчные идеалы! Идеалы сами по себѣ, а жизнь сама по себѣ. Для украшенія рѣчи — извольте, и объ идеалахъ поговорю, только мнѣ это смѣшно — морочить дураковъ!.. Не знаете вы людей, жизни не знаете. А я — и то, и другое — до спины, насквозь! Противно, ухъ, какъ противно! Люди гнусны были, есть и будутъ. А скажите, пожалуйста, почему я долженъ быть другимъ? Почему, во имя чего я долженъ донкихотствовать? Альтруизмъ, любовь къ ближнимъ — навязло это въ ушахъ давно и какъ надоѣло! Всѣ ваши хоро-

шія слова и понятія только мѣшаютъ жить, коверкаютъ жизнь, ослабляютъ и обезсиливаютъ.

Березкинъ внимательно посмотрѣлъ на жесткое лицо Ивойлова. Въ колеблющихся отсвѣтахъ двухъ стеариновыхъ свѣчей, зажженныхъ на столѣ, оно принимало неуловимые оттѣнки, словно за худыми, впавшими щеками вспыхивалъ внутренній огонь, освѣщая ихъ, и снова гасъ и опять вспыхивалъ. Ивойловъ налилъ коньяку, выпилъ, поморщился и, повернувъ лицо къ Березкину, усмѣхнулся:

— Что вы такъ удивленно уставились?

Губы Ивойлова шевельнулись, изгибаясь, быстрымъ, неуловимымъ движеніемъ, обозначая появленіе новой мысли или новый оборотъ старой.

— Чѣмъ же тогда отличать человѣческое существованіе отъ животнаго? — спросилъ Березкинъ. — Все, что было и что есть свѣтъ міру — любовь — вы отбрасываете?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, не отбрасываю, вовсе не отбрасываю, а признаю, принимаю, но въ предѣлахъ, въ границахъ. — Ивойловъ прищурился и хихикнулъ, быстро захлебываясь. — Я не отрицаю ни любви, ни другихъ душевныхъ движеній. Не могу же я отрицать, какъ не отвергаю ни наукъ, ни искусствъ. Все это нужно и мнѣ, но нужно постольку, поскольку поможетъ мнѣ жить, а не помѣшаетъ. Все это — ad hoc! Да и у всѣхъ такъ, только всѣ залѣзли въ лицемѣріе, какъ свинья въ грязь, и ни тпру — ни ну! И я лицемѣренъ и всегда буду: это мнѣ нужно!.. Вы — единственный человѣкъ, съ которымъ я говорю откровенно. Иногда я испытываю

страшную, невѣроятную потребность говорить, но я по натурѣ скрытенъ и потому всегда молчу. Это свойство хорошо для монаха, но для живого человѣка — невыносимо, потому что бываютъ же такія минуты, когда человѣку надо высказаться... Я иногда боюсь тронуться, повредиться въ умѣ. Мнѣ бываетъ минутами страшно, я испытываю ужасъ, какого не могу ни передать, ни объяснить... Но только иногда, иногда, иногда, — поспѣшно добавилъ Ивойловъ.

Онъ всталъ и заходилъ по комнатѣ, сдвинувъ брови, и на стѣнѣ потянулась длинная, уродливая тѣнь. Березкинъ молчалъ; онъ чувствовалъ, что Ивойловъ не сказалъ главнаго, не сказалъ, зачѣмъ позвалъ его сегодня сюда, и ожидалъ, что Ивойловъ скажетъ: за каждымъ его словомъ видѣлъ спрятанную мысль, невысказанную, которая была главной въ этотъ вечеръ.

Ивойловъ остановился передъ нимъ, неподвижно постоялъ, вонзаясь своими глазами въ его глаза, и рѣзко, отчетливо спросилъ:

— Вы любите Ирину?

Березкинъ не опустилъ глазъ, съ любопытствомъ разсматривая дергавшіяся щеки Ивойлова и чувствуя, что понемногу освобождается отъ его власти, давившей въ теченіе столькихъ мѣсяцевъ.

— Вы спрашиваете меня объ этомъ третій разъ. Но и теперь я вамъ также не отвѣчу.

— Почему?

— Не хочу.

— Вы любите, любите! — тихо и торопливо забормоталъ Ивойловъ, наклоняясь. — Вы можете не

говорить мнѣ объ этомъ словами, я все равно вижу, чувствую, понимаю! Да, да, да, да!.. Но берегитесь, берегитесь!..

— Что мнѣ беречься?

— Берегитесь, берегитесь! — шепталъ Ивойловъ, садясь рядомъ и дыша на его лицо прерывистымъ, горячимъ дыханіемъ. — Любовь — ножъ, любовь — ядъ, любовь — смерть! — Онъ сжалъ руку Березкина у локтя сильными, твердыми пальцами. — Вы живете среди обмановъ, мы всѣ живемъ среди обмановъ, все невѣрно, все измѣняетъ, все рушится!.. А вы больше, чѣмъ кто бы то ни было, среди обмановъ! Берегитесь! Вы надѣетесь выдержать? Если сердце ваше изъ желѣза, если сердце ваше изъ камня, изъ гранита...

— Я не понимаю, — перебилъ Березкинъ опаляющій шопотъ, — отъ чего вы меня предостерегаете и чего мнѣ бояться? — Сердце стало колотиться сильно и тяжело и ему будто тѣсно было. — Я не боюсь! Да, не боюсь!

Ивойловъ разсмѣялся дробнымъ, разсыпающимся смѣхомъ, непріятнымъ и холоднымъ.

— Знаете ли вы, что Ирина была здѣсь, вотъ, въ этой самой комнатѣ? — Онъ хлопнулъ себя звонко по колѣну. — Была не одинъ разъ, не два, а много-много разъ!

Что-то подступило къ самому сердцу и стало отходить, и Березкинъ словно тонуть сталъ, медленно и непрерывно, погружаясь въ мутную, зеленую, холодную воду. Сердце томило и прожигало огнемъ. Передъ глазами вертѣлся Ивойловъ, сіявшій отвра-

тительной, торжествующей улыбкой. И отъ нея, и отъ его словъ исходила злобная, ядовитая радость, страшная, какъ отрава.

— Вамъ это неизвѣстно? — Онъ потиралъ руки, ладонь о ладонь, то сжимая кулаки и стукая однимъ о другой, то разгибая длинные пальцы. — Но этого мало... Ирина была моей! Поняли? Понимаете?

— Не понимаю — едва слышнымъ голосомъ отвѣтилъ Березкинъ. Онъ не зналъ, что говоритъ, зачѣмъ говоритъ, и надо ли что-нибудь говорить. Ему хотѣлось уйти отсюда, бѣжать, но тѣло стало слабымъ — рукой не шевельнуть, — и сердце точило желаніе оставаться здѣсь и слушать, все узнать, все, до самаго послѣдняго слова. Онъ повѣрилъ и не повѣрилъ, и то и другое были два ножа, которые съ одинаковой болью вонзались въ сердце.

А Ивойловъ издѣвательски посмѣивался, и въ омутныхъ глазахъ его высѣкались искры.

— Не понимаете, какъ вообще бываетъ женщина чьей-нибудь? Очень просто! Она принадлежала мнѣ, была моей женой!

— Неправда! — крикнулъ Березкинъ дикимъ, измученнымъ голосомъ. — Неправда! Вы лжете! — Онъ вскочилъ и схватился рукой за край стола. — Неправда! Этого не можетъ быть!

Ивойловъ положилъ обѣ руки ему на плечи и спокойно, устало спросилъ:

— Во-первыхъ, почему вы кричите?.. — Онъ прошепталъ: — Вамъ больно? — И опять продол-

жалъ, снявъ руки и язвительно улыбаясь: — А во-вторыхъ, почему этого не можетъ быть? Не волнуйтесь! На свѣтѣ все бываетъ.

Березкинъ сѣлъ къ столу, подперевъ голову руками и безсмысленно глядя на стоявшія передъ нимъ бутылки. Какъ издалека, онъ слушалъ уже грустный голосъ Ивойлова:

— Представьте, какъ это ни странно, я люблю двухъ людей, только двухъ людей. Одинъ изъ нихъ — вы. Я васъ люблю за чистоту вашу, за вашу ясность. Любя васъ, я ее же замутилъ. Вы не знаете еще, но, придетъ время, и вы поймете, что я отравилъ васъ, отравилъ навѣки. Не будетъ у васъ твердой увѣренности ни въ чемъ, но будетъ во всемъ сомнѣніе. И это такъ и надо, потому что вы не знаете, что такое вѣра, что такое любовь, что такое надежда. Когда любишь и вѣришь, сердце не блаженствуетъ, сердце раздирается, ибо все познается черезъ мученіе. Любишь только тогда, когда ненавидишь, себя ненавидишь за слабость, другого за то, что скованъ съ нимъ страшнымъ ярмомъ любви и хочешь вырваться — и силъ нѣтъ, крѣпче захватываетъ! Я люблю и другого человѣка, кромѣ васъ, я люблю Ирину и ненавижу ее, ненавижу, ненавижу, потому что она ничьей настоящей любви не стоитъ. Это — лживое, низкое, двуличное существо, какъ и я самъ. Это — гадъ, ползающій тихо и жалящій, какъ гадъ, неожиданно и быстро.

Березкинъ отнялъ руки отъ лица и оглянулся. Ивойловъ сразу измѣнился въ лицѣ, засіялъ ломаной улыбкой и подхихикнулъ:

— Не вѣрите? Не вѣрьте! Я, можетъ быть, лгу, въ каждомъ своемъ словѣ, а можетъ быть, и нѣтъ. Я самъ себѣ не вѣрю. А повѣрите ли вы, что каждое ваше письмо къ ней я читалъ и, признаюсь, комментаріи дѣлалъ и бо́льше все — насмѣшливаго свойства. И мои комментаріи встрѣчали серебристый смѣхъ, замѣчательный смѣхъ, которымъ умѣютъ смѣяться только женщины. Смѣхъ, въ которомъ два значенія: черное для васъ и блистательное для меня. Не блѣднѣйте, не блѣднѣйте! Еще успѣете, еще будетъ случай.

Березкинъ то видѣлъ глаза Ивойлова близко, у своихъ глазъ, то въ какомъ-то сѣромъ туманѣ, изъ котораго они блистали двумя острыми точками. И губы Ивойлова шевелились, какъ ядовитыя красныя змѣйки, шевелились въ переливчатой, невѣрной улыбкѣ.

— Если хотите, я могу вамъ поживописать, что и какъ происходило въ этой комнатѣ...

Березкинъ всталъ и молча пошелъ къ кровати за своимъ пальто.

— Куда вы, куда вы, дорогой? — Ивойловъ взялъ его за обѣ руки. — Ради Бога подождите, главнаго-то вѣдь, не было, главное будетъ. — Онъ дышалъ тяжело и громко, и руки его дрожали. — Одно мгновеніе, нѣсколько минутъ... — Въ передней брякнулъ звонокъ. Лицо Ивойлова освѣтилось. — Ага! Вотъ, вотъ! Слышите? Звонятъ. Знаете, кто?.. Я не задержу васъ, не задержу.. Будьте покойны... — Онъ оставилъ Березкина и метнулся къ двери.

* * *

Изъ всего сумбура, который бѣшено вертѣлся въ мозгу Березкина, подхватывая, втягивая въ темный вихрь мысли, обрывки мыслей, дробя ихъ и смѣшивая, — одно Березкинъ понималъ ясно: надо сейчасъ же уйти, но силы не было, и каменнымъ онъ стоялъ, когда въ комнату вошла Ирина, а за ея плечомъ холодно-насмѣшливое и сумрачное лицо Ивойлова показало мерцавшіе глаза. Увидѣвъ Березкина, Ирина остановилась; веселая усмѣшка, трепетавшая на темныхъ, полныхъ губахъ, тускнѣя, исчезла; брови сдвинулись; глаза пытливо скользнули по лицу Березкина.

— Не узнаете? — захихикалъ Ивойловъ, выступая изъ-за ея плеча и указывая рукой на Березкина. — Позвольте представить вамъ, Ирина Александровна...

Ирина засмѣялась. Березкинъ сжался отъ ея смѣха. Рѣзанулъ по сердцу, дѣланный, непріятный, пропитанный досадой и желаньемъ во что бы то ни стало скрыть эту досаду, спрятать смущеніе, обмануть, заставить повѣрить ему, его искренности.

— Конечно, узнала, — весело говорила Ирина, протягивая руку въ черной лайковой перчаткѣ. — Неожиданно только... я очень рада!..

Березкинъ слабо пожалъ ея тонкіе пальцы.

— И я очень радъ, — быстро, усмѣхаясь, говорилъ Ивойловъ, помогая ей снять плюшевое пальто. — Радъ весьма и чрезвычайно, что доставилъ вамъ

удовольствіе... Мнѣ такъ пріятно, нѣтъ словъ выразить!..

Ирина подозрительно посмотрѣла на него, но Ивойловъ уже хлопоталъ у стола, разставляя тарелки.

— Я не надолго, я на одну минутку, — сказала Ирина, глядя то на Ивойлова, то на Березкина и думая о томъ, случайно ли она встрѣтила здѣсь Березкина или встрѣча была приготовлена завѣдомо?

— Какъ ваши? — спросилъ Ивойловъ и обернулся къ Березкину, стоявшему у кровати попрежнему неподвижно. — Присаживайтесь. Вотъ сюда! — Онъ обнялъ Березкина за плечи, подвелъ къ столу и усадилъ его противъ Ирины, а самъ остался стоять. — Ну, вотъ такъ... я признателенъ вамъ, господа, что вы оба не отказали мнѣ и посѣтили меня въ мой послѣдній вечеръ. — Березкинъ увидѣлъ, что лицо Ирины поблѣднѣло при этихъ словахъ, а глаза испуганно мелькнули въ сторону Ивойлова.

— Почему послѣдній, Адріанъ Федоровичъ?

— Ахъ, да, вы еще не знаете. — Ивойловъ засмѣялся. — Вчера уже окончательно рѣшено, что я постригаюсь.

Ирина вздрогнула, хотѣла что-то сказать забѣлѣвшими губами, но стиснула ихъ и стала смотрѣть внизъ.

— И вотъ поэтому мнѣ захотѣлось провести вечеръ съ тѣми лицами, — продолжалъ Ивойловъ съ большимъ подъемомъ, въ какомъ-то изступленіи, — которыя мнѣ особенно пріятны. Пью за ваше здо-

ровье! Чокнемтесь, Ирина Александровна! — Онъ налилъ ей рюмку наливки. — Что же вы?

Она нерѣшительно, колеблясь, протянула руку, взяла рюмку, но рука задрожала, и наливка расплескалась.

— Ничего, не бѣда! Сейчасъ заново нальемъ. Вотъ, пожалуйста, салфетка. Оботрите ваши пальчики.

По лицу Ирины, по ея нахмуренному лбу, сжатымъ губамъ и упорному, напряженному взгляду Березкинъ понималъ, что она мучительно, остро думаетъ, не знаетъ, какъ держать себя и что говорить, но сейчасъ, быть можетъ, черезъ минуту она заговоритъ опредѣленно и твердо.

— Вы не шутите, Адріанъ Федоровичъ? — спросила она растерянно.

— О, нисколько! Ни капельки! Совершенно серьезно! Спросите, — вотъ Березкинъ свидѣтель.

Ирина медленно подняла глаза на Березкина.

— Правда?

Березкинъ видѣлъ въ ея глазахъ надежду, безумную, невѣроятную; можетъ быть, это шутка, можетъ быть, она не такъ поняла, можетъ быть, тутъ что-то не такъ, не рѣшено еще совсѣмъ и окончательно.

— Правда.

Ея глаза проникали въ самую глубь его сердца, выпытывали, впиваясь, но онъ не опустилъ своихъ.

А Ивойловъ беззвучно усмѣхался, дергая щекой, и трепеталъ весь, словно токъ проходилъ сквозь него.

— Ѣшьте, пейте, веселитесь! Дѣлайте шумъ! Я хочу, чтобы сегодня было весело.

— Я завидую вашему веселью, Адріанъ Федоровичъ, — съ больной, мгновенно мелькнувшей и исчезнувшей усмѣшкой, проговорила Ирина.

— О, да! Мнѣ можно завидовать! Мнѣ должно завидовать! Завидуйте, завидуйте!

— И вы скоро постригаетесь? — спросила она упадающимъ голосомъ, съ придыханіемъ на каждомъ словѣ, и сильно волнуясь.

— Черезъ недѣлю, ровно черезъ недѣлю, то есть черезъ семь дней, въ слѣдующую субботу! Нѣтъ, совралъ. Не черезъ семь, а черезъ восемь: сегодня пятница.

— И... и... давно вы рѣшили это?

— Да, давненько.

— Я не слыхала раньше отъ васъ... я не предполагала, что у васъ есть склонность къ аскетизму.

— О, это разныя вещи — аскетизмъ и монашество, — перебилъ Ивойловъ, — но выяснять разницу — скучно. Однако, кончая съ этимъ міромъ, не совсѣмъ кончая, нѣтъ, но все-таки выходя изъ круга извѣстныхъ житейскихъ отношеній, мнѣ хочется коечто ликвидировать. — Ивойловъ, прищурясь, посмотрѣлъ на Ирину, встрѣтилъ ея взглядъ и спросилъ въ упоръ: — Какъ ты находишь мою мысль?

Ирина гордо подняла голову, покраснѣла и надменно опустила концы губъ.

— Pardon, я съ вами не пила брудершафтъ!

Ивойловъ изогнулся всѣмъ тѣломъ, облизывая губы.

— Это правда. Но, вѣдь, между нами было кое-что посущественнѣе всякаго брудершафта. Не такъ ли?

Наступило молчаніе. Березкинъ дрожалъ, не переставая глядѣть на Ирину, все еще надѣясь гдѣ-то тамъ, въ уголкѣ души, что Ивойловъ лжетъ и вся правда обнаружится, настоящая, свѣтлая правда. Онъ ждалъ отвѣта Ирины такъ, какъ никогда еще въ жизни ничего не ждалъ. Онъ слыхалъ ея порывистое, шумное дыханіе. Одно ея слово — и все спасено, все новое, все другое и — прочь отсюда, отъ сверлящихъ глазъ Ивойлова, отъ его поганой усмѣшки!

— Я не понимаю — пробормотала Ирина, пожимая плечами: — о чемъ вы?

— Не стѣсняйся! — бурно подхватилъ Ивойловъ. — Березкинъ все знаетъ!

— Что... все? — прошептала Ирина, съ усиліемъ поднимая голову и желая твердо посмотрѣть въ Ивойловскіе глаза.

— Рѣшительно все!

Она посмотрѣла на Березкина, и ему стало ясно, что все правда, самая настоящая правда, и горечь и мука хлынули въ душу обжигающимъ потокомъ и затопили сердце.

— Я поставилъ всѣ точки надъ і, — продолжалъ Ивойловъ, — я разсказалъ ему о томъ, какъ ты читала мнѣ его письма, а я комментаріи къ нимъ дѣлалъ, но это не все, — торопливо продолжалъ онъ захлебываясь, — и о томъ, что здѣсь происходило, въ этомъ миломъ уголкѣ, безъ деталей, но существенное разсказалъ.

Ирина встала. По блѣднымъ щекамъ скатывались двѣ слезы, крупныя и свѣтлыя. Глаза горѣли разгоравшимся пламенемъ. Березкинъ, не зная, что дѣлать, протянулъ къ ней руки. Она ихъ не замѣтила.

— Куда же ты? — огорченно вскрикнулъ Ивойловъ: — Посиди, посиди, поговоримъ! — Онъ хотѣлъ взять ее за руку, но она отшатнулась.

— Если вы хотите... итти домой, Ирина Александровна, я провожу васъ, — сказалъ Березкинъ дрожащимъ голосомъ, задыхаясь отъ горя, гнѣва и отчаянія. — Пойдемте!

Ивойловъ всталъ передъ ними. растопыривая руки и улыбаясь краями губъ.

— Постойте, господа, позвольте!.. Я надѣялся, что мы проведемъ вечерокъ втроемъ, поговоримъ по душамъ. Я приготовился къ маленькому фестивальчику, а вы такъ скоро уходите!.. Подождите! У меня есть любопытныя вещички для коллективнаго прочтенія, такъ сказать, романчикъ въ письмахъ!

Березкинъ посмотрѣлъ на него сь ненавистью.

— Скажите по совѣсти, для чего вы устроили все это?

Ивойловъ прищурилъ лѣвый глазъ, и лицо стало язвительно и насмѣшливо.

— Для чего? Все дѣлается для чего-нибудь, и это тоже сдѣлано для чего, а? вы какъ думаете?

Ирина стала торопливо надѣвать пальто, не попадая сразу въ рукавъ и волоча пальто по полу.

— Итакъ, къ моему величайшему, сердечному прискорбію, мой вечеръ не удался. — Ивойловъ

вертѣлся, потирая руки и острымъ, издѣвательскимъ взглядомъ пронизывыя то Березкина, то Ирину.

— Какъ это отвратительно! — съ брезгливымъ передергиваніемъ въ лицѣ сказалъ Березкинъ.

Ивойловъ улыбнулся.

— Люблю житейскіе переплеты!.. Постой, Ирина, а письма свои развѣ не хочешь получить обратно?

Ирина вздрогнула и опустила руки.

— Отдайте!

Ивойловъ покачалъ головой.

— Теперь отдайте? Боитесь?.. А когда писала „вся твоя и навѣки"?.. Ну?.. Доказать?

— Пойдемте! — твердо произнесъ Березкинъ, открывая дверь.

Ирина провела рукой по глазамъ, словно приходя въ себя, и равнодушно и тихо сказала:

— Да... да... идемъ!

— Счастливаго пути! — суетился Ивойловъ, забѣгая впередъ. — Всего лучшаго!

На площадкѣ лѣстницы Ирина быстро обернулась и въ самое лицо Ивойлова съ ненавистью произнесла:

— Подлецъ!

Ивойловъ засмѣялся, поблескивая глазами.

— Напрасно волнуетесь! Письма будутъ въ полнѣйшей сохранности! Я перешлю ихъ вашему дядѣ.

Ирина вздрогнула, ничего не отвѣтила и, пошатываясь, медленно стала сходить по ступенькамъ, тяжело ступая на каждую. Позади захлопнулась дверь: Ивойловъ ушелъ къ себѣ.

Березкинъ проводилъ Ирину до дому. Всю дорогу молчали, шли каждый, какъ въ бреду, не замѣчая людей, улицъ, вечернихъ огней, не слыша грохота трамваевъ и городского шума.

Прощаясь съ Березкинымъ у своего подъѣзда, Ирина сказала:

— Намъ надо встрѣтиться.

Березкинъ отвѣтилъ тихимъ, едва слышнымъ голосомъ:

— Не знаю... я ничего не знаю теперь... ничего...

— Надо, надо! — настойчиво повторила Ирина и, склонясь къ нему, шопотомъ прибавила: — Если можете и хотите меня спасти — достаньте отъ него мои письма!

Она крѣпко пожала его руку и вошла въ подъѣздъ.

Березкинъ постоялъ, опустивъ голову, затѣмъ быстро пошелъ обратно по улицѣ и, подозвавъ извозчика, сѣлъ.

— Куда, баринъ, ѣхать прикажете?

Березкинъ сначала не понялъ вопроса. Извозчикъ переспросилъ:

— Полѣнный переулокъ. Меблированныя комнаты Алькazаръ! Живо!

Петроградъ.

Г. ЧУЛКОВЪ.

ТЕМНОЕ СЕРДЦЕ.

ТЕМНОЕ СЕРДЦЕ.

Драматическія сцены.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Аратова, Анна Семеновна, княгиня. Ей подъ пятьдесятъ лѣтъ, но она все еще прекрасна. Въ глазахъ ея мучительная тревога, и вся она изнемогаетъ подъ бременемъ давняго горя.

Марина, ея дочь, девятнадцати лѣтъ. У нея такое выраженіе лица, какъ будто она не вѣритъ въ то, что вокругъ нея, въ этотъ видимый міръ.

Мерцаловъ, Борисъ Павловичъ, инженеръ. У него твердая рѣшительная поступь. Жесты увѣренные.

Наталья Николаевна, жена Мерцалова, урожденная княжна Аратова. Двадцати шести лѣтъ.

Чешинская, Марфа Тимофеевна, пожилая дѣвушка. Ноги у нея почему-то остались недоразвитыми, и она передвигается на костыляхъ съ проворствомъ, неожиданнымъ и жуткимъ. Смѣется истерически и всегда куда-то спѣшитъ.

Тавровъ, Андрей Ивановичъ. Молодой человѣкъ, Лѣтъ двадцати трехъ. Пишетъ стихи. Интересуется онъ, впрочемъ, больше всего авіаціей. Однажды участвовалъ въ полетѣ и упалъ, но съ небольшой высоты, и теперь носитъ повязку на головѣ, гдѣ, какъ онъ говоритъ, остался „глубокій шрамъ".

Рябовъ, Петръ Петровичъ, студентъ-техникъ, помощникъ Мерцалова. Тужурка сшита на военный ладъ. Мастеръ показывать фокусы. Лицо у него на первый взглядъ красивое, весьма, однако, похожее на лица восковыхъ фигуръ.

ТЕМНОЕ СЕРДЦЕ.

ПЕРВАЯ СЦЕНА.

Зала съ колоннами въ деревенскомъ домѣ Аратовыхъ. По стѣнамъ фамильные портреты. Отворена дверь на террасу. Видны липы стараго парка. Осенній вечеръ. Входитъ Тавровъ, но ему загораживаетъ дорогу Чешинская, неожиданно появившаяся на своихъ костыляхъ.

Чешинская. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ. Увѣряю васъ, она больна. Она серьезно больна. И княгиня разстроена. И Наталья Николаевна нездорова. Поѣзжайте домой, право. Я знаю, ваша усадьба въ пяти верстахъ отсюда. Если вамъ не трудно, и меня кстати подвезите: мнѣ въ Красивку. Это небольшой крюкъ, право.

Тавровъ. Позвольте... Какъ же это? Меня пригласили сегодня...

Чешинская. Ахъ, увѣряю васъ, это недоразумѣніе. Васъ не хотятъ видѣть. Я знаю, навѣрное.

Тавровъ. Ничего не понимаю. Но... Но позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю удовольствіе...

Чешинская. Ахъ, да. Я и забыла, что вы меня не знаете. Я — Чешинская, Марфа Тимофеевна... А васъ я знаю по фотографической карточкѣ. Вы — Андрей Ивановичъ Тавровъ. Не правда ли?

Тавровъ. Да, я — Тавровъ... Но позвольте вамъ задать еще одинъ вопросъ. Вы сказали „больна“... Кто же это? Неужели Марина Николаевна?

Чешинская. Да. Представьте. Марина заболѣла. Такая молоденькая, такая очаровательная — и вотъ заболѣла... (Входитъ Марина).

Марина. И неправда: вовсе я не больна. Здравствуйте, поэтъ.

Чешинская. Ахъ, какъ это странно. Я сказала „больна", а вы не хотите понять, что я выразилась условно...

Марина. Не смущайтесь, Марфа Тимофеевна. Я сама часто говорю неправду.

Чешинская (долго истерически смѣется). Ахъ, мнѣ такъ неловко, право... Мнѣ казалось, что вы разстроены. Я хотѣла избавить васъ отъ новыхъ встрѣчъ. (Смѣется). До свиданія. Я скажу Ивану, чтобы онъ заложилъ шарабанъ. Вы позволите? Не правда ли? До свиданія... (На порогѣ она падаетъ и роняетъ костыли, и опять смѣется истерически. Тавровъ помогаетъ ей подняться). Благодарю васъ, благодарю васъ, поэтъ... Вы пишете, навѣрное, чудные стихи... До свиданья, Марина Николаевна. (Смѣется и, постукивая костылями, торопливо уходитъ).

Тавровъ. Какое странное и непріятное созданіе.

Марина. А мы съ вами не странные?

Тавровъ. По иному, Медея. Странные мы, но не такъ торопливы и назойливы.

Марина. Вы назвали меня Медеей? Почему?

Тавровъ. Сегодня ночью приснилась мнѣ Медея. И это были вы — съ кинжаломъ въ рукѣ и змѣи у ногъ.

Марина. И это называется на нашемъ языкѣ „демоническая натура".

Тавровъ. Мстительная волшебница — вотъ кто Медея.

Марина. Ахъ, напрасны эти слова. Нѣтъ у меня чаръ. Пожалѣть меня надо.

Тавровъ. Васъ? Пожалѣть? А у самой улыбка дрожитъ на губахъ. И такой насмѣшливый взглядъ...

Марина. А все-таки пожалѣть меня надо. Печальна я. Покинулъ меня женихъ мой.

Тавровъ. Это неправда. У васъ не было жениха.

Марина. А я вѣрю, что былъ. У него были тонкіе, блѣдные пальцы и пѣвучій голосъ.

Тавровъ. Зачѣмъ вы мучаете меня? Я знаю васъ съ дѣтства, но вы всегда были для меня загадкой. И теперь я не понимаю, когда вы шутите и когда говорите правду.

Марина. Я сама не знаю, милый поэтъ.

Тавровъ. Мнѣ страшно, что я люблю васъ...

Марина. Не надо говорить обо мнѣ... Скажите, какъ ваша рана? Вы долго будете носить повязку?

Тавровъ. Повязку? Не знаю... Какъ докторъ... Шрамъ не безпокоитъ меня.

Марина. Вы хотѣли разсказать мнѣ о томъ, какъ вы подымались на монопланѣ? Разскажите мнѣ...

Тавровъ. Вы спрашиваете меня о полетѣ, но, я знаю, вамъ все равно.

Марина. Неправда. Я любознательна.

Тавровъ. Хорошо. Я разскажу вамъ.

Марина. Пойдемте въ паркъ. (Тавровъ и Марина уходятъ. Въ залу изъ боковой двери выходятъ княгиня и Наталья Николаевна Мерцалова).

Наталья Николаевна. Клянусь тебѣ, мама, онъ уже не любитъ меня. Я не могу такъ жить... Я не могу такъ жить... Я не могу...

Княгиня. Дитя мое. Милое дитя мое. Мнѣ тоже казалось, что мой мужъ, твой отецъ, не любитъ меня. Но, вѣдь, ты знаешь, что онъ отравился, когда я покинула его. (Онѣ приникли другъ къ другу и плачутъ).

Наталья Николаевна. У него такіе холодные глаза, Такіе надменные глаза.

Княгиня. Дитя мое. Не суди его. Жизнь такъ непонятна. Онъ молчаливъ. Одинъ Богъ знаетъ, что у него на душѣ. Можетъ быть, онъ страдаетъ ужасно и безнадежно.

Наталья Николаевна. Но слова его такъ трезвы и такъ точны. И онъ всегда взвѣшиваетъ свои мысли, какъ золото, и слишкомъ знаетъ ихъ цѣну. Онъ ни съ кѣмъ не подѣлится своею душою. Ахъ, онъ скупой человѣкъ.

Княгиня. И отецъ твой казался мнѣ скупымъ... А теперь... Теперь... Я боюсь проходить мимо нашего склепа. А когда твой отецъ снится мнѣ, я изнемогаю отъ ужаса. Дитя мое. Надо смиренно нести нашъ крестъ. (Входятъ Мерцаловъ и Рябовъ. Рябовъ — съ большимъ планомъ, свернутымъ въ трубку).

Мерцаловъ. Вотъ развернемъ планъ на этомъ столѣ. Въ моей комнатѣ столяръ устанавливаетъ полки и стучитъ молоткомъ... Вы позволите, княгиня, разсмотрѣть здѣсь этотъ планъ?

Княгиня. Конечно, Борисъ Павловичъ, конечно.

Мерцаловъ. Смотрите сюда, Петръ Петровичъ. Вамъ придется измѣрить поверхность и опредѣлить высоту слѣдующихъ пунктовъ — вотъ этого холма, луга священника, здѣсь, гдѣ зеленая краска, и части кладбища до красной границы.

Княгиня. Какъ? Кладбище тоже входитъ въ полосу отчужденія?

Мерцаловъ. Да, входитъ, княгиня. Это неизбѣжно. Въ этой части кладбища нѣтъ недавнихъ могилъ. Епархіальное начальство согласно на выкупъ. И крестьяне согласны. Ограду перенесутъ.

Княгиня. А нашъ склепъ, гдѣ мужъ мой?

Мерцаловъ. Ограда будетъ вплотную подходить къ склепу.

Княгиня. Покойный мужъ всегда мечталъ о томъ, что по нашей землѣ проведутъ желѣзную дорогу на сѣверъ. Такъ и случилось. Но слишкомъ поздно. Мнѣ уже все равно.

Мерцаловъ. Все равно? Какъ странно... А между тѣмъ дорога, которую мы проводимъ, обогатитъ этотъ край.

Рябовъ. И цѣнность вашего имѣнія, княгиня, значительно увеличится.

Наталья Николаевна. Я представляю себѣ этотъ огромный желѣзнодорожный мостъ, который построитъ Борисъ. Мостъ будетъ переброшенъ съ нашего берега на

тавровскую землю. Какъ онъ будетъ могучъ, гибокъ и прекрасенъ. Какъ стальной змѣй...

Рябовъ. Борисъ Павловичъ показывалъ мнѣ проектъ моста. Какой строгій расчетъ въ этомъ проектѣ и какъ гармонично сочетаются всѣ части сооруженія! Я былъ пораженъ, княгиня. (Входятъ Марина и Тавровъ).

Марина. Кто говоритъ: „я былъ пораженъ“? Я очень хотѣла бы знать, что въ этомъ мірѣ можетъ поразить человѣка...

Рябовъ. Это я, княжна, восхищенъ проектомъ Бориса Павловича.

Марина. А! Это вы... Борисъ Павловичъ построитъ, вѣроятно, что-нибудь прочное и высокое, какъ башня Эйфеля въ Парижѣ, и такое же непріятное, какъ она...

Наталья Николаевна. Что она говоритъ! Мама, что она говоритъ?

Княгиня. Марина! Ты шутишь? Ты вѣдь не хотѣла сказать ничего обиднаго? Вѣдь нѣтъ?

Марина. Я сказала, мама, то, что сказала.

Наталья Николаевна. Ты всегда, Марина, хочешь оскорбить тѣхъ, кому ты завидуешь. Это гадко. Это низко, наконецъ. (Марина внезапно подходитъ къ Мерцалову, садится къ нему на колѣни и обнимаетъ его).

Марина. Не сердись, Наташа. Твой мужъ не обидится. Мы съ нимъ друзья. Видишь, я даже цѣлую его.

Наталья Николаевна. Не смѣй! Не смѣй! Боже мой! Это ужасно...

Княгиня. Марина! Наташа! (Мерцаловъ освобождается отъ объятій Марины).

Мерцаловъ. Шутки ваши, Марина, заходятъ слишкомъ далеко.

Наталья Николаевна. Ты... Ты... О, Боже мой. (Наталья Николаевна плачетъ и кашляетъ).

Рябовъ. Ахъ, какъ вы всѣ нервны! Господа! Не надо сердиться. Позвольте, господа, занять на минуту ваше вниманіе. Вотъ я вижу карты на столѣ. Я покажу вамъ

сейчасъ одинъ фокусъ. Будьте такъ добры, княгиня, возьмите одну карту изъ колоды. Прекрасно. Теперь обратите вниманіе на эту шляпу. Она пустая. Въ ней ничего нѣтъ. Не правда ли, Борисъ Павловичъ? Я тасую колоду... Теперь, господа...

Марина. Перестаньте, Рябовъ. Это скучно, то, что вы дѣлаете.

Рябовъ. Если это вамъ непріятно, княжна, я не буду, я не буду.

Мерцаловъ. Вы нервный и капризный ребенокъ, Марина.

Княгиня. Господа! Чай готовъ. Идемте, господа, въ столовую. Самоваръ на столѣ. (Марина шопотомъ говоритъ Рябову: „останься". И, когда всѣ уходятъ, она кладетъ ему руки на плечи и долго смотритъ ему въ лицо).

Марина. Какіе пустые глаза! Какіе робкіе глаза!

Рябовъ. Марина!

Марина. Молчи. Молчи... Я не люблю, когда ты говоришь. Вотъ ключъ отъ моей комнаты. Сегодня ночью я буду тебя ждать — ночью, послѣ двѣнадцати...

ВТОРАЯ СЦЕНА.

Кладбище и фамильный склепъ князей Аратовыхъ. За оградою — насыпь, груды камней, шпалы и телеграфные столбы. Еще свѣтло, но солнце склонилось на западъ. Рябовъ и рабочіе что-то измѣряютъ за оградою. Входитъ Мерцаловъ.

Мерцаловъ. Какъ у васъ идетъ дѣло? Все вы измѣрили, что надо?

Рябовъ. Вотъ послѣдняя цифра и все готово, Борисъ Павловичъ. (Рябовъ дѣлаетъ знакъ рабочимъ, и рабочіе уходятъ).

Мерцаловъ. Прекрасно. Вы всегда точны. Это пріятно. Порядокъ прежде всего. Я предложу нашему директору назначить вамъ жалованье. Вы мнѣ нужны.

Рябовъ. Благодарю васъ, Борисъ Павловичъ.

Мерцаловъ. Благодарить не надо. Хорошій работникъ всѣмъ нуженъ. Русскіе люди плохо работаютъ — и народъ, и наша интеллигенція. А работа излѣчиваетъ отъ недуговъ. Вокругъ насъ мечтатели, но мы, сильные, должны трудиться упорно, чтобы оправдать жизнь. Вы знаете, что это значитъ? Это значитъ — организовать ее. Отвлеченныхъ началъ я не признаю. Философія — въ дѣйствіи, въ поступкахъ, въ творчествѣ... Но воздѣлывать ниву жизни надо планомѣрно. А для этого нуженъ строгій методъ... Позвольте, о чемъ-то хотѣлъ васъ спросить... Итакъ, директоръ правленія назначитъ вамъ постоянное жалованье... О чемъ же я хотѣлъ васъ спросить? Ахъ, да. Вспомнилъ. Скажите мнѣ откровенно, вы влюблены въ княжну?

Рябовъ. Какъ? Я не понимаю... Какъ же это? Вы такъ неожиданно...

Мерцаловъ. Какъ хотите. Я не требую признаній.

Рябовъ. Я сказалъ бы охотно, но...

Мерцаловъ. Нѣтъ, не говорите. Зачѣмъ же? Я задалъ вамъ вопросъ, потому что я хотѣлъ предупредить васъ, если не поздно.

Рябовъ. Ахъ, я ничего не смѣю открыть вамъ.

Мерцаловъ. И не надо. Я только предупредилъ васъ.

Рябовъ. Вы знаете, у меня есть отецъ. Онъ очень строгій и рѣшительный человѣкъ. И я его очень уважаю, увѣряю васъ.

Мерцаловъ. Вашъ отецъ, конечно, заслуживаетъ глубокаго уваженія.

Рябовъ. Что онъ скажетъ? Вы подумайте... (Входитъ Тавровъ съ книгою въ рукѣ).

Тавровъ. Здравствуйте, господа инженеры. Я думалъ, что кладбище посѣщаютъ лишь мертвецы, любовники и поэты. Оказывается, и вы здѣсь.

Мерцаловъ. Мы пришли сюда, чтобы отнять у мертвыхъ кусокъ земли и отдать его живымъ.

Тавровъ. Это прекрасно, если только вы знаете, кто живъ и кто мертвъ. Смотрите, не перепутайте.

Рябовъ. Какая странная и неясная мысль.

Тавровъ. Ахъ, это очень ясно, и очень точно, къ сожалѣнію.

Мерцаловъ. Вы читаете книгу. Какую книгу можно читать въ часъ заката на кладбищѣ?

Тавровъ. Я читаю Эврипида „Медею". И признаюсь вамъ, нѣсколько смущенъ. Современная Медея опаснѣе древней. Жена Язона мстила за себя измѣнившему мужу, а современная Медея мститъ всѣмъ мужчинамъ за женщину вообще. Впрочемъ, она и сама гибнетъ въ концѣ концовъ.

Мерцаловъ. Вы придаете какое-то исключительное значеніе женщинѣ. Женщина — начало безразличія. Она губительна, когда перестаетъ быть матерью, это правда, но ее надо укрощать, если она забываетъ о своемъ назначеніи.

Тавровъ. Вы ошибаетесь, все мудрое въ мірѣ — женственно. Но мудрость неразгаданная мститъ за себя. Тогда она является намъ, какъ Медея, укоряетъ насъ за измѣну и убиваетъ своихъ дѣтей.

Рябовъ. Кто-то идетъ сюда.

Мерцаловъ. Это, кажется, княгиня съ моею женою... Мнѣ пора домой, однако.

Тавровъ. И мнѣ пора.

Рябовъ. Я долженъ вамъ сказать еще два слова, Борисъ Павловичъ. (Мерцаловъ, Тавровъ и Рябовъ уходятъ. Княгиня съ розами въ рукахъ и Наталья Николаевна).

Княгиня. Твой отецъ казался всегда равнодушнымъ ко мнѣ. Какъ трудно разгадать сердце человѣческое. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ убилъ себя, міръ сталъ казаться мнѣ призрачнымъ. И мнѣ такъ страшно, такъ страшно... Я прошу тебя итти со мною на его могилу, потому что я боюсь подойти къ ней одна.

Наталья Николаевна. Хорошо... Какой красивый лугъ былъ по ту сторону кладбища. И какъ безобразны теперь эти груды камней и телеграфные столбы.

Княгиня. Мы всѣ — живые и мертвые — скованы одной цѣпью.

Наталья Николаевна. Мама. Милая мама. Я скоро умру.

Княгиня. Не надо такъ думать, дорогая. Не надо.

Наталья Николаевна. Мама. Я не могу жить безъ любви. Я не могу. У Бориса своя мечта, и онъ мнѣ ничего не можетъ дать. Онъ живетъ одинъ, одинъ...

Княгиня. Ты мнительна, Наташа. Онъ любитъ тебя.

Наталья Николаевна. Нѣтъ, онъ любитъ только планы, чертежи и числа... И знаешь, я думаю, что онъ жестокъ.

Княгиня. Ахъ, зачѣмъ ты такъ говоришь. Я никогда не замѣчала въ немъ жестокости.

Наталья Николаевна. Я не могу доказать это, но мнѣ почему-то кажется, что въ сердцѣ у него есть тайная жестокость.

Княгиня. Молчи, молчи, Наташа. Пойдемъ къ могилѣ. Я хочу положить розы. (Онѣ входятъ въ склепъ. Неожиданно на костыляхъ появляется Чешинская).

Чешинская. Въ домѣ никого. И въ саду никого. Но я чувствую, что они здѣсь. Они всѣ боятся смерти, а сами постоянно около могилъ. Княгиня! Княгиня! Вы здѣсь? Или, можетъ быть, вы, Наталья Николаевна, пришли сюда? (Изъ склепа выходятъ княгиня и Наталья Николаевна).

Чешинская. Я такъ и знала, княгиня, что вы здѣсь. А гдѣ же княжна? Я не могу долго не видѣть ее.

Княгиня. Не знаю, милая, не знаю.

Наталья Николаевна. Сестра всегда пропадаетъ, а когда она появляется, какъ-то неловко и трудно разспрашивать ее... Мнѣ иногда кажется, что она исчезаетъ, какъ дымъ, какъ призракъ.

Чешинская. Княжна исчезаетъ, какъ дымъ. (Чешинская долго истерически смѣется. Княгиня и Наталья Николаевна съ ужасомъ на нее смотрятъ).

Княгиня. Совсѣмъ темно стало. Пора домой. Страшно здѣсь.

Наталья Николаевна. И мнѣ страшно.

Чешинская. А сестра ваша ничего не боится. А ее всѣ боятся. Вотъ развѣ только мужъ вашъ, Борисъ Павловичъ — вотъ развѣ только онъ не боится. А скажите, княгиня, скоро будетъ свадьба?

Княгиня. Какая свадьба?

Чешинская. Свадьба княжны.

Княгиня. Я не понимаю васъ.

Чешинская. Развѣ княжна не выходитъ замужъ? Развѣ Андрей Ивановичъ Тавровъ не женихъ ея?

Наталья Николаевна. Странный и напрасный разговоръ. Домой пора. Не хорошо мнѣ, душно... (Наталья Николаевна кашляетъ. Княгиня беретъ ее подъ руки и уводитъ. Чешинская спѣшитъ за ними на костыляхъ. Темно. Входитъ Рябовъ съ маленькимъ фонаремъ).

Рябовъ. Княжна! Марина! Ея нѣтъ. Господи, какъ темно. И какъ страшно звучитъ голосъ здѣсь, около склепа. Марина! (Незамѣтно на кладбище пришла княжна и стала, прижавшись къ фасаду склепа. Сначала ея не видно, потомъ неожиданно она появляется. И кажется, что одна изъ каріатидъ склепа ожила и выступила впередъ).

Марина. Вы все-таки пришли. На этотъ разъ я ошиблась. Мнѣ казалось, что вы ночью не рѣшитесь притти сюда, къ могиламъ.

Рябовъ. Ночныя могилы не страшны. Я только васъ боюсь, Марина.

Марина. Не бойтесь меня. Не бойся меня, милый призракъ.

Рябовъ. Что вы говорите, Марина! Я человѣкъ, и мнѣ непріятно, когда вы шутите такъ.

Марина. Я не шучу, нѣжный мой другъ. И тебѣ лучше быть моимъ призракомъ, чѣмъ оставаться воплощеннымъ напрасно.

Рябовъ. Ахъ, какъ все это тяжело и непонятно. И за-

чѣмъ вы велѣли притти мнѣ на кладбище? Вотъ я не испугался и пришелъ, но какъ-то жутко здѣсь и мрачно. (Облака разсѣиваются. Плыветъ блѣдная луна. Стало свѣтлѣе).

Марина. Нѣтъ, здѣсь хорошо. Вонъ и луна, какъ лебедь.

Рябовъ. Марина. Я люблю васъ. Но не губите меня. (Рябовъ становится на колѣни).

Марина. Ты — возлюбленный мой? Но ты ли это? Милый. Тебя не подмѣнили? Нѣтъ?

Рябовъ. Ахъ, я слишкомъ простъ для васъ. А вы не хотите меня щадить.

Марина. Дай мнѣ коснуться твоихъ волосъ. Ты прекрасенъ. Ты какъ святой Георгій.

Рябовъ. Ваши нѣжныя слова всегда такъ неожиданны и странны, что я не могу имъ вѣрить. Вы опасны для меня.

Марина. Ты такъ думаешь, мой милый?

Рябовъ. Не я одинъ... Борисъ Павловичъ...

Марина. Какъ! Ты говорилъ съ нимъ обо мнѣ?

Рябовъ. Я ничего не говорилъ ему. Это онъ предупреждалъ меня

Марина. Да, да... Теперь я вижу. Это не ты. Тебя подмѣнили.

Рябовъ. Не истолкуйте дурно моего признанья. Я слишкомъ уважаю Бориса Павловича Мерцалова.

Марина. Развѣ я упрекаю тебя за твою откровенность?

Рябовъ. Вы ничего не говорите, но я чувствую, что вы презираете меня.

Марина. Нѣтъ, я не презираю. Только ты — мертвый, какъ и всѣ эти вокругъ насъ. А, можетъ быть, они болѣе причастны жизни, чѣмъ ты.

Рябовъ. Княжна! Пощадите меня.

Марина. Убей меня.

Рябовъ. Я не могу, я не смѣю убить васъ...

Марина. Но, вѣдь, посмѣлъ же ты быть моимъ любовникомъ?

Рябовъ. Вы, вы этого хотѣли! Я былъ игрушкою въ вашихъ рукахъ.

Марина. А ты? Ты не хотѣлъ этого? Впрочемъ, молчи, молчи... Ты, вѣдь, рыцарь, конечно. Ты предложишь теперь руку и сердце, не правда ли?

Рябовъ. Я? Жениться? Я какъ-то не думалъ объ этомъ. Но я подумаю... Я подумаю... Боже мой! Что скажетъ отецъ! Что скажетъ мой отецъ! (Княжна смѣется. Рябовъ закрылъ лицо руками. Въ это время княжна отошла къ склепу и пропала въ его тѣни).

Рябовъ. Княжна! Марина! Гдѣ же она? Господи! Могилы вокругъ... Страшно мнѣ...

ТРЕТЬЯ СЦЕНА.

Комната Мерцалова. На столахъ и стѣнахъ чертежи, планы и карты. Мерцаловъ насильно вводитъ въ комнату княжну.

Марина. Пустите меня! Какъ вы смѣете? Пустите меня! Слышите?

Мерцаловъ. Я долженъ поговорить съ вами. (Мерцаловъ запираетъ дверь и беретъ ключъ).

Марина. Я васъ не понимаю. Если вы не отпустите меня, я буду кричать.

Мерцаловъ. Я долженъ объясниться съ вами.

Марина. Я ничего вамъ не скажу и мнѣ вамъ нечего сказать.

Мерцаловъ. Тогда я вамъ скажу. Если вы не прекратите вашей недостойной игры, я буду вынужденъ сдѣлать что-нибудь рѣшительное. Вы убиваете Наталью Николаевну.

Марина. Какая игра? Я ничего не хочу знать.

Мерцаловъ. Вы постоянно дѣлаете видъ, что между мною и вами существуютъ какія-то интимныя отношенія. Это убиваетъ Наталью Николаевну. Вы забываете, что у нея чахотка и болѣзнь сердца кромѣ того.

Марина. Ахъ, мнѣ все равно. Я ничего не помню.

Мерцаловъ. Я хочу обезпечить спокойствіе моей жены и мое спокойствіе.

Марина. А вы волнуетесь?

Мерцаловъ. Меня раздражаетъ ваше безстыдство.

Марина. Безстыдство? Что это значитъ?

Мерцаловъ. Нельзя смотрѣть на всѣхъ такими глазами, какими смотрите вы. И многое другое раздражаетъ меня. Вамъ девятнадцать лѣтъ, но вы зачѣмъ-то мажете губы красной помадой и подводите глаза. Вы надѣваете полупрозрачное платье прямо на тѣло – это непріятно и развратно.

Марина. Это вы развратны, господинъ Мерцаловъ.

Мерцаловъ. Я требую, чтобы вы не волновали моей жены.

Марина. Вы развратны, господинъ Мерцаловъ. (Мерцаловъ беретъ со столика хлыстъ).

Мерцаловъ. Извольте мнѣ дать честное слово, что вы измѣните ваше поведеніе.

Марина. Отоприте дверь.

Мерцаловъ. За что вы ненавидите вашу сестру?

Марина. Нельзя такъ слѣпо и рабски любить, какъ она любитъ васъ.

Мерцаловъ. А! Вы завидуете моей женѣ, потому что она любитъ, какъ женщина. А вы, конечно, не женщина... Вы — фантастическая птица и, можетъ быть, хищная.

Марина. Мнѣ все равно — я презираю васъ.

Мерцаловъ. Молчите. (Онъ подымаетъ хлыстъ).

Марина. Я презираю васъ. (Мерцаловъ сильно ударяетъ княжну хлыстомъ по рукѣ).

Мерцаловъ. Вамъ будетъ больно. Слышите. Вамъ будетъ больно...

Марина. Вы смѣшны и ничтожны. (Мерцаловъ наноситъ хлыстомъ удары все сильнѣе и сильнѣе).

Мерцаловъ. Змѣенышъ!

Марина. А! А! Бейте! Еще... еще... еще... (Княжна падаетъ на диванъ, Мерцаловъ бросаетъ хлыстъ и цѣлуетъ ее долгимъ поцѣлуемъ. Стукъ въ дверь).

Мерцаловъ. Кто это? (Отпираетъ дверь. Въ комнату нерѣшительно входитъ Рябовъ).

Рябовъ. Я принесъ вамъ смѣту, Борисъ Павловичъ. А! Княжна. Здравствуйте.

Марина. Здравствуйте, рыцарь.

Рябовъ. Простите, Борисъ Павловичъ. Я, кажется, зашелъ не во-время. Я уйду.

Мерцаловъ. Нѣтъ-нѣтъ, пожалуйста. Нашъ разговоръ съ княжною оконченъ. Я надѣюсь, Марина, вы не забудете моей просьбы.

Марина. Посмотрите, Рябовъ, на мою руку. Вы видите эти красныя полосы? (Она цѣлуетъ свои руки. Рябовъ смущенно улыбается).

Рябовъ. Да, вижу. Вамъ больно?

Марина. Было больнѣе. Сейчасъ не очень... Это меня билъ хлыстомъ Борисъ Павловичъ.

Рябовъ. Вы все шутите, княжна. (Онъ со страхомъ смотритъ на хлыстъ, который теперь лежитъ на полу).

Марина. Я не шучу. Борисъ Павловичъ думаетъ, что я теперь не буду его презирать, но онъ ошибается. Онъ въ моихъ глазахъ всегда смѣшонъ и ничтоженъ — и прежде, и теперь.

Рябовъ. Я ничего не понимаю. И этотъ хлыстъ... Все такъ странно.

Мерцаловъ. Ничего нѣтъ страннаго. Княжна больна — это бредъ.

Марина. Вы оба — мой бредъ, а можетъ быть, чей-нибудь еще. (Стукъ въ дверь. Входитъ Наталья Николаевна).

Наталья Николаевна. А! Ты не одинъ, Борисъ. Что ты здѣсь дѣлала, Марина?

Марина. Спорила съ твоимъ мужемъ, и вотъ онъ ударилъ меня.

Наталья Николаевна. Какая ложь! Никогда не повѣрю.

Рябовъ. Успокойтесь, господа. Княжна шутитъ, конечно. Позвольте занять ваше вниманіе на нѣсколько минутъ. Я разскажу сейчасъ исторію въ нѣкоторомъ родѣ романтическую. Сторожъ Матвѣй признался мнѣ, что онъ видѣлъ вчера ночью привидѣнія — два привидѣнія на кладбищѣ. Вы слушаете, княжна? (Смѣется). Я не сталъ его разубѣждать, конечно. Пусть чудакъ вѣритъ, что вчера на кладбищѣ были привидѣнія. Онъ слишкомъ старъ, этотъ Матвѣй.

Марина. А вы, Рябовъ, думаете, что вчера на кладбищѣ были живые люди? Не правда ли?

Рябовъ. Да, я такъ думаю, княжна.

Марина. Настоящіе живые люди? Не куклы и не призраки?

Рябовъ. Я не вѣрю въ привидѣнья.

Марина. Я думаю, что сторожъ Матвѣй былъ ближе къ истинѣ, чѣмъ вы.

Рябовъ. Опять шутки, княжна.

Наталья Николаевна. Какъ все это скучно. Какъ надоѣло. Борисъ! Петръ Петровичъ! Идемте внизъ. Пріѣхалъ землемѣръ. Мама проситъ посовѣтовать ей...

Мерцаловъ. Я иду.

Марина. А вы подождите, Петръ Петровичъ, я должна вамъ сказать одно слово. (Мерцаловъ и Наталья Николаевна уходятъ).

Рябовъ. Я слушаю, княжна.

Марина. Я беременна... У меня будетъ ребенокъ...

Рябовъ. Боже мой! Что дѣлать? Что дѣлать?

Марина. Вы спрашиваете, рыцарь, что дѣлать? Вамъ — ничего не надо. А я знаю, что я должна сдѣлать. Я знаю... Убить его надо, убить ребенка... (Марина закрываетъ лицо руками. Молчаніе).

ЧЕТВЕРТАЯ СЦЕНА.

Московская квартира Аратовыхъ. Комната княжны. Входятъ княгиня и княжна. Марина тотчасъ же ложится на диванъ. Княгиня садится рядомъ въ кресло. Около семи часовъ пополудни, но въ комнатѣ полумракъ, потому что спущены шторы.

Княгиня. Что съ тобою, Марина? Господи, что съ тобою, дитя мое? Ты вернулась такая блѣдная... Гдѣ ты была?

Марина. Я была у Вѣры. Ты знаешь ее? У подруги моей. Я просила ее объ одной вещи, но она не могла мнѣ ее дать.

Княгиня. Но ты такъ блѣдна! Такъ блѣдна!

Марина. Я слишкомь устала, мама. Я устала, устала...

Княгиня. Усни, дорогая, усни. Сонъ такое счастье. Все забыть, отдохнуть...

Марина. Я усну, мама... Прости меня.

Княгиня. Простить тебя? Что такое? Я не понимаю.

Марина. Ахъ, это бредъ. Это такъ! У меня, кажется, лихорадка. Уйди, мама.

Княгиня. Я уйду. Усни, усни: сонъ исцѣляетъ сердце. (Она цѣлуетъ княжну и тихо уходитъ).

Марина. Что это свѣтится тамъ, въ углу? Голубой свѣтъ какой-то? Что это такое? Не могу понять... Я сейчасъ встану и посмотрю. Нѣтъ, нѣтъ... Не могу... Слабость какая. Господи... Сіяніе голубое — тамъ въ углу. Это еще не свѣтъ, но предчувствіе свѣта. Это доземное что-то, нерожденное еще. Это нерожденная душа свѣтится тамъ. Страшно мнѣ, Господи. Я волшебница? Я — Медея? Я убила ребенка, чтобы отомстить? Неправда. Неправда. И все неправда. И никого я не убивала. Я не видѣла ничьихъ глазъ. Это не убійство. Нѣтъ, нѣтъ... Но чьи же глаза сіяютъ тамъ, во тьмѣ? Двѣ маленькія звѣздочки зажглись тамъ. Что это лежитъ на томъ креслѣ? Кто это? Чей это ребенокъ, Господи? Рученки какія. И ножки маленькія. И весь онъ въ сіяніи голубомъ, такомъ тихомъ, такомъ прохлад-

номъ сіяніи. Это чья-то душа. А что же со мною будетъ, Господи? Я гибну, гибну... Ужасъ какой. У тебя нѣтъ отца и нѣтъ матери, дитя мое. Господь да хранитъ тебя. Я — волшебница... Только я забыла все. И чаръ у меня нѣтъ уже, нѣтъ. Это маленькій мальчикъ со свѣтлыми волосиками. Онъ протягиваетъ ко мнѣ рученки. Милый. Милый. Я возьму тебя и прижму къ моей груди. Ты мой. Дитя мое... (Княжна пытается встать съ дивана и снова падаетъ на него). Нѣтъ, не могу я. Нѣтъ у меня силъ. Дитя мое. Гдѣ же ты? Вотъ и свѣтъ пропалъ. И нѣтъ лучей голубыхъ. Темно вокругъ. (Стукъ въ дверь). Кто тамъ? Войдите... Темно вокругъ. (Входитъ Тавровъ).

Тавровъ. Простите, что я пришелъ къ вамъ. Всѣ сейчасъ сидятъ въ гостиной. Я пришелъ сюда, чтобы сказать вамъ то, что мучаетъ меня ужасно.

Марина. А я устала, устала... Мнѣ все равно...

Тавровъ. Я не могу жить безъ васъ, дивная, невѣроятная, волшебная. У васъ глаза, какъ у змѣи, а иногда въ нихъ такая дѣтская невинность, такая чистота, что я не смѣю смотрѣть въ нихъ.

Марина. Не надо такъ говорить, не надо.

Тавровъ. Это правда — то, что я говорю. И руки у васъ нѣжныя. Я не могу смотрѣть безъ волненія на эти тонкіе пальцы. Когда я пріѣзжалъ къ вамъ въ усадьбу и васъ не было дома, — я страдалъ. А вы возвращались и говорили спокойно: „я ѣздила верхомъ въ Красивку“. Я знаю, что съ вами кто-то бываетъ постоянно. Кто этотъ вашъ вѣчный таинственный спутникъ? Кто онъ? Откройте мнѣ вашу тайну, Марина.

Марина. Я не могу, я все забыла.

Тавровъ. Вы влюблены?

Марина. Да, влюблена. Но ужъ нѣтъ его. Женихъ мой умеръ. И я теперъ мертвая.

Тавровъ. Это неправда. Вы всегда говорите о мертвомъ женихѣ. Но это — бредъ, Марина. Я знаю всю вашу

жизнь, съ дѣтства. Никто не умиралъ изъ тѣхъ, кого могли бы вы полюбить.

Марина. А я вѣрю, что онъ умеръ.

Тавровъ. Не мучайте меня, Марина. Неужели вы дурно относитесь ко мнѣ?

Марина. Нѣтъ, вы — хорошій и честный. Я люблю васъ, какъ брата.

Тавровъ. Будьте моею женою, Марина.

Марина. Я не могу быть вашею женою. Я уже мать, у меня есть ребенокъ.

Тавровъ. Бредъ. Бредъ. Не вѣрю... Какой ребенокъ?

Марина. Онъ еще не родился, онъ уже не родится, но это все равно. Свѣтъ былъ голубоватый такой, и я видѣла двѣ звѣздочки лучистыя, это глаза его.

Тавровъ. Кто былъ отецъ его, Марина?

Марина. Не знаю, не знаю. Это была большая кукла. Я играла въ нее.

Тавровъ. И вы влюблены въ „эту большую куклу“?

Марина. О, нѣтъ. Нѣтъ... Мнѣ надоѣла она... Я больше не хочу съ нею играть.

Тавровъ. Забудемъ объ этой куклѣ, Марина. Я забуду. Клянусь вамъ. Будьте моею женою... (Тавровъ стоитъ на колѣняхъ и цѣлуетъ руки Марины).

Марина. Милый! Милый! Братъ мой... (Неожиданно появляется Чешинская, падаетъ въ кресло, роняя костыли, и смѣется истерически).

ПЯТАЯ СЦЕНА.

Большая столовая. На столѣ самоваръ. Вокругъ сидятъ княгиня, Наталья Николаевна, Тавровъ, Мерцаловъ, Рябовъ, Чешинская и Марина.

Тавровъ. Сегодня я получилъ „Журналъ авіаціи“. Тамъ есть интересная статья Жана Лориссона. Когда Крэпэ перелеталъ Альпы и его подхватилъ ураганъ...

Чешинская. Нѣтъ, когда же вы, Андрей Ивановичъ, о самомъ себѣ, о томъ, какъ вы поднялись на монопланѣ?

Тавровъ. Это не такъ интересно. Я былъ въ качествѣ пассажира. Полетъ былъ неудаченъ. Хорошо, что авіатсръ и я отдѣлались незначительными ушибами и шрамами. Мы упали съ небольшой высоты.

Чешинская. Все это странно и завлекательно: поэтъ и авіаторъ!

Мерцаловъ. Вода, воздухъ, электричество и всѣ иныя сферы физическаго міра будутъ скоро покорены волѣ человѣка. Тогда начнется новая борьба съ психическими силами, которыя находятся теперь въ состояніи хаоса. Все то, что я называю женскимъ началомъ, должно подчиниться началу мужскому. А пока мы еще плохо боремся съ женщиной.

Марина. Да, вы правы, между мужчиною и женщиною идетъ смертельная борьба. Но кто побѣдитъ, знаетъ одинъ Богъ.

Мерцаловъ. Нѣтъ, я знаю, кто побѣдитъ.

Марина. Побѣда надъ женщиною вамъ кажется возможною, потому что вы встрѣтили случайно душу, жаждущую подчиняться и быть рабою. Но не всѣ женщины таковы. Иныя изъ нихъ понимаютъ, что любить мужчину и отдаваться ему — это значитъ сотворить себѣ кумиръ и нарушить заповѣдь великую и мудрую. Женихъ свѣтлый и прекрасный покинулъ міръ. А вы всѣ? Кто вы такіе? Кто?

Княгиня. О какомъ ты женихѣ говоришь? Я не понимаю... И ты волнуешься, Марина. Не надо волноваться, дорогая.

Марина. Мужчина любитъ женщину, какъ охотникъ птицу, которую убить онъ мечтаетъ.

Тавровъ. Мнѣ больно, когда вы такъ говорите.

Марина. Ахъ, я не хотѣла сдѣлать вамъ больно. Вы милый товарищъ. Вы — братъ мой. Ваши глаза не похожи на глаза мужчинъ... А вотъ вы, Рябовъ, что вы думаете объ этомъ?

Рябовъ. Я право, не знаю. Вѣроятно, истина посрединѣ. И мужское, и женское начало необходимы въ мірѣ. Зачѣмъ бороться? Не надо бороться...

Марина. Зачѣмъ бороться? Надо мирно устраивать семью. Не правда ли, Петръ Петровичъ?

Рябовъ. Я не хотѣлъ сказать ничего опредѣленнаго. Я боюсь крайнихъ мнѣній, княжна.

Чешинская. Вы меня извините, господа. Я очень нетактична. Я, можетъ быть, не то скажу, что надо. Только мнѣ такъ кажется, господа. (Смѣется).

Мерцаловъ. Мы слушаемъ. Въ чемъ дѣло?

Чешинская. Вотъ сейчасъ такой теоретическій разговоръ. Всѣ такъ отвлеченно говорятъ, а у каждаго въ сердцѣ маленькая мышка. Она тамъ грызетъ, грызетъ, грызетъ. (Смѣется. Всѣ молчатъ).

Марина. Пусть никто не думаетъ, что, если женщина ищетъ близости съ мужчиною, она всегда отдаетъ ему свою душу. Быть можетъ, она смѣется надъ этимъ счастливымъ обладателемъ ея тѣла?

Мерцаловъ. Должно быть, васъ кто нибудь-обидѣлъ, Марина?

Марина. Не вы ли, господинъ механикъ?

Наталья Николаевна. Не смѣй, не смѣй при мнѣ говорить такимъ тономъ. Ахъ, сердце... сердце... (Прижимаетъ руку къ груди).

Марина. По моему неблагородно, пользуясь своею болѣзнью, оскорблять другихъ.

Мерцаловъ. Вы злы и безнравственны. Извольте замолчать.

Тавровъ. Господинъ Мерцаловъ! Вы — негодяй... Я вызываю васъ.

Мерцаловъ. Что? Вы? При чемъ тутъ вы? Я не буду съ вами драться.

Тавровъ. Княжна! Разрѣшите мнѣ сказать о томъ, что вы обѣщали мнѣ... что вы не отказали мнѣ, когда я просилъ руки вашей... Господа! Княжна — моя невѣста. (Во

время ссоры Таврова съ Мерцаловымъ, Наталья Николаевна поднялась со стула, прижимая руки къ груди, и при послѣднихъ словахъ странно и неловко упала на стулъ).

Княгиня. Боже мой, что же это? (Мерцаловъ и Рябовъ бросились къ Натальѣ Николаевнѣ и пытаются привести ее въ чувство).

Чешинская. Да вѣдь она умерла, господа! Вѣдь это конецъ, господа...

ЭПИЛОГЪ.

Петербургская квартира Тавровыхъ. Комната Марины. Тавровъ, въ костюмѣ авiатора, и Марина.

Марина. Не уѣзжай. Не надо. Мнѣ страшно остаться одной.

Тавровъ. Но пойми, дорогая что я уже записанъ летчикомъ. И меня ждутъ.

Марина. Ахъ, не все ли равно? Скажутъ, что ты заболѣлъ.

Тавровъ. О да, конечно... Въ такомъ случаѣ я буду откровененъ, если хочешь. Меня, Марина, влечетъ опасность, влечетъ неудержимо. Я думалъ, что ,когда мы соединимся съ тобою, настанетъ тишина, и я примирюсь съ землею. Но ты сама знаешь, какая тревога у насъ въ домѣ.

Марина. О да, тревога.

Тавровъ. Я боюсь смотрѣть въ твои глаза, въ твои змѣиные глаза.

Марина. Боишься, милый?

Тавровъ. Да, боюсь. И меня мучаетъ ужасно твое прошлое. Ты даже имя не хочешь назвать, имя этого человѣка.

Марина. Я забыла его имя. Я все забыла.

Тавровъ. Ты жестока.

Марина. Можетъ быть. Но я не могу тебѣ мстить, а другимъ хочу. А ты мнѣ — братъ, милый.

Тавровъ. О, какъ я тебя люблю, Марина.

Марина. Не уѣзжай.

Тавровъ. О, нѣтъ нѣтъ. Только тамъ, въ воздухѣ, когда стучитъ моторъ, и я чувствую каждое движеніе моей стальной птицы, я забываю о томъ, что меня вѣчно терзаетъ. Я иду. Мнѣ пора. Прощай. (Дѣлаетъ шагъ къ двери и опять возвращается). Назови мнѣ его имя. Умоляю тебя..

Марина. У моей куклы не было имени.

Тавровъ. Не понимаю, о какой куклѣ ты говоришь.

Марина. Ты не понимаешь, что такое кукла? Вотъ я твоя кукла, напримѣръ. Правда? Я — твоя кукла, твоя кукла, милый...

Тавровъ. О, ты не принадлежишь мнѣ. Нѣтъ... нѣтъ... Прощай...

Марина. Прощай. (Тавровъ уходитъ. Марина задергиваетъ шторы и зажигаетъ свѣчи).

Марина. Одна. Одна. Онъ и не знаетъ, почему я боюсь остаться одна. И сейчасъ, въ полумракѣ, при свѣчахъ страшно, а при солнцѣ еще страшнѣе. Я боюсь этихъ бѣлыхъ лучей и этой дневной простоты. Нѣтъ, ужъ лучше ночь, ночь, ночь, — вѣчная ночь. (Садится въ глубокое кресло. Молчаніе). Ты здѣсь? Ты пришла? Нѣтъ, ничего... Я согласна, я ждала тебя... Мнѣ все равно. Да, да... Я этотъ шарфъ зеленый носила въ деревнѣ. А тебѣ не холодно такъ? Нѣтъ? И у меня тоже пальцы зябнутъ... Про него я ничего не знаю. Въ газетахъ только читала, что мостъ открыли. Говорятъ, чудо техники. Ты говоришь, глазамъ больно? Хочешь, свѣчи потушу? Что же ты молчишь? Ты ушла, Наташа? (Входитъ Мерцаловъ).

Мерцаловъ. Я пришелъ къ вамъ, Марина. Вашего мужа нѣтъ дома. Вы знаете, зачѣмъ я пришелъ къ вамъ.

Марина. Да, знаю.

Мерцаловъ. Что же вы скажете, да или нѣтъ?

Марина. Нѣтъ, конечно.

Мерцаловъ. Я теперь уже не тотъ Марина. Я побѣжденъ.

Марина. А Наташа все такая же. Только она теперь не ревнуетъ. Ей все равно.

Мерцаловъ. Это что? Бредъ?

Марина. Можетъ быть. Она, впрочемъ, бываетъ у меня.

Мерцаловъ. А когда... она... приходитъ — страшно это?

Марина. Нѣтъ, не страшно. Только пусто очень и скучно. Такъ скучно... Такъ скучно... Точно сердце изъ груди вынули.

Мерцаловъ. Вы больны. Уѣдемъ отсюда куда-нибудь въ Альпы, въ горы.

Марина. Съ вами — никогда.

Мерцаловъ. Почему? Марина, почему?

Марина. Потому что, можетъ быть, я люблю васъ. А я не хочу васъ любить.

Мерцаловъ. О, безумная. О, дивная. Но зачѣмъ вы замужемъ? Боже мой. Зачѣмъ?

Марина. Такъ надо.

Мерцаловъ. И это вамъ не страшно?

Марина. Одинъ разъ было страшно — въ церкви, когда вѣнчали насъ. На коврикѣ подъ ногами чье-то лицо было строгое и вдругъ улыбнулось. И опять улыбнулось. Это страшно.

Мерцаловъ. Когда я думаю о томъ, что Рябовъ былъ любовникомъ вашимъ и теперь этотъ Тавровъ — вашъ мужъ, мнѣ кажется, что все это дурной сонъ. А когда я вѣрю въ это, мнѣ хочется убить васъ.

Марина. Убить? Убей, убей, милый. Счастье какое. Вотъ подай мнѣ ларецъ тотъ. (Мерцаловъ подаетъ ларецъ). Вотъ видишь роза здѣсь и записка. Знаешь, чья роза? Твоя... Ты держалъ ее въ рукахъ. А записка... Читай, если хочешь — „Въ смерти моей прошу никого не винить“. Понимаешь? А вотъ... (Вынимаетъ револьверъ).

Мерцаловъ. Не надо... не надо...

Марина. Не надо? Почему? А я думаю суждено мнѣ

это. Не могу я больше. Не могу. Скучно мнѣ... Ахъ, какъ скучно...

Мерцаловъ. Безумная! Я люблю васъ... (Становится на колѣни).

Марина. Не трогай меня. Я боюсь тебя... И ты — мертвецъ...

Мерцаловъ. Молчи. Молчи. (Мерцаловъ пытается обнять Марину, но она отталкиваетъ его и мечется по комнатѣ, какъ слѣпая).

Марина. Скучно мнѣ. Скучно мнѣ. Заблудилась я, запуталась... Въ лабиринтѣ я. (Стукъ въ двери и появляется Чешинская).

Чешинская. Здравствуйте, Марина. Ахъ, Боже мой! И вы здѣсь, Мерцаловъ. Какъ неожиданно. Простите меня. Я всегда дѣлаю не то, что надо. Ахъ, Боже... (Роняетъ костыли и падаетъ. Мерцаловъ помогаетъ ей подняться).

Мерцаловъ. Мнѣ почему-то кажется, что вы можете ходить безъ костылей, что вы нарочно ихъ таскаете съ собою и падаете нарочно.

Чешинская. Ахъ, какой вы злой. Какой злой.

Марина. Скучно мнѣ! Скучно!

Чешинская. На дворѣ туманъ, а у васъ еще темнѣе. Совсѣмъ ночь. Вы такъ любите сумракъ, Марина?

Марина. Скучно мнѣ... Скучно...

Чешинская. Вы меня извините, Марина, но, право, вы такъ твердите одно и то же, какъ будто кукушка. Это даже непріятно.

Марина. Хорошо. Я перестану. Подождите. Я сейчасъ... Я замолчу... Я замолчу...

Чешинская. Да, да... такой туманъ сейчасъ — просто бѣда. Я едва добралась до извозчика. Меня чуть съ ногъ не сбили. Я собиралась сейчасъ въ концертъ ѣхать. Сегодня симфонія „Героическая"... А я въ ней похоронный маршъ очень люблю... Вотъ и билетъ. Только вдругъ у меня что-то сердце сжалось. Я о васъ думать стала. Ну, думаю, тутъ безъ меня дѣло не обойдется. Поѣду-ка я къ

Маринѣ. Сейчасъ въ концертѣ можетъ быть и есть кто-нибудь въ родѣ меня, ну а ужъ у Марины я единственная. Вотъ я и пріѣхала, милая моя очаровательница.

Марина. Я вамъ рада. Вы пріѣхали въ удачный часъ. Никого не хочу видѣть. а васъ хочу.

Чешинская. Я вѣрю, вѣрю. Вы меня понимаете. Я — какъ вы — растревоженная. И чего я тревожусь, сама не знаю. Да, вѣдь, и вы тоже не знаете.

Марина. Такъ... Мечтанія разныя...

Чешинская. Ахъ мечтанія. Вы не думайте, что если у меня ногъ нѣтъ, такъ и мечтаній, значитъ, нѣтъ. Вотъ такія-то хромоножки и мечтаютъ... Теперь я больше за другихъ мечтаю — за васъ, очаровательница. А прежде все вѣрила, придетъ ко мнѣ рыцарь чудесный и увезетъ меня въ голубое царство, гдѣ птицы райскія и источникъ воды живой.

Марина. А мой рыцарь умеръ давно.

Чешинская. Этого, очаровательница, никто не знаетъ: умеръ онъ или нѣтъ. А, вѣдь, какъ легко узнать то... Вы — умненькая: вы понимаете! Только тотъ, кто знаетъ, разговаривать больше не можетъ. Лежитъ неподвижно... А мы пока вертимся, вертимся...

Марина. Ахъ, тоска... тоска...

Чешинская. А вы господинъ Мерцаловъ... Почему вы такъ мрачны? Вамъ тоже скучно? Вы нахмурились? Ахъ, я вижу, вы меня не любите. А за что? Я, правда, не во-время являюсь иногда, но безъ умысла, увѣряю васъ.

Мерцаловъ. Нѣтъ, ничего... Я, кажется, теперь понимаю васъ...

Чешинская. А мнѣ чего-то хочется... Сладкаго мнѣ хочется... Конфетъ, что ли? Нѣтъ ли у васъ конфетъ, Марина?

Марина. Есть, есть... Я сама принесу сейчасъ. Подождите меня. (Марина беретъ ларецъ).

Мерцаловъ. Не надо... Не надо... Не уходите...

Марина. Ничего. Не бойтесь. Я такъ... Вотъ роза мертвая. Это вамъ... (Марина уходитъ).

Чешинская. Она все шутитъ, все шутитъ. (Чешинская, бормоча, обходитъ на костыляхъ комнату. Потомъ она останавливается въ углу и прислушивается. Тишина. Мерцаловъ сидитъ неподвижно съ розою въ рукѣ). И мнѣ что-то скучно стало. Ну, и домъ здѣшній... Ничего понять нельзя. (Чешинская вдругъ притихла, съежилась и замерла въ ожиданіи). Тихо какъ. И почему вы молчите? Я не люблю, когда молчатъ. Мнѣ сегодня страшный сонъ приснился. Пришелъ будто бы почтальонъ ко мнѣ. Стоитъ и молчитъ. Я спрашиваю: есть мнѣ письмо? А онъ молчитъ. Такъ непріятно. И глаза у почтальона круглые такіе и не моргаютъ. (Въ сосѣдней комнатѣ раздается выстрѣлъ). А! А! Я такъ и знала... Такъ и знала...

Занавѣсъ.

ТЭФФИ.

ТИХІЙ.

Сумерки. Скоро зажгутъ лампы и подадутъ ранній солдатскій ужинъ.

Это самое скучное время въ лазаретѣ: посѣтители уже ушли, всѣ принесенныя ими новости обсужены, обспорены и потеряли интересъ.

Улеглась тревога, вызываемая всегда обходомъ врача и перевязками.

Стало скучно.

Ждемъ, затихшіе и усталые, чтобы кончился день.

Примостившись у окошекъ, человѣкъ восемь выздоравливающихъ играютъ въ лото.

— Шишнадцать!

— Пэтьдесятъ пэть!

Выкликаетъ длинный, круглоглазый хохолъ.

— Есть! крякаетъ кто-то.

— А нѣтъ, такъ будетъ.

Изъ угла, гдѣ лежитъ съ оторванной правой рукой бывшій волостной писарь, доносится тихо-гудящій басокъ:

„Се бо Мати - Божія
Се бо Мати Божія
Молится Христу“.

Онъ цѣлые дни поетъ - гудитъ духовныя пѣсни и не хочетъ ни съ кѣмъ разговаривать.

Лазаретныя сумерки отъ него еще печальнѣе, а остановить его, чтобы замолчалъ, не хочется. Можетъ быть ему легче такъ.

Я сижу у столика койки № 21 и дописываю письмо, которое диктуетъ мнѣ обитатель этой койки — маленькій, блѣдный солдатикъ съ удивительнымъ дѣтскимъ лицомъ и круглыми черными, слегка раскосыми глазами.

— Братцу нашему Ивану Герасимычу кланяюсь и отъ Бога... Все какъ слѣдуетъ пишите.

Пишу „какъ слѣдуетъ". Напишу и спрошу кому еще кланяться — боюсь не меньше моего довѣрителя не обидѣть бы кого ненарокомъ, не обойти бы почтеніемъ.

— Ну и свояку нашему поклонитесь, Петру Савельичу.

— Свояку? Да развѣ ты женатъ?

— Женатъ, сестрица. Давно женатъ.

И, видя удивленіе, прибавилъ:

— Я уже старый. Мнѣ двадцать четыре года.

— А женѣ писалъ?

Онъ помолчалъ, посмотрѣлъ куда-то мимо своими косыми глазами.

— Извѣстилъ, когда ранили...

— Ну, что дальше писать?

— А теперь, сестрица, пишите вы, пожалуйста, что товарищъ нашъ Егоръ Назаровъ домой отпущенъ. Онъ съ нашей деревни. На правой рукѣ два

пальца оторвало. А меня, пишите, опять вернутъ на позиціи.

— А почемъ ты знаешь, что вернутъ?

— А у меня лѣвая рука... Зажила. Скоро въ комиссію пошлютъ. А комиссія вернетъ на позицію.

— А ты не хочешь на позицію?

— Нѣтъ, все равно. Пущай,

Подумалъ, вздохнулъ.

— Слабый я очень. И пугаюсь я очень. Всего пугаюсь. Вотъ кто громко слово скажетъ — я ужъ испугался. Меня ужъ всего трясетъ.

— Чего же ты такъ?

— Не знаю. Слабый, что ли. Я и въ деревнѣ такой былъ. Пойду на работу, и вдругъ сердце забьется, въ глазахъ почернѣетъ, и сомлѣю весь. На телѣгу взвалятъ да домой и отвезутъ. Бабка въ деревнѣ говорила, что это у меня сердце больное. Отъ сердца значитъ.

— А другіе въ семьѣ у васъ здоровые?

— Здоровые. Только мать рано померла — у ней тоже сердце было.

— Какъ же ты въ солдаты-то попалъ?

— А такъ, правильно попалъ. Грудь смѣрили, ноги, руки, все записали. Все правильно.

— А ты доктору сказалъ про сердце-то?

— Сказалъ, что, ваше благородіе, у меня такъ точно сердце бьется. А они говорятъ: „пущай бьется, у меня у самаго бьется. Еще хуже какъ совсѣмъ не бьется". Я и пошелъ на войну.

— А какъ тебѣ на войнѣ было?

— Такъ точно, хорошо, сестрица, было. Скоро

я ходить не могу — задохнусь, какъ побѣгу, такъ и сомлѣю. А какъ пошли сраженія, снаряды на насъ посыпались, испугался я очень. Мнѣ-то не страшно — чего не помереть? — а сердце у меня всего боится. Почернѣло въ глазахъ, заслабъ весь, сломился пополамъ, что овсяный блинъ. Ну, отползъ въ сторонку, легъ и лежу. Подошли санитары, посмотрѣли: „Ничего, говорятъ, лежи, авось отлежишься". Лежалъ-лежалъ, а потомъ вотъ и подстрѣлили мнѣ руку. Такъ съ рукой и подобрали меня. Смѣялись товарищи. „Иной, говорятъ, безъ ноги и то самъ на пунктъ придетъ, а этотъ видно важный — пальчикъ ему поцарапали, такъ онъ ужъ на носилки легъ".

— Девяносто! Къ кому дѣдъ пріѣхалъ? — загорланилъ высокій хохолъ.

Мой собесѣдникъ вздрогнулъ, какъ-то заметался на одномъ мѣстѣ и снова притихъ.

— Пугаюсь я очень! — прошепталъ онъ, тяжело дыша.

— А ты на комиссіи скажи про сердце, тебя въ слабосильную команду пошлютъ.

— Никакъ нѣтъ, не скажу.

— Отчего?

— Стѣсняюсь я очень. Потому у другихъ у кого руки не хватаетъ, у кого ноги не хватаетъ, а кто и вовсе калѣка. А я здоровъ. У меня все есть. Я стѣсняюсь.

— Такъ я все-таки напишу въ письмѣ, что тебя можетъ быть и не пошлютъ на позицію. Ладно? А то жена твоя узнаетъ да и перепугается раньше времени. Пусть пока что хоть надежда будетъ.

Онъ поднялъ свои черные косые глаза и вдругъ чуть-чуть усмѣхнулся. И отъ этой усмѣшки лицо его сразу состарилось тихой, мудрой печалью.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ.—Они не перепугаются.

Это онъ точно не мнѣ говорилъ, иначе онъ сказалъ бы „никакъ нѣтъ". Это простое человѣческое „нѣтъ" показывало, что онъ говоритъ самому себѣ.

И, не гася своей странной усмѣшки, прибавилъ уже для меня.

— Жена у меня красивая.

Я молча запечатала письмо, приложила штемпель „Отъ раненаго"—красный, тревожный и жуткій штемпель, и встала.

„Покрый, Владычице,
Омофоромъ милости
Земля и лю-у-ди!"

Чуть слышно гудѣлъ безрукій писарь.

А тотъ, № 21, сидѣлъ, сжавшись комочкомъ, и лицо у него было прежнее удивленное, дѣтское и смотрѣло раскосыми глазами куда-то мимо. Мимо людей, мимо жизни.

№ 21, въ сѣрыхъ сумеркахъ, маленькій и сѣрый. И тихій, тихій... Что видишь—ты?

НИКОЛАЙ РЕРИХЪ.

НИКОЛАЮ ЧУДОТВОРЦУ СЛОВО.

НИКОЛАЮ ЧУДОТВОРЦУ СЛОВО.

(Изъ словъ, писанныхъ при стѣнописи храма св. Духа въ Талашкинѣ).

Слово старѣйшаго:

„Земли не удаляйтеся. Земля красная, зломъ раскаленна. Благого Древа корни Зла жаромъ питаются. А на Древѣ свиваетъ Добро преблагое гнѣздо свое.

Духомъ растутъ люди, смотрящіе на доброе гнѣздо. Совершаютъ добрыя дѣла и благими дѣлами огнь зла погашается.

Принимайте трудъ на Землѣ. Восходите къ океану небесному, намъ темному. Благое Древо оградите тщаніемъ, на немъ Добро живетъ.

Земля есть источникъ горя, но изъ горя возрастаютъ радости.

Высшій всѣхъ знаетъ время радостей вашихъ. Не удаляйтеся Земли! Во градѣ радуйтесь!

Никола Милостивый! Ты — Чудотворецъ! Ты — могущій! Ты — Святитель воинствующій!

Ты — сердца побѣждающій! Ты — водитель мыслей денныхъ! Силы земныя, Ты, знающій!

Ты — меченосецъ! Ты — городамъ заступникъ! Ты — правду творящій! Слышишь ли, Владыко, моленія!

Злыя силы на насъ ополчаются! Защити, Владыко, Пречистый Градъ! Бѣлый Градъ — врагамъ озлобленіе!

Похищаютъ бѣсы души слабыя. Покидали малыхъ въ геенну красную. Возстань, Отче, защити агнцевъ!

Прими, Владыко, прекрасный храмъ! Подвигнь, Отче, священный мечъ! Подвигнь, Отче, все воинство!

Чудотворецъ! Яви грозный ликъ! Укрой грады святымъ мечомъ! Ты можешь! Тебѣ сила дана!

СЕРГѢЙ МИХАЙЛОВЪ.

СИНІЙ МЕДАЛЬОНЪ.

СИНІЙ МЕДАЛЬОНЪ.

I.

...Надъ городомъ медленно текла мутными потоками бѣлая ночь, заполняла пыльныя, безжизненныя улицы, ослѣпляла окна и пьянила головы прохожихъ сумрачнымъ, бѣлымъ ядомъ. Въ бѣлесоватой мути загадочно почернѣли впадины глазъ прохожихъ и чугунная, узорная рѣшетка Крюкова канала — тамъ, гдѣ бѣлыя воды надѣли тяжелый поясъ — горбатый мостъ.

Напротивъ, въ трактирѣ съ желто-зеленой вывѣской, въ освѣщенныхъ хилымъ свѣтомъ окнахъ двигались темныя тѣни, скользили по испитымъ отравленнымъ бѣлой мутью и пылью лицамъ и падали въ сумрачную тишину, затаившую въ себѣ и стуки пролетокъ, и шаги прохожихъ, и скрипъ захватанной двери съ мѣдными прутьями. Только изрѣдка врывалось въ эту тишину гулкое пощелкиваніе костяныхъ билліардныхъ шаровъ, и, если прислушаться, можно было слышать медленное, величественное движеніе бѣлой невѣсты, плывущей по каналу. Около моста вспыхнулъ въ пыльномъ

ларькѣ желтый фонарь и тихо закачался на ржавой кривой проволокѣ, а вблизи въ рынкѣ прогремѣлъ послѣдній засовъ, и тихо засыпали на дверяхъ, свернувшись калачикомъ, словно хмурые псы, тяжелые замки изъ села Павлова.

Когда князь Лазаревъ вышелъ изъ трактира, рѣшилъ, что никогда уже туда не вернется и никогда не увидитъ тѣхъ любезныхъ сердцу его хмурыхъ людей, которые обидѣли его жестоко и нехорошо. Оглянувшись и увидѣвъ, что на крыльцо выбѣжалъ Василій Ивановичъ безъ шапки и началъ его искать, князь прижался къ водосточной трубѣ и зналъ, что его не найдутъ, что его закрыла, окутавъ мутью, бѣлая ночь.

Прижимаясь къ холодной трубѣ, онъ вдругъ вспомнилъ жаркій, безоблачный полдень, безконечную дорогу и пыльный тарантасъ и эполеты отца, такія холодныя, если къ нимъ прикоснуться загорѣлой щекой, и съ тоскою подумалъ, что съ нимъ происходитъ что-то ужасное, ужасное потому, что очень нехорошо бываетъ человѣку, который думаетъ не о настоящемъ или будущемъ, а именно о прошломъ, что забыто, положено въ тяжелый окованный желѣзными обручами сундукъ и убрано въ кладовую. Зналъ князь, что для многихъ такъ начинался конецъ, начиналась гибель и гибель эту приносило не скверное настоящее и не безнадежное будущее, а именно, прошлое, былое.

Выйдя изъ-за трубы, князь увидѣлъ, что Василія Ивановича нѣтъ, что Василій Ивановичъ ушелъ и опять поднялся по заплеванной вонючей лѣстницѣ

наверхъ. И если бы князь подумалъ, то онъ, пожалуй, вернулся бы къ Василію Ивановичу и къ тѣмъ, кто съ нимъ, потому что любилъ ихъ и зналъ, что они его тоже любили и жалѣли. Еще недавно князь, любившій бродить въ бѣлые вечера по городу, постоянно опаздывалъ въ ночлежку и его туда уже не пускали, а Василій Ивановичъ устроилъ такъ, что князь могъ являться когда угодно. Зналъ князь и то, что денегъ у него не было и платилъ за него Василій Ивановичъ, и князь какъ-то подумалъ объ этомъ и хотѣлъ спросить Василія Ивановича, но забылъ, и теперь, медленно двигаясь по тротуару, князь забылъ о Василіи Ивановичѣ и почему-то вдругъ вспомнилъ вчерашній подвалъ, съ ситцевой, линючей занавѣской, вспомнилъ, какъ билъ, опрокидывая молочникъ съ увядшей, ржавой сиренью, Олимпіаду — хилую дѣвку Колька-шоферъ, и даже внезапно хихикнулъ, вспомнивъ, какъ онъ, князь Лазаревъ, плакалъ, припавъ къ дырявому сальному стулу.

Гдѣ-то на башнѣ пробили хмуро и протяжно часы. Князь посмотрѣлъ на мутный циферблатъ, но ничего не видѣлъ и подумалъ, что, пожалуй, уже поздно и, словно спасаясь отъ слизи сѣвернаго вечера, запахнулъ плотнѣе рваный пиджакъ.

II.

На сумрачной, затихшей набережной князь усталый и изнеможенный бросился на тяжелую, пыльную, гранитную скамейку и чуть задремалъ, тихо покачивая головою.

Внизу медленно засыпала заголубѣвшая, лѣниво отражающая бѣлыя небесныя пушинки, Нева; скользили темные пароходики съ усталыми, хриплыми гудками и отъ огромныхъ дровяныхъ барокъ тянуло смолой, грибами и чащей ельника въ жаркій полдень.

Черезъ полчаса князь, словно просыпаясь, потянулся и съ ужасомъ понялъ, что его охватываетъ какая-то непонятная смертельная усталость и что въ жилахъ началъ разгуливать хмельной бѣлый ядъ. Тихо повернулъ голову и увидѣлъ, что онъ не одинъ, что рядомъ съ нимъ сидитъ пыльный котелокъ съ помятой папиросой въ черныхъ поломанныхъ зубахъ и тоже съ отравленнымъ покорнымъ лицомъ. И внезапно, словно испугавшись, князь вскочилъ и опять побрелъ по набережной, зная, что гдѣ-то близко ходитъ по городу нелѣпая, жестоко ласковая, мутная, какъ зрачки слѣпого, бѣлая смерть.

Отъ воды потянуло прохладой, и князь почувствовалъ, что ему лучше. Посмотрѣлъ на западъ, на догорающую узко-желтую полосу ушедшаго дня, и тихо улыбнулся, вдругъ вспомнивъ старый, чудесный садъ и дѣтскую, милую дѣтскую, съ синими штофными обоями, и прудъ, милый одряхлѣвшій прудъ, уже не отражающій утреннихъ зорь и сплошь затянутый зеленой, зыбкой тканью. И понялъ, что можетъ быть не погубитъ, а спасетъ и вытянетъ изъ бѣлой ядовитой тины прошлое. Вотъ только дойти до знакомаго дома съ широкими зеркальными окнами и съ тяжелымъ подъѣздомъ, который поддерживаютъ два геркулеса.

Онъ пошелъ, почти побѣжалъ, уже увѣренный и тихо крестился и зналъ, что вотъ тутъ на груди, подъ потной, грязной сорочкой, его спасеніе, и не смотрѣлъ, а только ощупывалъ рукой, засунутой за воротъ, круглый золотой медальонъ съ синей эмалью. Перебѣгая черезъ дорогу, онъ увидѣлъ пролетку извозчика, а въ пролеткѣ заспаннаго дворника, обнявшаго крѣпкими закурузлыми руками пьяную проститутку, заглянулъ ей въ глаза и въ глазахъ ее видѣлъ все тотъ же бѣлый отравный ядъ.

Подумалъ, что, пожалуй, уже поздно, что городъ корчится отъ сладострастныхъ ядовитыхъ поцѣлуевъ бѣлой невѣсты и что желтыя гигантскія свѣчи — колонны стараго адмиралтейства дымятся погребально.

III.

Усталый подошелъ къ дому, посмотрѣлъ на знакомыя окна и удивился, что и эти окна заволокла словно бѣлымъ саваномъ муть. Но, всмотрѣвшись, съ ужасомъ понялъ, что не муть закрыла окна, а что окна замазаны бѣлымъ мѣломъ. Стало быть никого нѣтъ.

Разбитый и подавленный подошелъ къ сонному дворнику и робко спросилъ:

— Лазаревы князья уѣхали?

Дворникъ грубо протянулъ:

— Уѣхали. А тебѣ что?

И началъ гнать князя. И вотъ князь, не зная какъ быть и все еще не поддаваясь несчастью и

чувствуя, что лицо его какъ-то по-ребячески сморщилось, а глаза наполнились мутнымъ бѣлымъ ядомъ, началъ его о чемъ-то умолять, доказывая, что они не имѣли права забыть его, князя, не имѣли права оставить его задыхаться въ этой бѣлой тинѣ, и видя, что дворникъ его не понимаетъ, полѣзъ за пазуху и показалъ ему синій эмалевый медальонъ.

Но потомъ, когда князь бѣжалъ по угрюмымъ тихимъ улицамъ, понялъ, что не нужно было показывать медальонъ, потому что ясно, что признаютъ его воромъ, а не Лазаревымъ — все это понялъ, когда бѣжалъ онъ, стискивая зубы отъ боли въ рукѣ, которую ударилъ дворникъ и въ которой крѣпко на крѣпко былъ зажатъ медальонъ.

Гдѣ-то на минуту онъ остановился передохнуть и опять побѣжалъ, зная, что нужно спасаться отъ бѣлой мути, отъ темныхъ фигуръ, которыя вотъ, вынурнутъ изъ-за угла и отъ тяжелыхъ, словно вросшихъ въ землю, городовыхъ.

Когда, очутившись опять на Крюковомъ каналѣ, князь увидѣлъ мутные огни трактира и желтый фонарь ларька на мосту, онъ съ усталостью вспомнилъ о тоскливыхъ пьяныхъ вечерахъ, о визгѣ органовъ и рѣшилъ, что никогда туда не вернется. И когда онъ замѣтилъ медленно расхаживающаго по мосту и видимо его поджидающаго Василія Ивановича, понялъ, что Василій Ивановичъ и тѣ, кто съ нимъ — всѣ эти Кольки-шоферы и Олимпіады-дѣвки и прочій фартовый народъ жалѣютъ его и опять онъ можетъ быть съ ними.

И князь, и Василій Ивановичъ видѣли, какъ замѣтно уменьшается разстояніе между ними и знали: еще нѣсколько шаговъ и опять они будутъ вмѣстѣ. И когда князь, почувствовавъ на своемъ плечѣ чью-то руку, поднялъ глаза и встрѣтилъ сурово мерцающія изъ-подъ помятой фуражки глаза Василія Ивановича, онъ, словно трезвѣя, вспомнилъ о нелѣпой ядовитой сказкѣ сегодняшней ночи и понялъ, что все это онъ выдумалъ и этотъ синій эмалевый медальонъ, и домъ съ геркулесами, и опуская глаза, робко посмотрѣлъ на ржавую, потную ладонь, на которой тускло блестѣла мѣдная солдатская пуговица.

Пошатнувшись, князь припалъ сѣрой небритой щекой къ чугунной рѣшеткѣ и, тихо всхлипывая, впомнилъ дорогу и пыльный тарантасъ, и эполеты отца, такія холодныя, какъ эта нелѣпая рѣшетка.

Чья-то рука обняла его, словно утѣшая.

Онъ не видѣлъ, но зналъ, что это рука Василія Ивановича, грубая съ веснушками и золотистыми волосинками, и, крѣпко сжимая эту руку, перегнулся черезъ рѣшетку, увидѣлъ бѣлую отравленную невѣсту и бросилъ ей свой сказочный медальонъ — тусклую солдатскую пуговицу.

Розовый разсвѣтъ боролся съ бѣлой мутью, отравляющей городъ.

За окномъ таяла терпкая бѣлая сказка.

Сквозь гулъ органа князь услышалъ, что кто-то его зоветъ.

— Посмотри-ка, князь...

У открытаго окна трактира стоялъ Колька-шоферъ и указывалъ князю билліарднымъ кіемъ, какъ городовой бросалъ въ каналъ мутнымъ лопающимся пузырямъ желтый спасательный кругъ...

Н. Н. КИСЕЛЕВЪ.

ШАПКА.

ШАПКА.

Нашъ пароходъ „св. Владиміра“ осторожно выбирался изъ гавани на просторъ среди бѣлыхъ катеровъ, шлюпокъ, парусныхъ судовъ и баржей, словно смертельно опасное, но доброе животное. Хрустя желѣзомъ рулевой цѣпи и взрывая носомъ пѣнно-бѣлые бугры, выплылъ онъ, наконецъ, въ открытое море, густо задымилъ и безбоязненно и радостно далъ полный ходъ. Бѣлый городъ ушелъ въ даль, и теперь стало казаться, что холмъ, на которомъ онъ стоитъ, усѣянъ не домами, а блѣдно голубыми снѣжными хлопьями. Солнце только что сѣло, и внизу подъ городомъ, у самой подошвы холма, побрелъ по сизому кустарнику огневой туманъ, а еще ниже, подъ туманомъ, совсѣмъ синей и густой стала вода гавани.

Я смотрѣлъ, какъ засыпала далеко врѣзавшаяся въ море темно желтая коса, принакрытая синей, словно пороховой дымкой, какъ замирали вдругъ въ безсиліи паруса у пробѣгавшихъ мимо судовъ, словно недопѣтая пѣсня, и какъ вверху красное

широкое облако стояло недвижимо на пустомъ небѣ, подергиваясь вечерней синевой — я смотрѣлъ и думалъ съ грустью:

„Господи ты, Господи, до чего только скоро прошла моя жизнь! Я ѣду на югъ, но все равно черезъ мѣсяцъ, другой умру въ чахоткѣ. А что я жилъ? Родился всего тридцать лѣтъ тому назадъ, пятнадцать изъ нихъ ушло на безсознательное дѣтство, да третью часть унесъ сонъ, и было у меня всего какихъ-то пять лѣтъ, глупыхъ, милыхъ пять лѣтъ. До чего только нелѣпо это!“

Я посмотрѣлъ вверхъ на одинокое, красное облако и подумалъ еще:

„Ну хорошо, ну пусть я умру, но чѣмъ же буду я послѣ смерти? Ужъ не такимъ ли вотъ облачкомъ въ небѣ?“

И я сталъ представлять себѣ, какъ это я самъ буду висѣть въ этомъ пустынномъ небѣ, въ недосягаемой вышинѣ также вотъ одиноко и прекрасно, но и также бездушно и безсознательно. И когда я совсѣмъ слился мыслью съ этимъ облакомъ, я такъ испугался своего представленія.

— Нѣтъ, не хочу! — содрогнувшись отъ холода, сказалъ я себѣ. — Пусть ужъ лучше ничто.

Уже ни одного звука не доносилось къ намъ больше съ берега, и даже какой-то сигнальный рожокъ, долго еще послѣ всѣхъ одиноко плакавшій въ вечернемъ воздухѣ, замеръ за далью. Стало совсѣмъ темно, и скоро погасло само огневое облако, обратившись въ груду холоднаго сѣраго пепла.

Наступила темная, южная ночь съ темно-синимъ

небомъ и водой. Среди ночи этой однажды вновь запылало всюду кровью и огнемъ. Мѣсяцъ всталъ краснымъ холмомъ надъ краемъ черной морской пустыни, отбрасывая къ самому пароходу алую полосу. Но, взойдя, мѣсяцъ сталъ голубовато-серебрянымъ, полоса исчезла, и вновь подъ нами стала прежняя вода изъ темнаго бархата, да такое же темно-бархатное небо надъ головой, да тонкій туманъ и лунный свѣтъ между ними. Я смотрѣлъ на все это, и все печальнѣе становилось душѣ моей среди всей этой холодной, безсознательной и чуждой ей красоты.

Мнѣ захотѣлось увидѣть родственное себѣ, живое, и я пошелъ на бакъ къ матросамъ. Тамъ слышался голосъ Ивана Малякина, знакомаго мнѣ еще съ прошлаго плаванія. Изъ Ивана Малякина до сихъ поръ еще не выработалось настоящаго матроса. Во всѣхъ его пріемахъ такъ и сквозила корявая тяжеловѣсность медвѣдя-пахаря. И ходилъ онъ какъ-то не по-человѣчески — внутрь носками и врозь пятками, какъ удобно, можетъ быть, ходить по пашнѣ въ несокрушимыхъ пудовыхъ сапожищахъ, вгоняя внутрь земли самые камни, но никакъ не по животрепещущей палубѣ. И у него была еще необъяснимая странность — онъ никогда не разставался со своей шапкой и даже ночью спалъ въ ней.

Теперь Иванъ Малякинъ разсказывалъ что-то такое очень любопытное, потому что всѣ притаились. Я прислушался — онъ вспоминалъ о родинѣ. Онъ говорилъ:

— Да что тутъ говорить, у насъ куда лучше здѣшняго. Тутъ у нихъ Каиръ да Лександрія, да какая-то Ганга-рѣка. Ну что толку? У насъ хоть, по крайности, Волга есть, Волгой прозывается, а то — Ганга! Да вотъ развѣ что у нихъ по всему морю персикомъ пахнетъ. Оно, конечно, персикомъ хорошо, да вѣдь у насъ то, у насъ сейчасъ что, братцы! Вѣдь у насъ сейчасъ снѣжокъ! Мететъ это онъ по всей улицѣ, а морозецъ потрескиваетъ по бревнамъ, а печки топятся, а дымъ изъ трубъ коромысломъ. Эхъ, братцы вы мои, сейчасъ бы это валенки да рукавицы, да салазки, и пошелъ похрупывать по снѣгу въ лѣсъ за хворостомъ. А то — персикомъ!

— Н-да, за хворостомъ, оно ничего, — задумчиво сказалъ другой голосъ, голосъ уже сѣдого, но ухватистаго ярославскаго мужика - кошки, всю жизнь прожившаго на живую руку и врядъ ли когда имѣвшаго свои салазки.

— Вотъ только деньжонокъ-бы скопить, сейчасъ бы укатилъ туда, — сталъ - было опять говорить Малякинъ.

Но въ это время подулъ свѣжій просоленый вѣтеръ, и скомандовали что-то на непонятномъ языкѣ — не то поставить парусъ, не то убрать его.

Матросы сейчасъ же разбѣжались, и я снова остался одинъ. Я подошелъ къ борту, свѣсился за него и сталъ смотрѣть внизъ. Изъ-подъ носа вздымался ровный валъ, весь дымно зеленый, полный луннаго свѣта, и словно стеклянный. Сквозь чистую воду его виднѣлась бѣлая стѣна парохода, къ которой присосалось сверху много мелкихъ мор-

скихъ ракушекъ. Я долго смотрѣлъ на этотъ валъ, и мнѣ стало казаться, что не мы бѣжимъ мимо него, а онъ мимо насъ, а навстрѣчу намъ прямо въ глаза мчатся и вся необозримая, голубовато серебряная зыбь моря, и туманъ, и ночная прохлада, и соленый духъ морской, смѣшанный съ іодомъ, и яркій мѣсяцъ.

Я не помню, долго ли я такъ стоялъ, но вдругъ я услышалъ нѣчто такое, что сдѣлало сразу зловѣщимъ этотъ лунный свѣтъ и чистую воду.

— Человѣкъ упалъ за бортъ! — сдержанно крикнулъ кто-то надо мною, и въ этой неестественной сдержанности особенно ясны были испугъ и тревога.

На палубѣ поднялась суматоха. Винтъ, раскачивая пароходомъ, далъ полный задній ходъ, и пароходъ, накренившись, всталъ сразу на мѣстѣ — только черными вьюнами забурлила около него вода. Вмѣстѣ со всѣми я побѣжалъ-было на корму, но, когда тамъ стали спускать шлюпки, опять перешелъ къ носу, чтобы не мѣшать.

— Гдѣ человѣкъ? Съ какого борта упалъ? — кричали на кормѣ.

Тамъ, должно быть, ничего нигдѣ не видѣли, и я самъ, какъ ни усиливался, не замѣчалъ ничего, кромѣ блестящей зыби да свѣтлаго дыма на даляхъ.

Но тутъ я увидѣлъ то, чего я даже сначала не понялъ, и чего никогда не забуду. Изъ-подъ носа парохода выплыли черныя человѣческія плечи и голова. Выплывши же, человѣкъ, вмѣсто того, чтобы схватиться за что-либо, сталъ

быстро удаляться, размашисто разсѣкая руками воду. Съ каждой минутой онъ все уходилъ и уходилъ отъ насъ въ блѣдныя дали морской пустыни, качаясь надъ страшной непріязненной глубиной, и скоро сталъ уже дѣлаться невиднымъ въ пыльномъ и неясномъ свѣтѣ луны. Я до того былъ пораженъ, что даже не вскрикнулъ. Я не повѣрилъ своимъ глазамъ и подумалъ, что ошибся. Но потомъ словно сквозь сонъ увидѣлъ, какъ замахали веслами въ ту же сторону и наши шлюпки — человѣка, должно быть, замѣтили и они.

На всемъ пароходѣ вдругъ настала глубокая тишина, и опять я не помню, сколько времени прошло съ тѣхъ поръ. Передъ глазами моими все дико стояла непонятная человѣческая фигура, убѣгающая, словно морское животное, отъ парохода. Когда же я немного опомнился, лодки уже подплыли къ трапу, и тамъ слышался взволнованный говоръ. Изъ шлюпокъ несли вверхъ по лѣстницѣ темнаго, неподвижнаго человѣка. Его несли впередъ ногами, и мнѣ видны были только его огромные, матросскіе сапоги, съ которыхъ, блестя и сверкая стеклянными пузырьками, стекала вода.

Когда же его совсѣмъ подняли на палубу, я увидѣлъ и лицо. Оно все было изжелта-синее, но еще живое, и въ открытыхъ глазахъ еще свѣтилась жизнь. И сразу же я узналъ его — это былъ Иванъ Малякинъ.

Я слышалъ, какъ въ толпѣ разсказывали, что, когда шлюпки догнали его, онъ не давался поймать себя, и даже нырнулъ глубоко въ воду. Ему,

вѣроятно, уже не удалось бы вынырнуть отъ намокшей одежды, но одинъ изъ матросовъ успѣлъ поймать его въ глубинѣ багромъ. Его вытащили, но тутъ случилось новое и самое ужасное несчастіе. Багромъ ему жестоко распороли животъ.

Теперь уже всѣ понимали, что онъ не упалъ, а самъ бросился въ воду, и думали объ этомъ такъ же, какъ и я, то-есть, что, соскучившись по родинѣ, онъ рѣшилъ самовольно вернуться туда. Намъ и въ голову не приходило, что броситься вплавь черезъ море было бы глупо. Впрочемъ, нѣкоторые полагали еще, что Малякинъ сдѣлалъ это въ припадкѣ внезапнаго помѣшательства.

Его положили въ отдѣльную каюту, и онъ сейчасъ же впалъ въ безпамятство и все время бредилъ — у него началось воспаленіе брюшины. Когда я пришелъ къ нему, онъ былъ уже раздѣтъ, и животъ зашитъ и забинтованъ, но волосы еще не высохли и еще сильно отдавали запахомъ іода и морской соли. Я сидѣлъ около него и съ грустью слушалъ его безсвязную бредовую молвь.

— Не всегда, братъ, удается захвостнуть кнутомъ подъ животъ, — говорилъ онъ съ доброю улыбкой. — Какъ запряжешь. Экія сугробы намело, дымятъ и дымятъ. На, истопи печь.

И онъ сталъ говорить кому-то очень тихо и наставительно. Вдругъ приподнялся съ подушки, пристально поглядѣлъ на меня и сказалъ:

— А что же вы, господинъ, такъ и не нашли шапки?

Взглядъ его былъ такъ осмысленъ, что я вздрогнулъ и уже хотѣлъ отвѣтить, что не знаю, о какой шапкѣ онъ спрашиваетъ. Но я спохватился — это опять былъ только бредъ. И, дѣйствительно, Малякинъ снова откинулся назадъ и забормоталъ:

— Напрасно, господинъ, напрасно. Да и опять же къ этимъ валенкамъ никакъ не пойдутъ красныя салазки. Тутъ надо зеленыя...

Черезъ часъ онъ пересталъ бормотать, а еще черезъ часъ его уже не было въ живыхъ. Сѣденькій священникъ сталъ приготовлять все на палубѣ къ панихидѣ, и Малякина вынесли, зашитаго въ бѣлую холстину и съ холодными гирями на ногахъ. И такъ странна, такъ странна была эта ночная панихида среди воды, сырого тумана и призрачнаго свѣта луны.

Странны были и душистый кадильный дымъ, разносившійся по палубѣ, и тусклое блистаніе луны на ризѣ иконы, спокойное, холодное и строгое, и лучистыя пятна безболѣзненно сгоравшихъ свѣчъ среди безвѣтренной ночи, и безотрадныя слова похороннаго возгласа, столь неумѣстныя здѣсь:

— Изъ земли взятъ и въ землю возвратишися.

Узкую доску опустили съ борта парохода, и бѣлый мертвецъ, скользнувъ по ней, грузно шлепнулся, перевернулся вверхъ головой и во второй разъ сталъ уходить въ глубь нелюдимой воды, къ скаламъ и мхамъ страшнаго морского дна. И вода замкнулась надъ нимъ, и серебряная зыбь вновь попрежнему побѣжала по этому мѣсту.

Весь остатокъ ночи я, смутный, простоялъ на палубѣ. Къ утру туманъ, бѣлый, тупой и тусклый, обложилъ пароходъ. Безъ перерыва болѣзненно звенѣлъ на бакѣ сигнальный колоколъ въ страхѣ и безсильной гнѣвливости, и надъ этимъ набатнымъ звономъ мрачнымъ дрожащимъ ревомъ ревѣлъ гудокъ. Пароходъ сталъ слѣпымъ, безпомощнымъ звѣремъ, на которомъ теперь уже опасно было ѣздить.

Наконецъ, я такъ усталъ и такъ вымокъ отъ тумана, что кое-какъ собрался съ силами и поплелся къ себѣ въ каюту. Въ сонномъ мозгу моемъ все еще стояла луна, свѣтящаяся вода и бѣлый мертвецъ, и отъ нихъ было и тягостно, и скучно.

Я проходилъ мимо двухъ матросовъ и остановился, услыхавъ странный разговоръ между ними. Я услыхалъ про шапку.

— Оно совсѣмъ неправильно, — смѣясь, говорилъ одинъ. — Надо было тащить не его, а шапку. Онъ за шапкой самъ бы выскочилъ.

— И много, говоришь, въ ней зашито было? — спросилъ другой.

— Да много ли, мало ли, — отвѣтилъ тотъ; — а цѣлый годъ копилъ. И шутъ его угораздилъ уронить въ теченіе. Ну, погодилъ бы, на спокойномъ бы мѣстѣ и ронялъ. Не унесло бы.

— Извѣстное дѣло, деревня, — сказалъ опять другой. — Онъ думаетъ здѣсь, какъ у себя въ пруду — на середкѣ по горло.

Оба засмѣялись и разошлись. А мнѣ вдругъ такъ горестно-понятно стало все изъ этого раз-

говора. Бѣдный Иванъ Малякинъ, пренебрегшій жизнью, только бы разыскать свою шапку въ морской дали!

И послѣ этого печальное томленіе совсѣмъ уже присосалось мнѣ къ сердцу.

— Холодно, безпріютно — горестно думалось мнѣ. — И какой это пустякъ, что скоро умереть мнѣ...

АЛЕКСѢЙ ЧАПЫГИНЪ.

ЛИРИЧЕСКІЙ ОТРЫВОКЪ.

ЛИРИЧЕСКІЙ ОТРЫВОКЪ.

I.

Кокоры... порой кусты вереска.

По тонкой низинѣ вьется ручей неожиданно звонкій отъ водопадовъ.

Мрачную пустыню перерѣзаетъ въ дали темный перелѣсокъ, но верхушки перелѣска золотисты отъ заката, и вверху легко отличить каждое дерево: розовый стволъ березы, ярко рыжій корявой сосны и монашескіе шлыки темной ели...

Притаились живыя твари, онѣ слышатъ, какъ по болоту идетъ человѣкъ-истребитель! Подъ его ногами вязкій мохъ говоритъ свое однообразное, неизмѣнное:

— Такъ... такъ...

Мохнатая собака, словно рыжій комокъ, рѣзво катается по берегу ручья. Иногда за утками собака прыгаетъ въ ручей, выскочивъ, отряхивая воду, сыплетъ кругомъ себя въ лучахъ заката искорки алмазовъ и мелкаго золота... Изрѣдка выстрѣлъ колеблетъ воздухъ, а когда замретъ гулъ, бѣло-

задые кулички, вылетая съ визгливымъ пискомъ, падаютъ въ другое, дальнее мѣсто, подбитыя горячимъ свинцомъ утки грузно шлепаются въ воду, тогда рыжая собака бѣсится — она изо всѣхъ силъ бросается въ воду, хватаетъ убитыхъ птицъ, тащитъ на берегъ и дико теребитъ добычу, выбивая на темныя кочки свѣтлыя перья... Синеватый пороховой дымъ плотно смѣшанъ съ голубымъ туманомъ, идущимъ отъ ручья и мелкихъ озерокъ, но, повернувъ назадъ, идя по берегу, человѣкъ ощущаетъ рѣзкій запахъ пороха — то, что издали кажется плотно, любовно слитымъ — вблизи враждебно дѣлится, и среди болотныхъ запаховъ дымъ пороха долго и непріятно пахнетъ... Какъ уныло стало на болотѣ, когда верхушки перелѣска потускнѣли, хотя и не потухъ еще закатъ...

Ахъ, надо бы закричать солнцу — не уходи! да... кричать ему безполезно... Солнечнымъ днемъ по болоту журавли бродятъ, протяжно курлыкаютъ, перелетаютъ, вытянувъ длинныя шеи, и сырая равнина своеобразно живетъ, движется: молчаливо трепыхается въ блекломъ небѣ острокрылый копчикъ, падаетъ камнемъ съ вышины, опять взлетаетъ и снова толчется въ безграничномъ просторѣ... Въ дали солнце перекинуло черезъ болото воздушную дорогу — радугу, конецъ ея уперся въ столѣтній боръ, туманнымъ огнемъ очаровываетъ игра свѣтила, и видно, какъ отъ радуги непривычно зардѣлась зеленымъ отблескомъ сосна, покраснѣла мшистая ель, но солнце ушло! замерли звуки... потускнѣли краски...

Есть похожее въ одинокой душѣ — игра силы, смѣна впечатлѣній пока молодъ, но больше, больше тускнѣютъ очарованія, покидаютъ силы, и знаешь, мучительно знаешь, что на болотѣ жизни закатилось солнце!

Вотъ уже безстрастное время сжимаетъ мозгъ, давитъ грудь и ежечасно распыляетъ въ ничто завѣтныя мысли... На мѣстѣ завѣтнаго властно всплываютъ кошмары... Скорѣе въ нѣмую, холодную даль! Сырые туманы встаютъ надъ болотомъ, отъ глазъ уходитъ небо... Подъ ногами ржавая топь пустыни говоритъ свое роковое — такъ... такъ... такъ! Незамѣтенъ кусливый звонъ комаровъ, такъ близка ненасытная пасть болота: чего бояться родной земли тому, кто потерялъ радость жизни?

— Ну же, смѣлѣй! Не надо отвѣта, что ждетъ въ дали!

Ждетъ одна лишь могила зыбучая съ похороннымъ пѣньемъ и свистомъ ночныхъ птицъ, съ причудливо-узорной лампадой неполнаго мѣсяца... Развѣ нѣтъ очарованія въ гибели бѣлой, лѣтней ночью?

Надо ли ждать поры, когда грузный, колокольный звонъ города-склепа замѣнитъ вольную сказку смерти? Надо ли ждать, когда могильный камень и плиты замѣнятъ объятья земли-матери?

И шепчетъ подъ ногами пустыня:

— Нѣтъ... нѣтъ... нѣтъ...

Б. НИКОНОВЪ.

КОНТРИБУЦІЯ.

КОНТРИБУЦІЯ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

В е р н э, профессоръ хирургіи. Старикъ-врачъ, очень извѣстный, но уже оставившій практику.

А л и с а, его дочь, молодая дѣвушка.

А л ь б е р т ъ, женихъ Алисы, солдатъ-доброволецъ французской арміи.

К о м е н д а н т ъ, нѣмецкій генералъ, начальникъ отряда, занявшаго городъ.

М э р ъ города, гдѣ живетъ проф. Вернэ.

А н н а, служанка профессора.

Адъютанты коменданта, офицеры его свиты и армейскіе. Жители города — женщины, мужчины и дѣти.

Дѣйствіе происходитъ въ небольшомъ французскомъ городѣ, въ сферѣ военныхъ дѣйствій, въ наши дни.

КОНТРИБУЦІЯ.

Скромная комната въ домѣ хирурга Вернэ. Въ окнахъ типичный видъ небольшого французскаго городка. При поднятіи занавѣса Алиса вмѣстѣ съ Анной собираютъ и складываютъ въ корзину бѣлье для раненыхъ).

I.

Анна. Какъ мы живы остались, Богъ одинъ знаетъ... Послѣднія времена пришли, мадмуазель Алиса!

Алиса. Всю ночь шло сраженіе. А теперь нашъ городъ въ рукахъ нѣмцевъ... А раненыхъ, раненыхъ!.. (Задумчиво). Бѣдный папа совсѣмъ измучился въ эту ночь.

Анна. Какъ они стонутъ... Можно съ ума сойти.

Алиса. Мнѣ кажется, мы всѣ постарѣли въ одну эту ночь на нѣсколько лѣтъ...

Анна. Гдѣ-то вашъ женихъ, м-ль Алиса?

Алиса (неохотно). Кто-жъ знаетъ... (Мѣняя разговоръ). Я боюсь за папу. Онъ выбивается изъ послѣднихъ силъ. Онъ и практику оставилъ потому, что нажилъ болѣзнь сердца, — а теперь съ утра и до утра ухаживаетъ за ранеными... Ужасно!

Анна. Да и вы едва держитесь на ногахъ. Вамъ нужно хоть на полчасика прилечь... Такъ нельзя.

Алиса. Потомъ... Теперь не время. (Звонокъ).

Анна. Пойду отопру. (Уходитъ).

II.

(Вбѣгаетъ Альбертъ. Онъ въ штатскомъ платьѣ, поношенномъ и запыленномъ. Утомленный видъ, воспаленные глаза).

Алиса. Альбертъ! Боже мой!

Альбертъ. Алиса! Это ты?..

Алиса. Ты не узнаешь меня? (тревожно вглядывается въ него). Что съ тобой? Какой у тебя ужасный видъ!...

Альбертъ (пожимаетъ плечами). Со мной то-же, что со всѣми: война!

Алиса. Альбертъ, милый! Неужели это не сонъ? Ты здѣсь! Цѣлый мѣсяцъ отъ тебя не было никакихъ извѣстій... Откуда ты? Какъ пробрался? (Смѣется и плачетъ). Я не знаю, о чемъ и спросить тебя...

Альбертъ. Я не надолго... Урвался случайно... Воспользовался случаемъ.. (Увидѣвъ воду). Дай пить, Бога ради! (Жадно пьетъ). Переодѣлся, чтобы проскользнуть мимо нѣмцевъ... Потомъ все разскажу... (Мрачно). Впрочемъ, что тутъ разсказывать?

Алиса. Ну, просто помолчимъ. Бѣдный ты мой! (Плачетъ).

Альбертъ. Отчего ты плачешь?

Алиса. У тебя такой страшный видъ... Нѣтъ, я уже не плачу. Ты живъ, и слава Богу. Хочешь ѣсть?

Альбертъ. Хочу. Впрочемъ, не хочу... Не надо! А гдѣ профессоръ?

Алиса. Дома. Къ нему пришелъ мэръ. Нѣмцы собираютъ съ города контрибуцію.

Альбертъ (сжимая кулаки). Контрибуцію! Погодите, проклятые, дойдетъ очередь и до васъ! (Алисѣ). Ты говоришь, что у меня странный видъ... Неудивительно. Вѣдь я уже не человѣкъ! (Алиса вздрагиваетъ). Я говорю это сознательно. Я пересталъ быть человѣкомъ...

Алиса. Альбертъ, Господь съ тобой!

Альбертъ. Ну, да! Я пересталъ быть человѣкомъ. Я не понимаю, какъ можно жить, понимать и чувствовать

жизнь... (Морщится отъ боли, поднимая неловкимъ жестомъ руку).

Алиса. Ты раненъ?

Альбертъ. Пустяки... Былъ раненъ. (Пауза). Какъ все это странно, Алиса! Я съ великимъ трудомъ и рискомъ пробрался сюда, чтобы повидаться съ тобой... Я мечталъ объ этомъ... И, вотъ, я уже не чувствую радости. Не думай, что я разлюбилъ тебя... Совсѣмъ не то! Но я сейчасъ могу только ненавидѣть... Не тебя... не тебя... Пойми меня!

Алиса. Понимаю, Альбертъ!

Альбертъ. Во всемъ моемъ существѣ не осталось ни одного живого мѣста, не захваченнаго ненавистью... Это хуже всякой болѣзни...

Алиса. Ты просто усталъ... Надо отдохнуть, и это пройдетъ.

Альбертъ. Это не пройдетъ, Алиса... Они взяли любовь. И не у одного меня... Это хуже всякой контрибуціи: они ограбили у насъ все человѣческое... Знаешь, отчего я пересталъ быть человѣкомъ? Оттого, что я перешелъ черезъ смертныя страданія... Когда люди скачутъ черезъ огонь, они темнѣютъ отъ дыма. Я прошелъ черезъ смерть и черезъ страданія — и почернѣлъ отъ ненависти.

Алиса. Какъ страшно ты говоришь!

Альбертъ. Я видѣлъ, какъ они убивали женщинъ и дѣтей... Они убивали матерей... Они убивали невѣстъ — такихъ, какъ ты... Вотъ, смотри! (Вынимаетъ маленькое серебряное Распятіе).

Алиса. Какой прелестный крестикъ!

Альбертъ. Да... Знаешь ли ты, откуда это Распятіе? Его дала мнѣ одна бельгійская дѣвушка... Когда мы пришли въ деревню, она уже умирала: нѣмцы прокололи ее штыкомъ... Она мучилась всю ночь и къ утру умерла... Я въ ту ночь пролилъ столько слезъ, сколько не проливалъ за всю жизнь. А когда она умерла, я пересталъ быть человѣкомъ. Я сталъ звѣремъ. Я хочу теперь только одного:

сражаться и убивать, пока самъ не паду мертвымъ... (Пауза). Возьми у меня это Распятіе. Молись за меня, чтобы хоть послѣ смерти Богъ опять далъ мнѣ человѣческую душу.

Алиса. Мы нынче умѣемъ молиться, Альбертъ, и молитвы наши будутъ услышаны раньше, чѣмъ ты думаешь. Пойдемъ, я проведу тебя въ кабинетъ отца. Ты отдохнешь тамъ. (Уходятъ).

III.

(Профессоръ и мэръ).

Мэръ. Помогите, профессоръ! Вы видите, я посѣдѣлъ за это время!

Профессоръ. Хорошо. Я дамъ.

Мэръ. На васъ послѣдняя надежда... Вѣдь у васъ есть деньги...

Профессоръ. То, что вы считаете моими деньгами, въ сущности уже не мои деньги...

Мэръ. Недостаетъ двадцати тысячъ франковъ.

Профессоръ. У меня ровно двадцать тысячъ. Но я вамъ дамъ десять.

Мэръ (въ отчаяніи). Въ такомъ случаѣ насъ разстрѣляютъ...

Профессоръ. Я не могу дать вамъ болѣе.

Мэръ. Откуда же я возьму остальныя деньги!

Профессоръ. Постарайтесь.

Мэръ. Да какъ же еще стараться?

Профессоръ. Не могу...

Мэръ. Въ такое время вы находите возможнымъ торговаться? Я не узнаю васъ, благороднаго, безкорыстнаго профессора Вернэ!

Профессоръ (вспыхнувъ). Подумайте, что вы говорите... Торговаться? Да знаете ли вы, изъ-за кого я торгуюсь?

Мэръ (смущенно). Я догадываюсь...

Профессоръ. Ну, такъ и говорить нечего!

Мэръ. Вѣдь я потому къ вамъ послѣднему и обращаюсь, что всѣ ресурсы исчерпаны.

Профессоръ. Это какая-то бездонная яма, въ которую мы будемъ безъ конца бросать все, что только у насъ есть дорогого и цѣннаго. Боже милосердный! Бросать туда все, что копилось долгими годами трудовъ во имя науки и любви къ ближнему...

Мэръ. Профессоръ! У меня у самого сердце разрывается на части. Я самый несчастный человѣкъ въ мірѣ. Всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я былъ совершенно счастливъ: я гордился, что занимаю должность мэра... А теперь я проклинаю эту должность! Я долженъ по приказанію враговъ грабить своихъ согражданъ! Но поймите меня! Вѣдь если я къ тремъ часамъ сегодня не представлю коменданту ста тысячъ франковъ, начнутся разстрѣлы и бомбардировка города...

Профессоръ (спокойно). Я это знаю.

Мэръ. А сейчасъ уже 2 часа. Но у меня не хватаетъ цѣлыхъ двадцати тысячъ... Откуда я ихъ возьму? Весь городъ и безъ того разоренъ... Кто побогаче — всѣ разъѣхались... Помогите, профессоръ!

Профессоръ (въ раздумьѣ). Хорошо! Я отдамъ вамъ все, что имѣю.

Мэръ (радостно). Слава Богу!

Профессоръ. А такъ какъ у меня только и есть, что двадцать тысячъ, то у меня не останется ничего. Я не буду говорить, что представляютъ собою эти деньги и на что онѣ назначены...

Мэръ. Это приданое вашей дочери?

Профессоръ. Вотъ вздоръ! Никогда моя дочь и я не стали бы въ такое время думать о приданомъ...

Мэръ. Вы предназначали эти деньги для научныхъ работъ?

Профессоръ. Не будемъ говорить объ этомъ...

Все это гораздо проще, чѣмъ вы думаете... (Идетъ къ шкафу, вынимаетъ деньги и передаетъ мэру).

Мэръ. Благодарю васъ. Вы спасли городъ.

Професоръ. Эти деньги превратятся въ огненные угли въ рукахъ того, кому онѣ попадутъ... Придетъ же часъ возмездія! (Мэръ уходитъ).

IV.

Алиса. Папа, ты отдалъ деньги для нѣмцевъ?

Профессоръ. Странно было бы не отдать...

Алиса. Городъ окончательно разоренъ. И мы разорены... Мы не сможемъ никому помочь...

Профессоръ. Ты меня упрекаешь?

Алиса. Нѣтъ, нѣтъ, папа... Это сказалось невольно... (Перемѣняя разговоръ). Знаешь, папа, Альбертъ здѣсь!

Профессоръ (съ усиліемъ). Неужели? Какъ онъ сюда попалъ?

Алиса (горько усмѣхаясь). Какъ странно! Къ самымъ близкимъ людямъ мы начинаемъ чувствовать что-то въ родѣ безразличія. Вотъ, онъ пришелъ! Мы не видѣли его болѣе трехъ мѣсяцевъ — и нѣтъ счастья отъ свиданья съ нимъ... Какое-то колдовство!

Профессоръ. Что намъ приходится переживать! Эти разбойники схватили насъ за горло и требуютъ не только наши кошельки и нашу жизнь, но требуютъ, чтобы мы такъ же по-разбойничьи хватали для нихъ кошельки нашихъ согражданъ! Несчастный мэръ по ихъ приказанію бѣгаетъ по городу и обираетъ послѣднихъ бѣдняковъ. А я отдаю ему послѣднія деньги, приготовленныя для того, чтобы кормить нашихъ голодныхъ... Мы беремъ у дѣтей и кидаемъ свиньямъ! Подъ чужой палкой мы поступаемъ, какъ палачи нашихъ близкихъ... И не можемъ поступить иначе... Вотъ въ чемъ ужасъ!

Алиса. Папа, вѣдь это дѣлается для ихъ же спасенія. Они сами понимаютъ это!

Профессоръ. Нѣтъ, это нельзя понять. Теперь нельзя ни понимать, ни мыслить, какъ прежде. Теперь можно только одно изъ двухъ: или скорбѣть, или ненавидѣть... Они берутъ контрибуцію не однѣми деньгами... Они берутъ ее людьми, человѣческими сердцами... Берутъ людей и оставляютъ вмѣсто нихъ звѣрей, ляскающихъ зубами...

Алиса. Альбертъ говорилъ то же самое...

Профессоръ. Альбертъ... Альбертъ счастливѣе насъ. Онъ можетъ, по крайней мѣрѣ, взять оружіе и биться до послѣдней капли крови. А я? А мэръ? Мы мучаемся, мы ненавидимъ... Намъ стыдно и горько, какъ разбойнику на крестѣ, но, какъ разбойникъ на крестѣ, мы неподвижно приколочены гвоздями... Мы не можемъ выкинуть этихъ негодяевъ за дверь. Мы не можемъ крикнуть имъ: „Руки прочь!“ И если бы даже мы имѣли физическую возможность взять оружіе и кинуться на враговъ, мы не имѣли бы нравственнаго права сдѣлать это.. Это обозначало бы только гибель нашихъ согражданъ... О, какой позоръ! Быть подъ пятой у нѣмцевъ и давить съ ними своихъ близкихъ... Вотъ гдѣ ужасъ!

Алиса. Папа, успокойся, Бога ради! Тебѣ нельзя волноваться... Ты слабъ, ты боленъ... (Плачетъ). Они взяли наши деньги... Неужели они возьмутъ твою жизнь?

Профессоръ. Они возьмутъ жизнь у всѣхъ... (Пауза). О, если бы хоть какая-нибудь возможность! Хоть какой-нибудь случай, чтобы намъ самимъ схватить ихъ за горло!

(За дверями шумъ и голоса).

Профессоръ. Кто тамъ? Что тамъ такое?

Алиса (пріотворивъ дверь). Это наши... (Пауза). Папа, поди отдохни Я переговорю съ ними сама...

Профессоръ. Я не хочу прятаться отъ нихъ.

Алиса. Папа, побереги свое сердце!

Профессоръ. Нѣтъ, я не уйду.

V.

(Входятъ горожане — мужчины, женщины, дѣти, Многіе одѣты очень бѣдно. Испуганные, измученные, заплаканные).

Горожане. Профессоръ! Профессоръ Вернэ! Мы умираемъ. Мы погибаемъ съ голоду!

Алиса. Господа, профессоръ усталъ и нездоровъ. Что вамъ угодно?

Горожане. Когда же вы открываете обѣщанную столовую? У насъ голодныя дѣти... Намъ нечего ѣсть... У насъ все отобрали нѣмцы.

Старуха. Гдѣ же ваша столовая, м-ль Алиса?

Молодая женщина. Что жъ господинъ Вернэ молчитъ?

Алиса. Господа, мы теперь ничего не можемъ сдѣлать для васъ... У насъ тоже отняли все!

Горожане. Даже у васъ? Даже у васъ?

Женщина. Это правда, господинъ Вернэ?

Профессоръ (глухо). Развѣ моя дочь стала бы васъ обманывать?

Женщина. Теперь ни у кого не добьешься правды...

Старуха. Теперь всякій, думаетъ только о себѣ...

Алиса. Нѣтъ, не всякій, тетушка...

Старикъ. Что говорить вздоръ, тетка! Они взяли у всѣхъ... А у кого было больше, тотъ и поплатился больше...

Мужчина. Я былъ милліонеръ. У меня сожгли фабрику, а сегодня взяли и все остальное. И теперь мнѣ приходится обратиться къ профессору съ просьбой... покормить меня съ дочерью...

Алиса (плачетъ). Поймите, что у насъ совсѣмъ нѣтъ ничего... Мы теперь не въ состояніи накормить даже одного человѣка...

Профессоръ. Вонъ тамъ лежатъ раненые... (показываетъ на одну изъ сосѣднихъ комнатъ). Даже имъ мы теперь не можемъ ничего дать... Еще сегодня утромъ мы могли

исполнить обѣщанное. Но нѣмецкій генералъ заявилъ, что ему деньги нужнѣе, чѣмъ намъ, и взялъ ихъ...

Горожане. Проклятые! Простите, профессоръ... Но вѣдь силъ нѣтъ терпѣть! (уходятъ).

Профессоръ. О, еслибы хоть на секунду стать сильнѣе! Неужели даже ненависть неспособна дать такую силу хоть на мигъ!. (Уходитъ).

VI.

(За окнами смутный шумъ, говоръ, затѣмъ еще большій шумъ, рѣзкіе гудки подъѣхавшаго автомобиля, начальственные окрики на нѣмецкомъ языкѣ).

Алиса (выглянувъ въ окно). Боже мой! Нѣмцы... Къ намъ!

Альбертъ (выбѣгаетъ съ револьверомъ). Нѣмцы!.. Если только они сдѣлаютъ шагъ сюда...

Алиса. Альбертъ! Бога ради!.. Не надо!..

Анна (вбѣгаетъ). Имъ надо профессора! Они къ профессору... Съ ними мэръ...

Алиса. Господи, зачѣмъ имъ понадобился папа?...

Вѣдь они и такъ взяли у насъ все. Заложникъ? Военноплѣнный? Какіе еще ужасы ждутъ насъ?

Альбертъ (блѣдный). Прежде, чѣмъ они прикоснутся къ профессору, я имъ пущу пулю... (Внизу лѣстницы шумъ).

Алиса. Альбертъ... ради всего святого... Ты погубишь насъ! Уйди! (старается отнять у него револьверъ). Я прошу тебя! (Альбертъ идетъ къ двери съ револьверомъ). Я велю тебѣ! Если ты любишь меня... У тебя нѣтъ любви, но у меня еще есть... Такъ хоть ради моей любви... Вспомни ту убитую дѣвушку... Вѣдь и со мной будетъ то же!

Альбертъ. Они и такъ не пощадятъ никого! (дверь (полуотворяется. Слышно звяканье шпоръ).

Алиса (падаетъ на колѣни). Я умоляю тебя! Уйди! кричитъ). Ну, хоть ради ненависти... Я тебя ненавижу!..

(Альбертъ ошеломленный отходитъ къ своей двери, опуская револьверъ).

Альбертъ. Ты меня... ненавидишь?

Алиса. Да! Ты такой же палачъ! Стрѣляй сейчасъ же въ меня и въ отца! Насъ все равно разстрѣляютъ, такъ ужъ лучше умереть отъ французской руки! (Альбертъ поникаетъ головой). Ступай! (она съ усиліемъ выталкиваетъ его за двери)

VII.

Мэръ (входитъ). М-ль Алиса, имъ надо профессора.

Профессоръ (выходитъ изъ сосѣдней комнаты). Я здѣсь. Пусть они входятъ.

Алиса (въ слезахъ). Папа!

Мэръ. Профессоръ, ради всего святого будьте съ ними осторожнѣе и предупредительнѣе... Они на все способны...

Профессоръ. Что имъ надо?

Мэръ. Не знаю! Они посадили меня въ моторъ и приказали указать имъ вашу квартиру... И больше ни слова... Молчатъ, какъ накрашенныя куклы.

Профессоръ. Что они могутъ у меня еще взять? (оглядывается). Мои работы? Препараты? Библіотеку? Моихъ раненыхъ? Мою дочь?

VIII.

Нѣмецкій генералъ (входитъ съ своими адъютантами). Профессоръ Вернэ?

Профессоръ. Да, я!

Генералъ (адъютанту). Достаточно ли точно удостовѣрена личность? (профессору). Вы хирургъ?

Профессоръ. Хирургъ.

Генералъ. Вы извѣстный хирургъ Вернэ — тотъ самый, или однофамилецъ?

Профессоръ (съ иroніей). Тотъ самый!

Мэръ. Помилуйте, это знаменитый ученый... Наша гордость! (Профессоръ пожимаетъ плечами).

Генералъ. Намъ приходится обратиться къ вамъ по

одному очень важному дѣлу. (Строго смотритъ на Алису). Прошу удалить постороннихъ.

Профессоръ. Это моя дочь!

Генералъ. Все равно!

Алиса. Я уйду. (Уходитъ).

IX.

Генералъ. Одна очень высокая особа, находящаяся при нашей арміи, нуждается въ врачебной помощи... Требуется помощь хирурга.

Профессоръ. Гдѣ больной?

Генералъ. Въ замкѣ Бельвю, близъ города. Вы поѣдете съ нами на моторѣ.

Профессоръ. Но вы не спросили, согласенъ ли я!

Генералъ (пожимая плечами). Я полагаю, что вы согласны.

Мэръ (тихо). Профессоръ! Бога ради! (громко). Это потребуетъ очень немного времени.

Профессоръ (мэру). Вы полагаете? Вы уже ознакомились съ состояніемъ больного? (мэръ конфузливо машетъ рукой).

Генералъ. Требуется немедленное вмѣшательство.

Профессоръ. Хорошо!

Генералъ. Идемте съ нами!

Профессоръ. Да, я согласенъ. Но съ условіемъ...

Генералъ (въ полъ-оборота). Гонораръ? Гонораръ вамъ будетъ уплаченъ.

Мэръ. Неужели вы сомнѣваетесь въ этомъ, профессоръ? (Тихо). Не раздражайте ихъ, умоляю васъ!

Профессоръ. Я не поѣду къ раненому, пока гонораръ не будетъ обусловленъ сейчасъ здѣсь.

Генералъ. Но почему?

Профессоръ (сухо). Такъ нужно.

Генералъ. Вы задерживаете насъ. Необходимо какъ можно скорѣе ѣхать къ раненому...

Профессоръ. Очень жаль, но я иначе не могу...

Генералъ. Странное упорство. Намъ прекрасно извѣстно, что вы, профессоръ Вернэ, отличаетесь отзывчивостью...

Мэръ (тихо). Профессоръ, что съ вами? Вѣдь васъ разстрѣляютъ...

Профессоръ (спокойно). Я готовъ оказать помощь вашему раненому, но я имѣю свои правила.

Генералъ (посовѣтовавшись со своими офицерами). Сколько вы хотите получить за визитъ?

Профессоръ. Сто тысячъ франковъ.

Генералъ. Я, кажется, ослышался... Прошу повторить!

Профессоръ. Сто тысячъ франковъ.

Меръ (тихо). Что вы говорите? Вы сошли съ ума...

Генералъ. Это невозможно.

Профессоръ. Какъ вамъ угодно.

Генералъ. Намъ прекрасно извѣстно, что вы, профессоръ Вернэ, отличаетесь безкорыстіемъ...

Профессоръ. Да, я, профессоръ Вернэ, извѣстенъ безкорыстіемъ, какъ вы изволите выражаться... Я, профессоръ Вернэ, съ очень многихъ паціентовъ не бралъ ни гроша. Но къ данному случаю это непримѣнимо.

Генералъ. Почему?

Профессоръ (сухо). По условіямъ военнаго времени.

Генералъ. Я не понимаю васъ...

Профессоръ. Очень жаль. Во всякомъ случаѣ, я поставилъ свое условіе, и вы вольны принять, или не принять его.

Генералъ. Вы злоупотребляете положеніемъ. Намъ не къ кому больше обратиться... Случай совершенно исключительный...

Профессоръ. Какъ вамъ угодно.

Генералъ. Мы доставляемъ вамъ такой лестный случай — оказать помощь принцу...

Офицеръ. Вамъ это послужитъ колоссальной рекламой!

Профессоръ. Я не тщеславенъ. И не нуждаюсь въ рекламахъ.

Генералъ. Наконецъ, какъ врачъ, вы обязаны явиться къ больному по первому зову.

Профессоръ. И тѣмъ не менѣе я имѣю право требовать вознагражденія въ той или иной суммѣ...

Генералъ. Какое варварство!

Профессоръ (вспыхнувъ). Вы говорите о варварствѣ? Вы?..

Мэръ (про себя). Ну, пришла бѣда! (Генералу). Профессоръ переутомленъ и поэтому немного рѣзокъ... (Профессору). Что вы дѣлаете?!.

Генералъ. Значитъ, вы не желаете отправиться къ раненому?

Профессоръ. Я охотно отправлюсь — но не иначе, какъ за указанное вознагражденіе... И оно должно быть уплачено впередъ.

Генералъ. Обдумайте то, что вы говорите!

Профессоръ. Я никогда ничего не говорю и не дѣлаю необдуманно...

Генералъ. Вамъ угодно издѣваться надъ нами? Хорошо! Въ такомъ случаѣ къ вамъ будетъ примѣнена сила.

Профессоръ. Вы силой вложите мнѣ въ руки ланцетъ? Вы силой будете водить моей рукой? Кто? Вы, генералъ, или одинъ изъ вашихъ солдатъ?

Генералъ. Нѣтъ, чортъ возьми! У насъ есть другіе способы (вынимаетъ револьверъ). Я заставлю васъ пойти! (За дверями шумъ глухой борьбы и подавленный крикъ).

Профессоръ. Тогда я не пойду!

Генералъ. Если вы не пойдете, я убью васъ!

Профессоръ. Убивайте!..

X.

(При послѣднихъ словахъ слышенъ шумъ подъѣхавшаго мотора. Поспѣшно входитъ еще одинъ прусскій офицеръ).

Офицеръ. Генералъ, его свѣтлости хуже... Необходимо, какъ можно скорѣе, привезти хирурга...

Генералъ (опускаетъ револьверъ). Это легко сказать! (Профессору). Позовите вашу дочь!

Профессоръ. Не считаю нужнымъ!

Генералъ. Я этого требую... (Алиса выходитъ сама изъ той комнаты, гдѣ Альбертъ).

XI.

Алиса (становится предъ дверью и какъ бы загораживаетъ ее крестообразно-распростертыми руками). Я здѣсь!

Генералъ. Мадмуазель, уговорите вашего отца отправиться къ раненому...

Алиса (въ пространство). Я стою здѣсь на порогѣ. Ни одна пуля не минетъ меня... Тотъ, кто хочетъ стрѣлять, долженъ помнить это!

Генералъ. Что она говоритъ? Не понимаю... Послушайте, сударыня, если вы не уговорите вашего отца пойти съ нами, то и ему и вамъ будетъ плохо... (сжимаетъ револьверъ). Понимаете?.. (Профессору). Ради вашей дочери, не упрямьтесь!

Алиса. Тотъ, кому я хоть сколько-нибудь дорога, тотъ успокоится и перестанетъ безумствовать...

Генералъ. Вы сумѣете повліять на вашего отца... Вы понимаете, что вамъ говорятъ?

Алиса. Тотъ, кто попытается ворваться сюда, войдетъ сюда только черезъ мой трупъ...

Генералъ. Что такое вы говорите? (Профессору). Она сошла съ ума? Успокойте ее! Она, очевидно, помѣшалась отъ страха... Не будемъ же мы, чортъ возьми, убивать ее... Скажите ей это!

Алиса. Пусть онъ знаетъ, что я не сойду съ этого мѣста, и кровь наша ляжетъ на его совѣсть...

Генералъ (недоумѣваетъ). Она притворяется?

XII.

(Въ дверяхъ еще офицеръ. Крайне взволнованъ. Задыхается).

Офицеръ. Генералъ...

Генералъ. Ну, что такое? Хуже?..

Офицеръ. Да, генералъ... Телеграмма изъ главной квартиры... Принять всѣ мѣры... для спасенія... его свѣтлости...

Генералъ. Профессоръ, послушайте... Я погорячился. Вамъ не грозитъ никакой опасности. Но, чортъ возьми, вы должны уменьшить требованія.

Профессоръ. Я не привыкъ торговаться.

Генералъ. Но это неслыханно—требовать такую сумму за операцію. Намъ прекрасно извѣстно, что даже Дуаэнъ...

Профессоръ. У васъ прекрасно поставлена развѣдочная часть... Вамъ все извѣстно... Но я не отступлю отъ своего требованія.

Генералъ. Но вѣдь въ случаѣ удачнаго исхода операціи вы несомнѣнно будете награждены принцемъ и его родителями...

Профессоръ. А, вотъ, того вознагражденія, представьте, я не возьму.

XIII.

(Въ дверяхъ еще новый посланный съ извѣстіемъ).

Генералъ. Ну, что тамъ еще?

Офицеръ. Телефонируютъ изъ замка...

Генералъ (махнувъ рукой). Профессоръ, мы ждемъ васъ...

Профессоръ (спокойно). Я не измѣню условія...

Офицеръ. Онъ ловко пользуется случаемъ...

Генералъ. Это возмутительно... Это какая-то нація дикарей!

Адъютантъ. Намъ, кажется, не остается ничего другого...

Генералъ. (Профессору). Хорошо, мы согласны на ваше условіе... (подзываетъ адъютанта и мэра и даетъ имъ распоряженія. Мэръ торопливо и радостно уходитъ съ переданнымъ ему документомъ). Вы получите назначенную вами сумму... Но знайте, что завтра же всему культурному міру будетъ извѣстно безкорыстіе и гуманность знаменитаго профессора Вернэ...

Профессоръ. Я тоже могъ бы кое-что сказать на тему о гуманности... Но теперь мнѣ некогда. Я ѣду къ вашему раненому.

Офицеръ. Моторъ готовъ.

Генералъ (профессору). Ѣдемъ!

Профессоръ. Да... Но я ставлю еще одно условіе.

Генералъ. Довольно того, что вы уже получили. Ѣдемъ!

Профессоръ. Я не двинусь съ мѣста, если...

Генералъ. Но что же вамъ еще нужно, чортъ возьми?

Профессоръ. Вы должны извиниться предъ моей дочерью...

Алиса. Папа, не надо...

Генералъ (пожавъ плечами). Я не понимаю, съ какой стати?

Профессоръ. Вы не понимаете? Въ такомъ случаѣ, на какомъ же основаніи вы насъ назвали дикарями? Вы оскорбили ее, вы ее испугали, вы привели ее въ тяжкое состояніе...

Адъютантъ. Генералъ, намъ необходимо торопиться...

Генералъ. Во всякомъ случаѣ, это требованіе сравнительно легко исполнимо... Прошу извиненія, мадмуазель! (Профессору). Ѣдемъ! Немедленно!

Алиса (отцу). Папа, раненые остаются безъ пищи...

Профессоръ. Хорошо! (Генералу). Я готовъ ѣхать, но только...

Генералъ (судорожно разводитъ руками). Что еще такое?

Профессоръ. Я ставлю еще одно условіе, безъ ко-

тораго я не могу поѣхать съ вами... (генералъ сжимаетъ кулаки). Я прошу возвратить взятые у насъ припасы. Они необходимы для раненыхъ.

Генералъ. Я согласенъ (отдаетъ приказаніе). Теперь вы слѣдуете за нами.

Профессоръ. Я прошу васъ оставить меня на минуту наединѣ съ моей дочерью...

Генелалъ. Но если вы...

Профессоръ. Я никуда не скроюсь. Даю вамъ честное слово. А если вы не знаете, что значитъ честное слово стараго врача, то черезъ двѣ минуты можете послать за мною вашихъ солдатъ. (Генералъ и его свита удаляются. Въ дверяхъ показываются поставленные на стражѣ нѣмецкіе солдаты. Профессоръ молча пожимаетъ плечами. Алиса подаетъ ему ящикъ съ инструментами).

XIV.

Алиса. Папа, они ничего съ тобой не сдѣлаютъ?

Профессоръ. Развѣ можно объ этомъ спрашивать, Алиса? Что бы они ни сдѣлали со мною, я одержалъ побѣду! Понимаешь ли ты, что это значитъ? Хоть на минуту, хоть на короткое время, но я схватилъ ихъ за горло... Я молилъ судьбу объ оружіи, — и я получилъ это оружіе... И такъ неожиданно! Они сейчасъ въ моихъ рукахъ! Какая месть! Какое воздаяніе! Какая расплата!

Алиса. Папа, неужели ты не вернешься?..

Профессоръ. Не задерживай меня! Прощай! (цѣлуетъ ее). Накорми раненыхъ... И скажи тѣмъ нашимъ друзьямъ, что... (Торопливо). Прощай! (уходитъ).

XV.

Альбертъ (выходитъ). Я едва не убилъ этого негодяя...

Алиса. Ты едва не убилъ всѣхъ насъ...

Альбертъ. Я едва удержался...

Алиса. Я состарилась за эти полчаса... Я измучилась съ тобой, Альбертъ... Я, какъ на Голгофѣ, стояла предъ дверями...

Альбертъ. Прости меня!

Алиса. Ты сегодня далъ мнѣ чужой крестъ... Знаешь ли ты, что это былъ символъ? Ты мнѣ принесъ тяжкій крестъ... На немъ запечатлѣлось чужое страданіе... И перешло на меня... Страданіе заразительно...

Альбертъ. Я виноватъ, Алиса...

Алиса. Ну, не будемъ вспоминать объ этомъ. Я попрежнему люблю тебя. Но ты правъ: въ такое время нельзя думать о любви и счастіи. Не будетъ въ дому моемъ счастья, если счастья на родинѣ нѣтъ. Ты хорошо сдѣлалъ, что принесъ мнѣ это маленькое Распятіе. Когда меня будутъ мучить думы о тебѣ, о счастіи, обо всемъ, что теперь пока еще невозможно, я буду смотрѣть на этотъ маленькій крестикъ бѣдной бельгійской дѣвушки, и буду думать о неизмѣримо большихъ несчастіяхъ и страданіяхъ, которыя выпали на долю другихъ...

Альбертъ. Алиса, я долженъ уйти (далекіе выстрѣлы). Слышишь пальбу? Это, вѣроятно, наши обошли нѣмцевъ... Я долженъ вернуться на свой постъ.

Алиса. Какъ во снѣ я тебя видѣла... Прощай, мой милый! Иди и не думай, не вспоминай обо мнѣ. Вычеркни меня изъ памяти до тѣхъ поръ, пока... (плачетъ).

Альбертъ. Не плачь, Алиса! Придетъ же время, когда ненависть будетъ исчерпана до конца! И тогда мы воскреснемъ и будемъ жить снова... Вдвойнѣ и втройнѣ будемъ жить, чтобы вернуть утраченное... Мы въ свою очередь возьмемъ съ войны контрибуцію — вернемъ съ избыткомъ все то, что она у насъ взяла: сердце, любовь, радость жизни, счастье... Мы будемъ опять людьми... но не теперь...

Алиса. Не теперь...

Занавѣсъ.

И. ПОТАПЕНКО.

ВЕСЕЛЫЙ КАПИТАНЪ.

(Разсказъ).

ВЕСЕЛЫЙ КАПИТАНЪ.

Съ недѣлю тому назадъ этого человѣка видѣли еще въ Петроградѣ. Онъ выскочилъ изъ двора госпиталя, въ которомъ лечился долго, что-то мѣсяца два, и, выйдя за ворота, сѣлъ въ сани перваго извозчика и повелительно крикнулъ ему, куда надо ѣхать.

На немъ было сѣрое изъ солдатскаго сукна пальто, а на плечахъ погоны безъ звѣздочекъ — съ однимъ просвѣтомъ.

Пальто плотно облегало его даже черезчуръ тонкую фигуру, плечи были неестественно приподняты, а держался онъ до такой степени ровно и неподвижно и такое было видно въ этой позѣ напряженіе, какъ будто если чуть-чуть наклонится въ ту или другую сторону, то сейчасъ же и повалится туда. При этомъ, какъ бы желая имѣть нѣкоторую опору, онъ, плотно сжавъ кулаки, уперся ими въ подушку саней.

А лицо его было не менѣе замѣчательно, чѣмъ поза. На немъ даже безъ особаго вниманія можно было бѣглымъ взглядомъ насчитать не меньше десятка шрамовъ.

Не было уже никакой возможности различить его настоящія черты, то есть тѣ, съ которыми онъ родился на свѣтъ. Носъ былъ перебитъ какъ разъ посрединѣ; щеки изрыты рубцами вдоль и поперекъ, съ лѣвой стороны подбородокъ былъ какъ бы усѣченъ, и при этомъ онъ всетаки какъ-то умудрился тщательно выбрить этотъ подбородокъ. Верхняя губа тоже была не въ порядкѣ; можно было разсмотрѣть какую-то странность въ очертаніяхъ лѣваго уха, а изъ подъ носа, какъ щетина, торчали усы, рыжіе, жесткіе.

Извозчикъ подвезъ его къ большому дому, отвернулъ полость, и онъ вышелъ изъ саней, но тоже не совсѣмъ обыкновенно, какъ будто не самъ сдѣлалъ это, а нѣкто невидимый, взялъ его въ охапку и осторожно, боясь уронить и разбить вдребезги, вынулъ изъ саней и поставилъ на тротуаръ.

— Жди, — сказалъ онъ извозчику и вошелъ въ подъѣздъ. — Дома? Принимаютъ? — спросилъ онъ тамъ.

Швейцаръ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ и Богъ знаетъ что онъ отвѣтилъ бы, если бы странный посѣтитель не находился подъ защитой офицерскаго мундира.

И, такъ какъ эта защита была налицо, а онъ самъ, нынѣ носитель сѣдыхъ бакенбардъ, тоже когда-то былъ солдатомъ, то онъ опустилъ руки по швамъ и отвѣтилъ.

— Дома-съ, ваше высокоблагородіе. Пожалуйте.

— Но ты меня не узналъ, что-ли?

— Никакъ нѣтъ, — сказалъ было швейцаръ, но тутъ же, вглядѣвшись въ его лицо, спохватился, сконфузился и покраснѣлъ.

— Иванъ Максимовичъ! Господи ты Боже мой! До чего она перемѣнила васъ. Пожалуйте. Ихъ превосходительство дяденька будутъ премного обрадованы.

Швейцаръ, дѣйствительно, прекрасно зналъ этого человѣка, такъ какъ до войны онъ бывалъ здѣсь чуть не каждый день. Генералъ приходился ему, правда, двоюроднымъ, а все же дядей и относился къ нему породственному.

Но тогда у него лицо было чистое, безъ шрамовъ, и даже красивое, такъ по крайней мѣрѣ находили дамы, съ которыми онъ постоянно возился, а вотъ теперь и не узнать. Да и держался онъ совсѣмъ иначе — ну, просто, какъ слѣдуетъ держаться изящному и бравому офицеру, а теперь словно проглотилъ — да не аршинъ, а, пожалуй, чуть что не цѣлую сажень. И тонокъ какъ сталъ да худъ, въ чемъ только душа держится...

И смотрѣлъ старый швейцаръ на то, какъ онъ подымался по лѣстницѣ всего только во второй этажъ — подыметъ ногу и будто боится, какъ бы не упасть, потомъ другую — то же самое, хотя движется довольно быстро, а все же будто его кто за веревочку дергаетъ.

Швейцаръ вздохнулъ и покачалъ головой. — „Что только она дѣлаетъ съ человѣкомъ, не приведи ты, Господи“, — подумалъ онъ.

А племянникъ уже добрался до площадки вто-

рого этажа, а тамъ дверь передъ нимъ растворили, и онъ вошелъ.

Генералъ — высокій, худощавый, съ совершенно сѣдой бородой и, какъ видно было по всему, уже давно состоявшій на мирномъ положеніи, но сохранившій связи и вліяніе, конечно, сразу узналъ его такъ какъ не разъ посѣщалъ въ госпиталѣ, а все же довольно долго всплескивалъ руками и качалъ головой.

— Эхъ, какой же ты сталъ! И какъ она тебя искромсала! Ну, значитъ, тебя изъ госпиталя отпустили? Что же будешь теперь дѣлать?

— Какъ что? Да то-же самое... Поѣду опять. И сейчасъ же. Минуты лишней не хочу ждать. Ужъ вы, ваше превосходительство-дяденька, мнѣ это устройте. Затѣмъ и пріѣхалъ къ вамъ.

Генералъ замахалъ на него руками. — Что ты, милый, что ты! Въ этакомъ то видѣ? Вѣдь корсетъ носишь, а? Въ латы заковался. Вижу. А тамъ у тебя зажило?

— Корсетъ ношу, это ясно, а на счетъ тамъ — чортъ его знаетъ, зажило или нѣтъ. Вотъ выпустили, должно быть — ничего.

— Да какъ же такъ? Если выпустили, значитъ...

— Да меня собственно отпустили погулять, а только это все равно, разъ человѣкъ можетъ ходить по улицѣ, ѣхать на извозчикѣ, подыматься по лѣстницѣ и сидѣть въ гостинной, то, значитъ, можетъ комондовать ротой и вести ее въ бой. Чортъ возьми, я не калика перехожая какая-нибудь!

Я солдатъ, ваше превосходительство, и желаю быть на своемъ мѣстѣ.

— Да ты ужъ и такъ три раза ходилъ...

— А хоть и семь разъ, да пусть и четырнадцать. Ходить надо, пока ноги держатъ. Однимъ словомъ, ваше превосходительство-дяденька, я, можно сказать, къ вашей милости; такъ, просто — меня не пошлютъ, это я знаю, уже справлялся. А ежели вы похлопочете, да ваше вѣщее слово гдѣ надо скажете, то будетъ все въ шляпѣ. И ужъ какъ себѣ тамъ хотите, а больше недѣли я ждать никакъ не могу. Такую штуку устрою, что вамъ же, именитому сроднику, непріятно будетъ.

Кончилось тѣмъ, что генералъ обѣщалъ; убѣдился, что такого человѣка въ мирной обстановкѣ держать нельзя. Накормилъ завтракомъ и отпустилъ съ увѣренностью.

Прошла недѣля и вотъ уже онъ ѣдетъ въ вагонѣ до какого-то большого города, гдѣ долженъ присоединиться къ своей части и оттуда идти дальше.

II.

Онъ сѣлъ въ вагонъ второго класса ночью. Занялъ отведенный ему диванъ, вытянулся во весь свой длинный ростъ и заснулъ.

Кондуктора, принужденные по обязанности часто проходить черезъ вагонъ, сперва пробовали будить его и умоляли убрать куда-нибудь ноги, но ничего не достигли. Онъ спалъ сномъ невиннаго, только-что родившагося, младенца и ничего не слышалъ;

но во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ онъ ничѣмъ не выдѣлялся изъ среды обыкновенныхъ пассажировъ, такъ что его и не замѣтили.

Но утромъ, когда всѣ проснулись, на него сейчасъ же было обращено общее вниманіе. Ужъ одинъ этотъ внѣшній видъ человѣка вытянутаго, неимовѣрно тонкаго и явно стѣсненнаго во всѣхъ движеніяхъ, а затѣмъ лицо, изборожденное свѣжими, едва только успѣвшими образоваться рубцами...

Но все это было только для глазъ, на него смотрѣли со всѣхъ сторонъ. Изъ сосѣднихъ вагоновъ приходили взглянуть на это удивительное лицо, носившее на себѣ живые трофеи множества стычекъ и всѣхъ военныхъ подвиговъ.

Но истиннымъ героемъ онъ сдѣлался лишь тогда, когда заговорилъ; а это случилось очень скоро. Протеревъ хорошенько глаза и выкуривъ папиросу, онъ немедленно затѣялъ разговоръ со своимъ сосѣдомъ.

Но до первой большой станціи, гдѣ имѣлся буфетъ, разговоръ держался въ предѣлахъ чисто освѣдомительныхъ. Кто да что, гдѣ живетъ, чѣмъ занимается, какая родня, знакомства.

Четыре человѣка, занимавшіе мѣста на диванахъ, довольно скоро узнали другъ про друга самыя необходимыя вещи и въ то же время оставалить чужими.

Про себя онъ разсказалъ только, что былъ раненъ, лечился въ Петроградѣ и снова ѣдетъ на войну.

Но вотъ остановка на цѣлыхъ двадцать минутъ. Весь вагонъ цѣликомъ вышелъ въ буфетъ, занялъ большой участокъ стола, пили чай, кофе, ѣли пироги, бутерброды, перекидывались шутками и весело смѣялись. А когда вернулись въ вагонъ, то почувствовали себя чѣмъ-то сближенными, какъ будто давнымъ-давно всѣ были между собой знакомы. Такъ дѣйствуетъ на людей общая трапеза за однимъ столомъ.

И послѣ этого разговоръ въ вагонѣ пошелъ уже на чистоту. И ужъ само собою разумѣется, что слово почти всецѣло было отдано ему. Диванъ, на которомъ онъ сидѣлъ, былъ облѣпленъ любопытными пассажирами вагона, къ нему обращались запросто.

— Капитанъ, разскажите, любезный капитанъ, какъ вы получили эти шрамы... Какъ все это бываетъ въ сраженіи?..

— Шрамы? — говорилъ капитанъ, съ удовольствіемъ обводя взоромъ собравшуюся публику, такъ какъ онъ любилъ успѣхъ: — да это самое пустяшное изъ того, что можно испытать на войнѣ. Э, если-бъ тамъ только дѣлали шрамы... Я, господа, можно сказать, испыталъ все. Собственно говоря, по настоящему, — мнѣ давно слѣдовало бы лежать подъ могильнымъ холмомъ гдѣ-нибудь на поляхъ Галиціи либо Восточной Пруссіи, — я вѣдь уже всюду побывалъ. И живу я, такъ сказать, фуксомъ...

— Какъ фуксомъ? Что вы говорите, капитанъ?

— А вотъ вы послушайте, тогда и скажете. Вотъ вы говорите — шрамы... Да, они, если говорить правду, сдѣлали мнѣ новое лицо. Нужно вамъ знать, что до войны я жилъ въ Петроградѣ, вращался въ хорошемъ обществѣ, и у меня была репутація одного изъ красивѣйшихъ мужчинъ въ томъ кругу. А кто теперь, взглянувъ на мою физіономію, положа руку на сердце, скажетъ, что я хоть на столечко отвѣчаю этой репутаціи? Бывало, женшины такъ и льнутъ ко мнѣ. И легкомысленныя, и строгія, и сверхъ-строгія, и ужъ такія добродѣтельныя, что къ нимъ даже и подступу нѣтъ... По этой причинѣ я и не женился. Къ чему же жениться, если и такъ человѣкъ живетъ среди цвѣтника, гдѣ къ нему тянутся и розы, и гвоздики, и пышные піоны и холодныя астры и скромныя, но прелестныя анютины глазки... Знай только, протягивай руку, да срывай любой изъ нихъ. Но если бы я вздумалъ теперь протянуть руку, не только къ какой-нибудь дикой ромашкѣ, а хотя бы къ чертополоху, такъ, я полагаю, они моментально завяли бы отъ страха. Развѣ я не правъ? Ха, ха, ха...

И онъ, звонко смѣясь, обвелъ свою аудиторію такимъ веселымъ взглядомъ, какъ будто рѣчь шла не о немъ самомъ и не о его злосчастной физіономіи, а о какомъ-то безразличномъ постороннемъ лицѣ.

— И все-таки я утверждаю, что шрамы, это въ родѣ булавочныхъ уколовъ, не болѣе. Надо вамъ знать, господа, что первое боевое крещеніе я получилъ при защитѣ одного польскаго мѣстечка. Это

было въ самомъ началѣ войны. Какъ только мы сошли съ поѣзда, который привезъ насъ изъ Петрограда, такъ сразу и попали въ бой.

Пріѣхалъ я такой чистенькій, аккуратненькій, причесанный по послѣдней модѣ, пахнущій духами, съ закрученными кверху усами — не этими, господа, что теперь торчатъ у меня, это — жалкіе остатки, да и чортъ ихъ знаетъ, отчего они вдругъ сдѣлались рыжими, ей-ей золотисто-русые были... И еще скажу вамъ: огня настоящаго никогда не видалъ. Стрѣлялъ, конечно, и на ученьи и на маневрахъ, ну, такъ развѣ же это огонь? Это такъ себѣ, въ родѣ шведской спички... А тутъ какъ засвистѣли пули, какъ загромыхала шрапнель, да загремѣли чемоданы, — фью-у!..

Однако, какъ потомъ объяснилось, я дѣйствовалъ правильно, должно быть, инстинктъ у меня былъ военный. Такъ какъ насъ было очень ужъ маловато и ничего мы не могли подѣлать съ австрійцами, которыхъ было множество, то дѣло вышло плохо. Впрочемъ, все это я узналъ потомъ и при самыхъ скверныхъ обстоятельствахъ, а именно: всадили мнѣ по одной пулѣ въ каждую ногу, да вотъ кусокъ подбородка, какъ изволите видѣть, какимъ-то чортомъ отрѣзало. И лежалъ я на только-что убранномъ полѣ, подъ самымъ мѣстечкомъ, кровь изъ моихъ ранъ сочилась, а у меня съ собой ничего, даже носового платка не оказалось, все растерялъ гдѣ-то.

Выстрѣловъ не слышно. Наши отошли, должно быть, а австрійцы успокоились. Открылъ глаза: солнце заходитъ и все красное — лѣсъ, трава, хаты,

мѣстечка. Хочу встать, не могу. Жажда прямо дикая. Чуть приподнялся на локтѣ, вижу — неподалеку распластался одинъ, а тамъ другой и третій, но безъ движенія, значитъ — капутъ. Впалъ въ забытье, пришелъ въ себя ночью, но только и могъ убѣдиться, что надо мной темнота и небо закрыто облаками, а гдѣ-то чуть слышно раздается собачій лай.

Вторично открылъ глаза когда зачиналось утро — чуть-чуть. Потомъ пригрѣло солнце, но я уже не былъ въ состояніи открыть глаза. Въ ушахъ шумѣло, въ мозгу такое ощущеніе, будто тамъ червяки шевелятся. Во рту сухость, горечь и кислота, — отвратительно! За каплю холодной воды отдалъ бы не знаю что.

Смутно слышалъ, какъ шагали какіе-то люди, ихъ голоса, нѣмецкія слова, которыя я понималъ, но какъ-то не воспринималъ сознаніемъ. Да, представьте, какая странность: явственно слышу нѣмецкія слова, а языкъ знаю отлично, но какъ будто внутри, тамъ, подъ моей черепной крышкой, кто-то сидитъ и шепчетъ: это, молъ, подлый вражескій языкъ, не смѣй понимать. И я не понимаю.

Осматривали, должно быть, убитыхъ и раненныхъ. Подошли и ко мнѣ, одинъ наступилъ на меня ногой, толкнулъ и отшвырнулъ въ сторону. Должно быть, я показалъ признаки жизни, потому что со мной начали возиться.

Ужъ не знаю, что они дѣлали. Я опять погрузился въ небытіе и очнулся уже въ лазаретѣ. Но вы думаете, на кровати, подъ одѣяломъ, въ чи-

стомъ бѣльѣ, съ перевязками? Какъ бы не такъ! Кроватей дѣйствительно было много, стояли въ рядъ, но на нихъ лежали раненые австрійцы. Около нихъ ходили сестры, сидѣлки, врачи, имъ дѣлали перевязки, ихъ кормили, поили, а я, или нѣтъ, теперь ужъ мы — у меня оказались товарищи: унтеръ-офицеръ изъ моей роты и четыре солдатика изъ другой части — всѣ тоже раненные — валялись на полу и на насъ никто не обращалъ вниманія.

Что дѣлалось съ моими ногами, вы можете себѣ представить. Цѣлыя сутки безъ перевязки, безъ малѣйшаго ухода. Какъ они только остались цѣлы, понять невозможно. Во рту ни росинки. Жгучая боль въ раненыхъ мѣстахъ, грудь вся окровавлена — этой мой подбородокъ такъ постарался. Словомъ, вы уже и такъ видите, что если я еще дышалъ, такъ очевидно, что мнѣ было суждено жить для какого-то другого еще худшаго предназначенія. Такъ оно впослѣдствіи и оказалось

Собственно боль въ ногахъ я ощутилъ только на одно мгновеніе, а потомъ нестерпимая жажда, должно быть заглушила всякую боль. И вотъ въ этотъ моментъ совершилось маленькое чудо, происхожденіе котораго я и до сихъ поръ не выяснилъ себѣ. Какимъ-то образомъ одинъ изъ солдатиковъ досталъ фляжку съ водой. Можетъ быть, при немъ оказался ранецъ и это была его собственная фляжка, а, можетъ быть, какая-нибудь сочувственная душа тайно ткнула ему въ руки. Но фляжка скоро попала къ моему унтеръ-офицеру, а тотъ,

лежавшій близко около меня, тихо толкнулъ меня въ бокъ и промолвилъ:

— Ваше высокоблагородіе, хлебните.

Какъ ни были слабы мои руки, но я нашелъ для этого силы, схватилъ фляжку, стиснулъ ее и, знаете, какъ проголодавшійся ребенокъ соску, всунулъ себѣ ее въ ротъ.

Божественное ощущеніе!.. Говорю вамъ: много въ жизни испытывалъ всякаго рода блаженствъ, но такого никогда. Вотъ сейчасъ вспоминаю и какія-то струи радости играютъ въ моей груди. Глотокъ, другой, третій и еще и еще... И я ожилъ. А фляжку ужъ отнялъ у меня унтеръ-офицеръ и самъ принялся сосать изъ нея влагу.

Нѣтъ, развѣ это не трогательно, господа? Онъ прежде далъ мнѣ, а потомъ уже о себѣ подумалъ. Русскій человѣкъ — онъ всегда себѣ вѣренъ.

Да-съ, я ожилъ, господа, но для чего? Единственно для того, чтобы видѣть, какъ комфортабельно устроены раненые австрійцы, какъ мимо насъ, голодныхъ и жаждущихъ, проносили супъ, яичницу, курицу, пиво, вино, но на насъ просто не обращали вниманія, какъ будто насъ и не было.

Но вотъ — совѣсть ли ихъ взяла, или вспомнили о международныхъ обычаяхъ — спохватились, подошли къ намъ, осмотрѣли и, увидѣвъ, что я среди пятерыхъ солдатъ одинъ офицеръ, очевидно ради одного только зла, начали сперва возиться съ солдатами, потомъ съ унтеръ-офицеромъ и послѣднимъ занялись мной.

Но что это было за издѣвательство! Я видѣлъ что-то въ родѣ таза, въ которомъ плавала губка, вода тамъ была уже грязная. Чуть-ли не въ одной и той же водѣ обмывали раны всей нашей злосчастной компаніи. Сестра звѣрски теребила мнѣ ноги, причиняла мнѣ адскую боль. Подкатали мнѣ брюки, разрѣзали нижнее бѣлье, наворотили какого-то тряпья и ушли.

Мои глаза замкнулись и вся эта мерзость человѣческой злобы исчезла изъ моего сознанія.

Меня разбудили выстрѣлы — гдѣ-то вдали, должно быть, на улицѣ, потомъ ближе, въ самомъ лазаретѣ. Я широко открылъ глаза и узналъ нашихъ офицеровъ и солдатъ.

Я не вѣрилъ глазамъ. Я думалъ, что это одинъ изъ моихъ причудливыхъ и лихорадочныхъ сновъ. Но дѣйствительность опровергла меня.

Скоро я лежалъ въ постели, на чистомъ бѣлье и на мнѣ все было свѣжее. Надо мной наклонилась сестра, обмывала мои раны, осторожно накладывала перевязки. Мнѣ дали пить, силы мои подкрѣпили рюмкой крѣпкаго вина, меня накормили.

Русскіе прочно овладѣли мѣстечкомъ и я спокойно лѣчился. Лазаретъ нашъ былъ внѣ опасности. И, должно быть, у меня оказалась чертовски здоровая кровь. Черезъ три недѣли я уже вышелъ и пустился въ догонку за своимъ полкомъ, который ушелъ Богъ знаетъ какъ далеко. Я настигъ его дня черезъ четыре и... Но, однако, господа, остановка, и, кажется, не безъ буфета. Въ дорогѣ не слѣдуетъ пропускать ни одного случая подкрѣпить свое тѣло.

Поѣздъ остановился и опять всѣ высыпали на станцію. Предчувствіе капитана на счетъ буфета оправдалось.

III.

Но какъ только загудѣли колеса вагона, слушатели вновь собрались вокругъ капитана и ждали отъ него разсказа о томъ, что случилось тогда, когда онъ догналъ свой полкъ. Всѣ уже разглядѣли, въ особенности во время прогулки на станціи, какихъ усилій ему стоило поддерживать въ непоколебимой стройности свою высокую тончайшую фигуру, и какъ трудно доставалось ему каждое движеніе ноги. И для всѣхъ было ясно, что онъ претерпѣлъ гораздо больше, чѣмъ они до сихъ поръ узнали. Да и не даромъ же грудь его была украшена Георгіемъ, не говоря уже о другихъ, менѣе значительныхъ, наградахъ.

А капитанъ вовсе и не думалъ артачиться. Ему самому было пріятно вспоминать то, что, хотя по существу и было ужасно, но сдѣлалось уже прошлымъ, и при томъ все это было такое, чѣмъ можно было безъ хвастовства похвалиться.

Онъ оглядѣлъ свою аудиторію и, какъ бы убѣдившись, что всѣ на своихъ мѣстахъ, сказалъ.

-- А вы опять собрались, господа! Хотите знать, что было, когда я нагналъ свой полкъ? Извольте. Это стоитъ разсказать. Номерокъ вышелъ, я вамъ скажу, не изъ послѣднихъ...

Дѣло въ томъ, что полкъ мой на этотъ разъ былъ двинутъ съ австрійскаго фронта на германскій, гдѣ предусматривалось серьезное сраженіе.

Большія силы собирались и настроеніе войска было другое.

На австрійцевъ мы смотрѣли свысока. Плохіе они вояки, и при томъ много среди нихъ было нашего брата-славянина, — а онъ и самъ дерется по нуждѣ, да и его бить, какъ слѣдуетъ, жалко. А тутъ нѣмецъ сплошной, безъ всякой примѣси. Да и подготовка не та, и духъ у нихъ былъ тогда высокій. Теперь не знаю. Слышалъ, что подались они много назадъ, осѣли, разглядѣли наши качествами и не такими ужъ орлами смотрятъ. Такъ ужъ и мы подтянулись, и готовились изо всѣхъ силъ.

Ну и было сраженіе, въ которомъ мы показали имъ, что мы такое, что съ нами не шути. Сбили съ нихъ спѣсь окончательно.

Я, господа, дрался какъ и всѣ другіе, — могу сказать, что не посрамилъ русскаго оружія и вотъ этого офицерскаго мундира. И нужно вамъ знать, что тогда я былъ уже не тотъ, что въ первой стычкѣ, до лазарета. Куда! Никакого сравненія. И мундиръ на мнѣ былъ довольно потрепанный и прически модной слѣда даже не осталось, да и привлекательность моего лица пострадала — вотъ подбородокъ утратилъ свои симметрическія очертанія! И съ полъдесятка шрамовъ на щекахъ обозначилось; — а главное — духъ окрѣпъ. Дѣйствительно то было настоящее крещеніе, послѣ котораго я сталъ воиномъ въ полномъ смыслѣ этого слова.

Уже четыре дня шло сраженіе. Случалось, что пуля пролетала около самого уха. Шепчетъ тебѣ въ ухо подлая свой секретъ, словно страстная лю-

бовница: я, говоритъ, тебя люблю... а сама дальше и, смотришь, твой сосѣдъ и свалился. Были и царапины — вотъ эта, напримѣръ, что украшаетъ мой лобъ, тогда была пріобрѣтена.

Ну, да на такіе пустяки не обращаешь и вниманія. Промоешь гдѣ-нибудь въ ручьѣ и опять займешь свое мѣсто.

Но случилась такая исторія... Понимаете, шрапнель звякнула и осколокъ угодилъ мнѣ въ грудь, да такъ ловко, что зацѣпилъ — ужъ не знаю, плевру или самое легкое, — не наше дѣло разбирать, дѣло это докторовъ. Но, однимъ словомъ, свалился я и потерялъ всѣ чувства.

Понятно, былъ я тутъ не одинъ, много насъ лежало на полянѣ, а ходъ сраженія заставилъ нашихъ уклониться въ сторону и, должно быть, на насъ наткнулись враги, а — впрочемъ — не знаю. Ничего опредѣленнаго не могу сказать, ибо въ эти часы я не существовалъ. Я жилъ, конечно, во мнѣ оставалась душа, но въ то же время я былъ мертвецъ.

Вы думаете, я играю словами? Ну, нѣтъ, вы сейчасъ увидите, что это — плохая игра.

Случилось это, господа, приблизительно этакъ часа въ два послѣ полудня. А къ вечеру передъ закатомъ солнца наши — о чемъ я узналъ, разумѣется, гораздо позже — прогнали нѣмцевъ далеко. Часть погналась за ними и гдѣ-то настигла, а другіе вернулись и ждали приказанія.

По полянѣ недавней битвы расхаживали наши санитары и среди труповъ павшихъ братьевъ ра-

зыскивали еще живыхъ, а мертвыхъ хоронили. И вотъ проходятъ мимо одного, недавно только насыпаннаго нѣмцами, могильнаго холма и съ изумленіемъ и ужасомъ останавливаются. Имъ послышалось что-то похожее на стонъ, словно гдѣ-то далеко-далеко кто-то взывалъ о помощи.

Но то были люди опытные и бывалые, они не впали въ обманъ, съ усердіемъ принялись за работу и быстро разметали насыпь.

Добычей ихъ былъ быздыханный трупъ, потомъ другой, третій, еще и еще и вдругъ руки ихъ прикоснулись къ чему-то трепещущему, живому, теплому. Вынули, положили на носилки. Это былъ живой человѣкъ.

Онъ очнулся и смотрѣлъ на нихъ и на висѣвшее надъ нимъ небо и съ ужасомъ припоминалъ только что пережитое ощущеніе человѣка, живьемъ, рядомъ съ трупами, зарытаго въ могилу.

Знаете-ли, господа, кто это былъ? Вашъ покорный слуга. Да-съ, побывалъ-таки въ нѣдрахъ матушки-земли и не случись санитарамъ притти туда, именно въ ту минуту, когда я, очнувшись, почувствовалъ надъ собою тяжесть и, не находя воздуха для дыханія, застоналъ послѣднимъ стономъ — былъ бы конецъ мнѣ.

— Что? Страшно? Вы содрогаетесь? А мнѣ вотъ ничето, даже пріятно вспоминать. Солдатъ, идя на войну, долженъ знать, что съ нимъ можетъ случиться все. И я съ гордостью вспоминаю, что вотъ испыталъ и это. Побывалъ въ могилѣ вмѣстѣ съ настоящими мертвецами. А ну-ка, кто изъ васъ мо-

жетъ этимъ похвастаться? И вы же понимаете, господа, что послѣ этого мнѣ ужъ ничто не страшно.

Ну, снесли на пунктъ, а оттуда отправили въ лазаретъ. Тамъ рѣзали меня, шарили внутри, отыскали что слѣдуетъ и опять закупорили. И снова пришлось проваляться въ постели нѣсколько недѣль. Эскулапы наши побаивались, но ничего, заросло.

И опять мнѣ пришлось гнаться за своимъ полкомъ. Что подѣлаешь! Ему не сидѣлось на мѣстѣ. И на этотъ разъ онъ подралъ на сѣверъ и я догналъ его у самыхъ, такъ сказать, воротъ въ Восточную Пруссію. Эге, да я вижу, что мнѣ скоро слѣзать! Черезъ полчаса моя послѣдняя остановка, промолвилъ капитанъ, взглянувъ на свои карманные часы.

Потомъ всталъ, поднялъ руки, чтобы снять чемоданъ съ сѣтки, но это ему рѣшительно не удавалось. Тогда нѣсколько рукъ стремительно протянулись туда и стащили чемоданъ.

— Чортъ возьми,—воскликнулъ капитанъ.—Вы, однако, господа, не думайте, что я такъ слабъ. Это преглупая штука — корсетъ, который мѣшаетъ мнѣ двигаться...

Онъ наклонился надъ чемоданомъ и началъ укладывать вещи. Но слушатели не только не расходились по своимъ мѣстамъ, а еще ближе придвинулись къ нему.

— Капитанъ, а зачѣмъ же у васъ корсетъ? Почему корсетъ? — спрашивали его.

— Ха, ха, ха!..—весело разсмѣялся капитанъ,— ну, это пустяки... Да и некогда разсказывать; а впрочемъ — вотъ, въ двухъ словахъ. Ночью, знаете,

въ развѣдку пошелъ, ну и того... Наткнулись на обстрѣлъ... Чемоданъ, знаете — да не такой, какъ вотъ этотъ мой, а нѣмецкій девятидюймовый — вдругъ хлопъ — и въ десяти шагахъ отъ меня — громъ и молнія... Ну, разумѣется, меня какъ не бывало. То-есть, однако, какъ вы изволите видѣть, я все-таки существую; а только вотъ свалился. Отрядъ убѣжалъ въ сторону, а я остался въ качествѣ мертваго. А ночью, знаете, открываю глаза и чувствую, что вся лѣвая сторона у меня мокрая Ощупываю, что-то лишнее подо мной, что-то влажное, мягкое... И не знаю ужъ, какъ сообразилъ — тоже инстинктъ, должно быть, — взялъ это его осторожно правой рукой и вдвинулъ обратно, а самъ на другой бокъ, такъ что оно — сверху. Утромъ меня взяли. Докторъ посмотрѣлъ, покачалъ головой и похвалилъ: „Благо, говоритъ, тому, у кого имѣется такой здоровый и умный инстинктъ самосохраненія.

Оказалось, что это были мои собственныя внутренности. Собственная же моя кровь, обильно вытекавшая, смыла съ нихъ всякую нечисть. Ну, оттого дѣло и обошлось благополучно!.. Только съ этой штукой пришлось уже отправить меня въ Петроградъ. Тамъ лѣчили, зашивали и опять лѣчили, а въ заключеніе надѣли на меня вотъ эту броню, — корсетъ, безъ котораго я ни шагу.

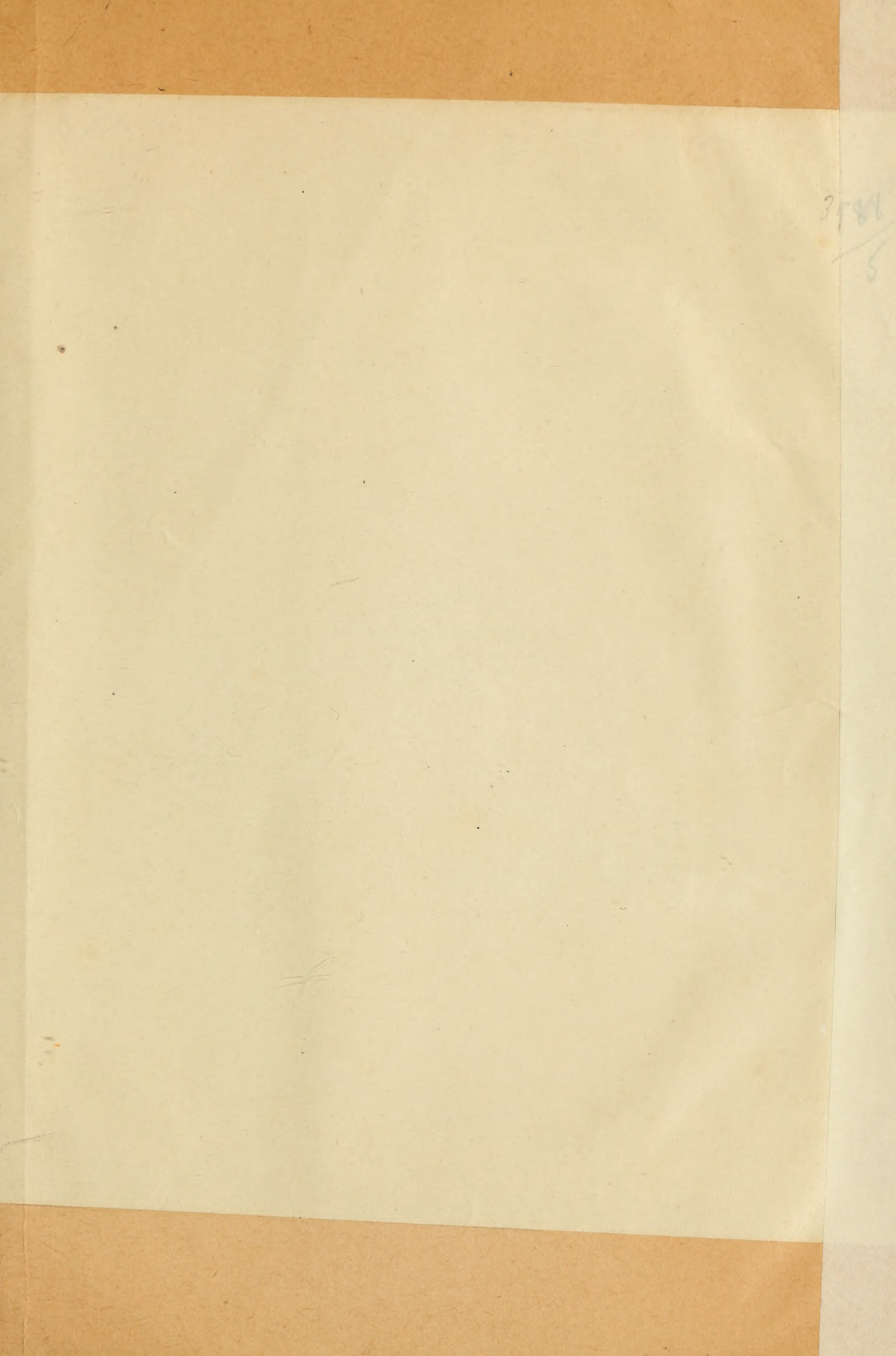
— Ну, вотъ и все, господа. Теперь снова иду. Сейчасъ увижусь съ моими товарищами. Вотъ и поѣздъ замедлилъ ходъ... Эй, кондукторъ, нельзя ли снести на станцію мой чемоданишко? Добраго вамъ здоровья, господа, счастливаго продолженія пути!

Поѣздъ остановился. Капитанъ, облекшись при помощи спутниковъ въ шинель, своей странной походкой выходилъ изъ вагона. Кондукторъ несъ за нимъ чемоданъ.

Публика разступилась и почтительно пропустила его мимо себя. А онъ кланялся во всѣ стороны. И лицо его, изрытое шрамами, было веселое и счастливо улыбалось.

А на станціи при его появленіи раздались шумныя привѣтствія нѣсколькихъ десятковъ голосовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

